

Фонд развития юридической науки

V МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«ЗИМНИЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ»

(15 февраля 2014г.)

1 ЧАСТЬ

г. Санкт-Петербург

© Фонд развития юридической науки

УДК 34
ББК Х67(Рус)
ISSN: 0869-1243

Зимние юридические чтения: международная конференция 1 Часть (теория и история государства и права, конституционное право, уголовное право и процесс) (15 февраля 2014года г. Санкт-Петербург): Фонд развития юридической науки. Центр академических публикаций. – 130 стр.

Тираж: 200 шт.

УДК 34
ББК Х67(Рус)
ISSN: 0869-1243

Издательство не несет ответственности за материалы, опубликованные в сборнике. Все материалы поданы в авторской редакции и отображают персональную позицию участника конференции.

Контактная информация Организационного комитета конференции:

Фонд развития юридической науки

Электронная почта: info@legal-foundation.ru

Официальный сайт: www.legal-foundation.ru

Администратор конференции - Кошкин Денис Викторович

Оглавление

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Широкова-Мурараш О.Г., Билощена У.Н.

ЗАЩИТА ПРАВ ДЕТЕЙ: МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И УГРОЗЫ
СОВРЕМЕННОГО МИРА..... 6

Воронцова М.А.

БЕЗОПАСНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВЫ ЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ
РЕГЛАМЕНТАЦИИ..... 10

Заболотная Н.Я.

К ВОПРОСУ ОБ ОБЩИХ И ОСОБЕННЫХ ТРЕБОВАНИЯХ ТЕХНИКИ
ФОРМИРОВАНИЯ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО ДОГОВОРА 12

Колпакова Е.Е.

ПРИНЦИП ЗАКОННОСТИ НА СТАДИИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ
ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ
ОБРАЗОВАНИЙ..... 15

Кузьмин И.А.

УНИКАЛЬНОСТЬ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СИСТЕМЕ
МЕР ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ..... 19

Лановая Г.М.

СОВРЕМЕННОЕ АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО КАК ФОРМА
ГРУППОВОГО ПРАВА..... 22

Мазуренко А.П.

ПРАВООТВОРЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И
ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ 25

Максуров А.А.

АНАЛИЗ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ В ЦЕЛЯХ ПРОВЕДЕНИЯ
СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ (НА ПРИМЕРЕ
КООРДИНАЦИОННОЙ ТЕХНОЛОГИИ)..... 28

Михайлов А.Е.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПОДХОДЫ К
УСТАНОВЛЕНИЮ ПРЕДЕЛОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ [1] 30

Ожегова Г.А.

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ НОВЫХ ВИДОВ ЮРИДИЧЕСКОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ 34

Пронина М. П.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ГЕНЕЗИС РАЗВИТИЯ
ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ В РОССИИ..... 37

Рехтина И.В.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ЭЛЕМЕНТЫ ПРИНЦИПА
ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ (RES JUDICATA) В СУДЕБНИКАХ 1497 И
1550 ГОДОВ..... 41

Тарасевич И.Б.

СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ АДЕКВАТНОСТИ ЯЗЫКА ЗАКОНА 44

Тарасова И.А. К ВОПРОСУ О ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД	47
Хорунжий С.Н. НОРМЫ МОРАЛИ И НРАВСТВЕННОСТИ КАК АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ГРАНИ ПРАВОВОЙ СРЕДЫ	51
КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО	
Алфимцев В.Н. ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫМ ПРОТИВОРЕЧИЯМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ЧТО ДОМИНИРУЕТ ПРАВО ИЛИ ПОЛИТИКА?	54
Баймаханова Д.М. СПЕЦИФИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕЗИДЕНТА РК КАК ГАРАНТА СОБЛЮДЕНИЯ ОСНОВНЫХ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН.....	57
Воронов А.А. О ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ И ГОСПОДСТВЕ ПРАВА В ИДЕЕ ПОСТРОЕНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА	62
Гоголев П.В. ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «КОРЕННЫЕ МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ РОССИИ»	65
Горбачева С.В. ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФЕДЕРАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ, СПЕЦИФИКА.....	69
Довган Б. В. СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ МОДЕЛЕЙ УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В ОТПРАВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ.....	72
Зими́на М.Ю. СИСТЕМА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ КАК КОНСТИТУЦИОННАЯ ГАРАНТИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ГРАЖДАН НА МЕДИЦИНСКУЮ ПОМОЩЬ: ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ, РЕФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.....	75
Корженевская Н.В. «СВОБОДА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»: ПРОБЛЕМА ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕФИНИЦИИ	78
Минаев А.В., Мурашов К. А. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ	85
Рябушкина Н.В. ЗАЩИТА ПРАВА ДЕТЕЙ НА ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ	89
Силкин А.Е. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГРАЖДАНАМИ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА РОССИИ И БЕЛАРУСИ	91

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Головинская И.В. О СУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ РАССМОТРЕНИЯ ЖАЛОБ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ.....	95
Ковязина А.Ю. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА СУДА ПРИСЯЖНЫХ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН.....	98
Кучеренко М.И., Богданов С.В. МОЛОДЕЖНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1920-е ГОДЫ	102
Медведева В.В., Комиссарова С.В. О ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПОВОДОВ К ВОЗБУЖДЕНИЮ УГОЛОВНОГО ДЕЛА О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШАЕМЫХ В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ.....	105
Осодоева Н.В. ПРОИЗВОДСТВО ДОПРОСА СПЕЦИАЛИСТА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	108
Попова Н.А., Подковыров Е.А. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ ОТ ПРЕВЫШЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ.....	112
Сирик М.С. ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОЗДАЮЩИЕ ОПАСНОСТЬ ДЛЯ ВОИНСКОГО ПРАВОПОРЯДКА.....	117
Фадеев П. В. ЗАКОННЫЕ ИНТЕРЕСЫ КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.....	120
Чернышева О.А. ПРОБЛЕМЫ ОКАЗАНИЯ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ.....	123
Шмыков Д.В. ПОРНОГРАФИЯ: ПОНЯТИЕ, ФОРМА, РАЗГРАНИЧЕНИЕ.	126

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Широкова-Мурараш О.Г.

*Доцент кафедры международного права Института международных отношений Национального авиационного университета,
Кандидат исторических наук*

Билоцена У.Н.

*Студентка Института международных отношений Национального
Авиационного университета*

ЗАЩИТА ПРАВ ДЕТЕЙ: МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И УГРОЗЫ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Международная защита прав ребенка является составной частью международной защиты прав человека, от которого отталкивается современное международное право. В условиях современного мира, в эпоху глобализации, увеличиваются факты злоупотребления, жертвами которых становятся дети, поэтому все большего оборота приобретает стремление международного сообщества в большей мере укрепить права ребенка.

Дети, в силу возрастных особенностей, нуждаются в особом правовом статусе, который обусловлен объективными причинами: во-первых, исторически социальный статус детей ниже, чем у взрослых, что требует обеспечение им равных прав и возможностей со взрослыми; во-вторых, ребенку, который изначально физически и умственно уступает взрослому, необходимо предоставление особых прав и дополнительной защиты. Все это требует выделения не закрепленных юридически вопросов, относящихся к правам ребенка, в самостоятельный предмет в рамках международной защиты прав человека. Современная система международной защиты прав ребенка стоит на принципе уважения к правам и свободам человека без какой-либо дискриминации, и, таким образом, была сформирована в рамках ООН, закрепивший этот принцип как один из основных в системе принципов международного права.

Долгое время дети и подростки оставались одной из самых незащищенных в правовом отношении категорий населения. Обществу в большей части было присуще безразличие по отношению к детству, что, по мнению Ф. Ариеса, было прямым следствием демографической ситуации того времени, отличавшейся высокой рождаемостью и большой детской смертностью. Например, в средневековой Германии слово "ребёнок" было синонимом для понятия "дурак" [6].

Длительный период времени дети использовались как дополнительная рабочая сила в семье. Периоду XVIII века характерна эксплуатация детского труда, особенно в семьях рабочих, где правовое положение несовершеннолетнего определялось степенью его полезности в хозяйственных видах деятельности. Так, в период индустриального переворота в Англии, доля малолетних работников составляла от 30 до 40 процентов рабочей силы [7]. Причем именно дети, наряду с матерями, своим трудом содержали семьи, а их

беззащитность и бесправность делала их удобным материалом для беспощадной и нечеловеческой эксплуатации. Впервые на защиту детей стала английская общественность в лице Р. Оуэна, Р.Остлера, М.Садлера и других филантропов. Именно с принятия фабричного законодательства в Англии первой половины XIX в. зарождается новое мышление, в основе которого лежала концепция защиты детей как гарантов будущего социально-экономического развития страны. Наконец, в начале XX века мировое сообщество обращает внимание на проблему защиты прав ребенка.

Первым международным документом, в котором освещалась проблема прав ребенка, была Женевская декларация 1923 г., направлена на создание условий, обеспечивающих нормальное физическое и психическое развитие ребенка, право ребенка на помощь, надлежащее воспитание, защиту и т.д. Государства придерживались этой декларации лишь фрагментарно по отдельным вопросам в области охраны прав ребенка [1, с.10].

После Второй мировой войны развитие международной тенденции защиты прав ребенка шли в направлении разработки международных стандартов в области защиты прав ребенка и создания специальных контрольных органов за их соблюдением.

Законотворческий процесс и механизм по защите прав ребенка состоял из нескольких направлений: 1) закрепление прав ребенка в универсальных декларациях и конвенциях по правам человека; 2) закрепление прав ребенка в международных соглашениях, регламентирующих права отдельных социальных групп, тесно связанных с ребенком, или в определенной области отношений; 3) разработка деклараций и конвенций, специально регулирующих права ребенка [5, с. 51-58].

Конвенция о правах ребенка содействовала созданию специального механизма контроля за выполнением положений Конвенции, который состоял из Комитета по правам ребенка, главной функцией которого было следить за политикой государств в осуществлении положений Конвенции и других международных контрольных институций по защите прав человека.

Важным документом по реализации и защите прав и интересов детей стала принятая 10 декабря 1948 Генеральной Ассамблеей ООН Всеобщая Декларация прав человека. В ней впервые на нормативном уровне отражено основы защиты прав детей.

На ряду с основными принципами прав человека, институт защиты прав детей основан на специальных принципах. А именно: принцип недопустимости дискриминации, принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка, принцип свободного выражения своих собственных взглядов, принцип соблюдения (обеспечения) права ребенка на выживание и здоровое развитие, принцип особой защиты и охраны детей.

Единым же международным документом, который соединил в себе весь предшествующий опыт нормотворчества и новые представления о защите прав ребенка, стала Конвенция о правах ребенка, принятая 20 ноября 1989 года. Дети впервые рассматриваются не только как объект, требующий специальной

защиты, но и как субъект права, которому предоставлен весь спектр прав человека.

В современном обществе дети оказались заложниками взрослых проблем, которые нуждаются в правовом урегулировании. Кроме уже известных традиционных угроз детскому благополучию появляются и новые, порожденные постиндустриальным, информационным обществом. Из второго тысячелетия в XXI век шагнули эксплуатация детского труда, торговля детьми, голод, бедность, безнадзорность, социальное сиротство и социальная дезадаптация, физическое, психологическое и экономическое насилие со стороны родителей. К реалиям и одновременно отличительным чертам современности, необходимо отнести такие явления, как:

- детская проституция, что в свою очередь сопровождается ростом венерических заболеваний, опасностью получить смертельную ВИЧ инфекцию;
- сексуальное насилие со стороны взрослых;
- распространение вредных для здоровья привычек среди молодежи – курение, наркомания, алкоголизм;
- соответственно низкий уровень здоровья детей (до 14 лет включительно);
- высокая смертность впоследствии заболеваний;
- информационное воздействие (как самый влиятельный фактор в формировании психики ребенка). В силу особенностей детской психики, ребенок крайне редко может самостоятельно анализировать и отфильтровывать нужную информацию, что превращает этот фактор в источник негативного влияния. Тут и становится проблемным вопрос о грани между правом детей и правом родителей на защиту детей от информации. Поэтому стоит уделять внимание защите ребенка от вредной информации, но при этом, не ограничивая их права.

- низкий уровень социальной и правовой защиты на государственном уровне (беспризорные дети, оставленные родными, прибегают к проституции, кражам, попрошайничеству).

Дети продолжают подвергаться насилию – пусть и существуют документы, защищающие права детей, но отсутствует эффективный механизм выявления случаев насилия.

Сквозь призму истории разным образом и нарушались, и соблюдались права детей, но говоря о современных реалиях, ужасным является тот факт, что многие государства характеризуются различными нарушениями прав ребенка, которые набирают значительных оборотов.

Так, например, в Бельгии рассматривается вопрос о легализации детской эвтаназии, а в Нидерландах этот процесс давно узаконили. Основные религиозные общины Бельгии выступают против отмены возрастных ограничений на эвтаназию. Однако такую идею поддерживает большинство депутатов парламента и, судя по одному из социологических опросов, около 75 процентов населения [2]. На данный момент поднимается вопрос о легализации педофилии в США, а «Американская психиатрическая ассоциация в Диагностическом и статистическом описаниях умственных расстройств признала педофилию разновидностью сексуальной ориентации, в то время, как

в Госдуму России внесён законопроект, предусматривающий ужесточение наказания для педофилов [4]. Кроме этого, в Женеве на 65-й сессии Комитета ООН по правам ребенка был предоставлен доклад, в котором власти Ватикана были обвинены в пособничестве распространения педофилии среди священнослужителей [3].

Несмотря на то, что в большинстве стран Запада к педофилам, в отличие от гомосексуалистов, подчёркнуто относятся негативно, всё чаще фиксируются попытки замаскированной пропаганды педофилии.

На данном этапе развития человечества прослеживается регрессия в сфере защиты прав ребенка, особенно западными странами, которые считаются развитыми.

В силу проведенного исследования, стоит сказать, что дети не знают перечня своих прав, и поэтому не могут ими воспользоваться. Считаем за необходимое, ввести в программу школьного образования курс по правам человека, а в частности по правам ребенка, который создаст основу правового общества, начиная еще со школьных парт.

Мало провозгласить права и свободы человека и закрепить их в законах, нужно добиться материального обеспечения этих прав и свобод, гарантировать беспрекословное выполнение законов всеми членами общества.

Список использованной литературы:

1. Агушева Г.Г., Баданин Д. Защита прав ребенка: Международно-правовой аспект//Ювенальное право. - Архангельск: Поморский университет. 2005. С. 10.

2. Европейские новости Брюссельское бюро [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://ru.euronews.com/2014/02/12/belgium-set-to-give-minors-the-right-to-die>

3. РИА новости [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://ria.ru/world/20140205/993232684.html>

4. Планета медиа [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://vblage.ru/articles/pedofily---ugroza-detei-pozhiznennoe---ugrozapedofilov.htm>

5. Старовойтов О. М. Указ. соч. С. 51—58.

6. Статьи по психологии [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://www.psyarticles.ru/view_post.php?id=522

7. Широкова-Мурараш О.Г. Детский труд в промышленности Англии первой половины XIX века: Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.02 / О.Г. Широкова-Мурараш; Чернов. гос. ун-т им. Ю.Федьковича. - Черновцы, 2000[Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://dissert.com.ua/contents/28023.html>.

БЕЗОПАСНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВЫ ЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

Безопасность как важнейшая составляющая в жизни человека, в последнее время привлекает к себе все большее внимание. Это не удивительно, так как безопасность представляет собой естественную потребность любого живого объекта. В отсутствии безопасности жизнедеятельность человека является проблематичной. Только при условии обеспечения достаточного уровня безопасности можно говорить о полноценном развитии и нормальном функционировании индивида, в противном случае жизнь индивидуума превращается в бесконечную борьбу за выживание.

В современном обществе обеспечение безопасности человека осуществляется сугубо правовыми методами, так как человек представляется не только в качестве биологического объекта, но и как носитель прав, свобод, обязанностей и законных интересов. Безопасность человека обретает социально-правовую направленность, и она становится все более зависимой от степени обеспечения правовой охраны и защиты.

В области применения правовая безопасность охватывает все сферы жизнедеятельности человека, общества и государства. Эта особенность данного вида безопасности проистекает из самой сути права как важнейшего регулятора социальных отношений и жизни общества в целом. Актуальность проблемы развития правовой безопасности заключается в потребности полноценного и всестороннего развития личности как основы нормального функционирования государства и общества.

В 1993 году российское общество декларировало свое развитие в рамках правового государства. Одним из принципов правового государства является обеспечение прав и свобод человека и гражданина и признание человека высшей ценностью, что предполагает развитие правовой безопасности личности, обязывает к созданию правовых механизмов, обеспечивающих охрану и защиту человека в социально-правовой области.

Трудно представить осуществление и соблюдение любого вида безопасности без опоры на правовое регулирование и нормативно-правовой массив, регламентирующий данные правовые отношения. Безопасность человека основывается на праве человека на безопасность, являющемся естественным и неотчуждаемым правом каждого индивида. Несмотря на то, что данное право не получило напрямую законодательного закрепления в Конституции РФ 1993 г., оно представляется основополагающим. Так, ч. 1 ст. 55 гласит, что «перечисление в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина» [1].

Базисный характер права на безопасность проявляется в том, что его реализация во всех сферах жизни и социальной деятельности служит

необходимым условием реализации всех основных прав и свобод человека и гражданина, независимо от природы и места каждого из них в правовой системе личности [4, с. 52]. Обозначенные в Основном законе права и свободы представляют собой минимальный комплекс требований для обеспечения безопасного существования человека как субъекта правоотношений. Таким образом, право на безопасность гарантируется гражданам России, соответственно гарантируется и безопасность человека и гражданина в социально-правовой сфере.

Основополагающим нормативно-правовым актом в обеспечении безопасности является Федеральный закон от 28.12.2010 N 390-ФЗ «О безопасности» [2], в ст. 2 которого среди основных принципов деятельности по осуществлению безопасности выделяется соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина. Данный нормативно-правовой акт закрепляет в качестве объекта охраны личность. Применительно к человеку правовой охране и защите подлежат, прежде всего, его права и свободы, что невозможно без непосредственной охраны личности как таковой. Это связано с тем, что личность вступает в правоотношения в качестве субъекта права, и в соответствии со своим правовым статусом. С принятием «Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г.» [3] безопасность личности выделена в одну из основных стратегических задач и ей отведено приоритетное место в системе «человек – общество – государство». Роль основного субъекта и гаранта в обеспечении безопасности человека отводится государству. Данная норма тесно перекликается со ст. 2 Конституции РФ, которая вменяет в обязанность государству обеспечение защиты человека, его прав и свобод. В настоящее время безопасность человека является определяющим компонентом в единой системе безопасности государства, а разработка проблемы безопасности личности и ее обеспечения является одним из приоритетных направлений правовой политики [5, с. 3].

Нормы, призванные обеспечить правовую безопасность личности, содержатся в различных отраслях российского права и образуют собой единую систему, направленную на охрану и защиту личности. Во многом на внутригосударственное законодательство влияют нормы международного права, которые также призывают к законодательной регламентации безопасности человека и гражданина, разработке механизмов, адекватно отвечающих правовым реалиям. Во многом, основные права и свободы человека и гражданина, обозначенные в Конституции РФ 1993 г., сформулированы в соответствии с нормами международного законодательства – Всеобщей декларации прав человека 1948 г., Международным пактом о гражданских и политических правах 1966 г. и т.д. Данные тенденции влияют на все российское законодательство в целом. Это обязывает к принятию и претворению в жизнь высоких стандартов обеспечения правовой безопасности человека.

Каждому человеку и гражданину Конституцией предоставлено право защищать себя всеми не запрещенными законом способами, а также право на судебную защиту своих прав, что предполагает собой гарантию обеспечения безопасности индивида при помощи правовых методов. Также, в случае если

исчерпаны все внутригосударственные способы защиты, гарантируется право человека на обращение в межгосударственные органы по защите его прав и свобод. Суть обеспечения правовой безопасности заключается в поддержании состояния, при котором личность защищена от опасности в социально-правовой сфере, уровень правовых рисков сведен к минимуму, наличествует механизм реагирования на нарушение правовой безопасности и восстановления правовой охраны, который отвечает необходимым требованиям.

Таким образом, сама суть правового государства предполагает приоритет правовой безопасности человека. Основы законодательной регламентации безопасности проистекают из Конституции РФ и пронизывают все отечественное законодательство. Современные тенденции требуют развития вопросов правовой безопасности человека в нормах как внутригосударственного, так и международного законодательства.

Список использованной литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ) // «Собрание законодательства РФ», 26.01.2009, N 4, ст. 445.
2. Федеральный закон «О безопасности» от 28.12.2010 г. N 390-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 03.01.2011, N 1, ст. 2.
3. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» от 12.05.2009 г. N 537 // «Собрание законодательства РФ», 18.05.2009, N 20, ст. 2444.
4. Калина Е.С. Государственно-правовой механизм обеспечения права на безопасность личности в РФ: теоретическое административно-правовое исследование. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 – Челябинск, 2004. – 186 с.
5. Панченко А.В. Личная безопасность человека и гражданина в конституционно-правовом механизме ее обеспечения в РФ. Автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 - Челябинск, 2010. – 25 с.

Заболотная Н.Я.

*ассистент кафедры гражданского права и процесса
Учебно-научного института права и психологии
Национального университета «Львовская политехника»*

К ВОПРОСУ ОБ ОБЩИХ И ОСОБЕННЫХ ТРЕБОВАНИЯХ ТЕХНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО ДОГОВОРА

Нормативно-правовой договор стал альтернативным средством регламентации ряда общественных отношений. «Гибкий» характер его применения позволяет сторонам этого источника права избежать многочисленных проблем регулирования их правоотношений. Но качество нормативно-правового договора предусматривает соблюдение требований юридической техники его формирования.

Важность применения указанных требований состоит в том, что юридическая техника служит инструментом предотвращения правовых

коллизий и несогласований. Адекватное ее применение на стадии формирования нормативно-правового договора позволяет избежать проблем неправильного толкования и применения его норм или минимизировать эти проблемы, а также надлежащим образом формулировать и структурировать соответствующие положения этого источника права. С помощью средств юридической техники достигается логичность в построении текста нормативно-правового договора, упрощается изложение его нормативных предписаний, содействующее унификации их понимания и интерпретации.

Вопреки важности требований юридической техники формирования нормативно-правовых договоров, до сих пор отсутствует четкий механизм их разработки. На нормативном уровне частично регламентировано технику подготовки лишь отдельных видов нормативно-правовых договоров.

На наш взгляд, все требования техники формирования исследуемого источника права можно классифицировать на две группы: *общие требования* (касающиеся техники формирования всех видов нормативно-правовых договоров) и *требования особенные* (касающиеся техники формирования отдельных видов указанного источника права).

Как известно, *общие требования* техники формирования любой внешней формы права различаются в зависимости от элементов этой техники. К примеру, Б. Чигидин выделяет языковые, логические, гносеологические группы требований [1, с. 41-42], применяемых в процессе формирования источника права.

Условно все общие требования юридической техники формирования нормативно-правового договора можно разделить на *содержательные* и *формальные*, выделив в отдельную группу *требования применения специальных средств* указанной техники. Содержательные требования (законности, целесообразности, обоснованности, эффективности, своевременности, стабильности, экономности, реальности и оптимальности) касаются самого текста нормативно-правового договора, а формальные – его внешнего оформления, придания ему соответствующей правовой формы (требования относительно реквизитов договора, его структуры, а также требования соблюдения языковых правил – терминологических, синтаксических, стилистических и грамматических). Соблюдение последних является предпосылкой юридической действительности нормативно-правового договора.

Последнюю группу требований техники формирования нормативно-правовых договоров составляют требования применения специальных средств юридической техники. Их перечень отличается в зависимости от научных позиций ученых. Л. Луць выделяет такие специальные средства как правовые презумпции, правовые аксиомы, правовые предостережения, правовые фикции, правовые символы, правовые примечания и правовые классификации [3, с. 192]. Б. Чигидин предлагает выделит наряду с правовыми презумпциями, правовыми фикциями, правовыми предостережениями и примечаниями также юридические конструкции и правовые ссылки [1, с. 21]. А. Е. Максимова разделяет специально-юридические средства на две группы: средства

конструирования нормы права и средства оформления текста источника права. К первым она относит: юридическую терминологию, дефиниции, юридические конструкции, правовые презумпции, правовые фикции, правовые аксиомы, правовые символы, правовые преюдиции, а к числу второй – примечания, приложения, ссылки [4, с. 40].

Требования применения специально-юридических средств техники формирования нормативно-правовых договоров полностью совпадают с требованиями, выдвигающимися к технике создания нормативно-правовых актов.

Анализ *особенных требований* юридической техники формирования нормативно-правового договора разрешил прийти к таким выводам:

– при разработке международных нормативно-правовых договоров должны соблюдаться, прежде всего, принципы публичного порядка, приоритета прав и свобод человека. Относительно формальных требований, то формирование международного нормативно-правового договора предусматривает, в частности, такой особый его реквизит как правовые предостережения. К особенностям применения специфических средств юридической техники формирования международного нормативно-правового договора принадлежат: обеспечение посредством указанных средств интерпретации договора с минимальными отклонениями от его содержания (последние могут быть оправданы, прежде всего, техническими ошибками, допущенными при упорядочении текста, а также отставанием отдельных его положений от нужд изменяющейся юридической практики); перевод текста такого договора должен быть доступным, предусматривать соблюдение всех лингвистических правил, выполняться в официально-деловом стиле и иметь официальный характер;

– техника формирования конституционно-правовых нормативных договоров предусматривает необходимость соблюдения, в частности, таких содержательных требований как обеспечение соответствия положений договора конституции государства, и официальное толкование преимущественно органом специальной юрисдикции;

– особенными содержательными требованиями техники формирования административного нормативно-правового договора являются: требование административной правосубъектности (субъектом создания такого договора всегда выступает орган публичной власти); текст этого договора не должен ограничивать права и законные интересы физических и юридических лиц; условия, предусмотренные законодательством, признаются для такого договора существенными; наличие специфической цели, состоящей в реализации публичного интереса; необходимость формирования административного нормативного договора как средства государственного управления должна быть соразмерной потребности в договорном регулировании определенного правоотношения, то есть представлять эффективный инструмент правового регулирования;

– особенными содержательными требованиями техники формирования коллективного договора являются такие: предмет коллективного договора не

может предусматривать условия, ухудшающие положение работников сравнительно с действующим законодательством; должен существовать действенный механизм исполнения установленных обязательств. Особенности формальные требования техники формирования коллективного договора обусловлены, в частности, необходимостью его регистрации.

Для усовершенствования нормативно-договорной правотворческой практики предлагаем разработать и принять нормативно-правовые акты, регламентирующие вопросы применения требований техники формирования отдельных видов нормативно-правовых договоров, не нуждающихся в международно-правовой процедуре регламентации. Необходимость существования таких актов обусловлена недостаточной нормативной регламентацией техники договорного нормопроектирования, что на практике усложняет процедуру их разработки.

Список использованной литературы:

1. Чигидин Б. В. Юридическая техника российского законодательства: дис. ... канд. юрид. наук / Б. В. Чигидин. – Москва, 2002. – 193 с.
2. Пригара Л. І. Юридична техніка актів правозастосування: дис. ... канд. юрид. наук / Л. І. Пригара. – К., 2009. – 200 с.
3. Луць Л. А. Загальна теорія держави і права: навчально-методологічний посібник (за кредитно-модульною системою) / Л. А. Луць – К.: Атіка, 2008. – 412 с.
4. Максимова Е. В. Юридическая техника как средство повышения эффективности нормативно-правовых актов федеральных органов исполнительной власти: дис. ... канд. юрид. наук / Е. В. Максимова. – Уфа, 2009. – 202 с.

Колпакова Е.Е.

аспирант

Самарского государственного экономического университета

ПРИНЦИП ЗАКОННОСТИ НА СТАДИИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Реализация правовых норм, – воплощение их предписаний в реальной деятельности субъектов права, превращение их требований в правомерное поведение [1, с. 257], – является наиважнейшей задачей публично-правовых образований, под которыми общепринято понимаются Российская Федерация (далее – РФ), субъекты РФ, муниципальные образования [2, с. 52-54].

Степень важности данной задачи подчёркивается тем, что названные выше субъекты публичного права призваны обеспечивать публичные интересы, являющиеся, в нашем понимании, общественными интересами, без которых невозможно существование и нормальное развитие социума, объединённого в территориальное единство, признанными на официальном уровне, имеющими государственную поддержку и правовую защиту. Соответственно, представляется, что ответственность за неисполнение или ненадлежащее

выполнение правовых предписаний должна быть чётко установлена и обязана применяться в соответствии с законодательством.

Реализация юридической ответственности в общем, и юридической ответственности публично-правовых образований, в частности, проходит, по нашему мнению, в несколько этапов: становление, конкретизация, осуществление [3, с. 45-48].

Наличие именно обозначенных выше стадий в процессе реализации юридической ответственности объясняется, с нашей точки зрения, влиянием принципа законности – основным принципом ответственности, представляющим собой нормативно закреплённые основные идеи, которые отвечают закономерностям развития отношений, обеспечивают главные интересы общества, и в силу этого защищаются наиболее жёсткими мерами принуждения:

1. Начало данного процесса, полагаем, связано с моментом совершения правонарушения, поскольку указанный выше принцип закрепляет положение о запрете деяний, противоречащих нормативно-правовым актам, под угрозой применения неблагоприятных последствий к правонарушителю;

2. Считаем, что вторая стадия реализации юридической ответственности связана с деятельностью компетентных органов и (или) должностных лиц по исследованию обстоятельств совершения правонарушения и находится под существенным влиянием принципа законности, т.к. указанная деятельность строго регламентирована законодательством, обеспечивающим объективность и беспристрастность при установлении факта наличия достаточных оснований для применения норм, регулирующих юридическую ответственность;

3. Последняя стадия данного процесса, в нашем представлении, характеризуется применением к конкретному правонарушителю конкретных мер ответственности, закреплённых в конкретном правоприменительном акте, и включает в себя как факт исполнения названного акта, так и контроль над его исполнением. Принцип законности ответственности непосредственно действует на этой стадии, потому что к правонарушителю могут быть применены лишь те меры ответственности, которые обозначены в санкции соответствующей нормы права, в объёме, который предусмотрен для соответствующего правонарушения, и в том порядке, который определён специальным законом.

Ввиду того, что на третьей стадии реализации юридической ответственности протекает, с точки зрения лица, право которого было нарушено, самая важная процедура – восстановление указанного права, что связано с ограничениями прав, свобод и законных интересов правонарушителя, представляется необходимым более подробно остановиться на её исследовании.

Для публично-правовых образований исполнение правоприменительных актов в пользу физических и (или) юридических лиц проходит в обычном порядке, однако существуют следующие особенности применения норм исполнительного производства:

1. Обращение взыскания на бюджеты бюджетной системы РФ возможно только на основании решения суда. Думается, данное положение не противоречит принципу законности ответственности, т.к. в противном случае

судебные приставы-исполнители, наложив арест на лицевой счёт всего публично-правового образования, блокировали бы нормальное функционирование его деятельности, что повлекло бы нарушение указанным субъектом публичного права иных обязательств;

2. Исполнение судебных актов производится за счёт бюджетных средств в течение трёх месяцев со дня поступления исполнительных документов на исполнение, что объясняется наличием условия о невозможности вернуть взыскателям исполнительные документы без исполнения из-за отсутствия финансирования этих целей. Именно поэтому и необходимо большее количество времени для перераспределения денежных средств, направленных как на исполнение вступивших в законную силу решений суда, так и на обеспечение функционирования публично-правовых образований;

3. Возложение обязанности отвечать по обязательствам учреждения, созданного публично-правовым образованием, при недостаточности денежных средств указанного учреждения. Данное положение согласуется с принципом законности ответственности, несмотря на существование возможности применения мер ответственности к лицу, не совершившему правонарушение, потому что законодательством предусмотрена ситуация обращения с требованиями к лицу, несущему субсидиарную ответственность, при невозможности удовлетворения законных требований основным должником;

4. Наличие возможности взыскателя по решению суда, предусматривающего обращение взыскания на средства бюджетов бюджетной системы РФ, обратиться с заявлением о присуждении компенсации за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок, представленной специальным законом [4], а также процессуальным законодательством РФ. Считаем, что указанная возможность подчёркивает действие принципа законности юридической ответственности: нарушение публично-правовыми образованиями нормального течения правоотношений может привести к серьёзным последствиям, поэтому восстановление нарушенных прав является первостепенной задачей при исполнении судебных решений и неисполнение законных требований порождает новое правонарушение, которое также требует правовой оценки.

Обозначив особенности исполнения правоприменительных актов в отношении публично-правовых образований, необходимо проанализировать причины, по которым данные акты возвращаются взыскателям без исполнения. Указанный анализ был проведён на основе информации, размещённой на официальном сайте Казначейства России в разделе «Информация о ходе исполнения предъявленных исполнительных документов» на примере Управления Федерального казначейства по Самарской области.

По состоянию на 06.02.2014 г. было 3824 записи о поступивших в данный орган исполнительных документах, из которых 767 возвращены заявителям. Причины возвращения данных документов без исполнения имеют законное обоснование (пп. 3, 3.1 и 3.2 ст. 242.1 Бюджетного Кодекса РФ [5]), и, в основном, данное возвращение происходит из-за опечаток в документах (например, решение суда и исполнительный лист содержат разные сведения о

должнике), нарушения формы представленных документов (например, исполнительный лист выдан раньше, чем решение суда вступило в законную силу), непредставления полного пакета документов, необходимого для обращения взыскания на денежные средства должника (например, к заявлению взыскателя не приложена копия решения суда), предоставления заявления в финансовый орган соответствующего публично-правового образования, в котором не открыт лицевой счёт должника.

Следовательно, по нашему мнению, причины, препятствующие исполнению подобных правоприменительных актов, в большинстве случаев носят организационно-технический характер и могут быть исправлены уполномоченными органами и (или) должностными лицами: полагаем, следует дополнить полномочия Федерального казначейства и, соответственно, подчиняющихся ему органов исполнительной власти, обязанностью взаимодействовать с судебными органами по вопросам исполнения обозначенных решений суда, установив возможность применения дисциплинарной ответственности за неисполнение данной обязанности. Подобное взаимодействие, с нашей точки зрения, целесообразно организовать в форме запросов, в частности, надлежаще оформленных документов (например, запрос о представлении копии решения суда, в котором присутствует гербовая печать). Также для сведения к минимуму представления заявлений в финансовый орган соответствующего публично-правового образования, в котором не открыт лицевой счёт должника, возможно, по нашему мнению, улучшить доступность соответствующей информации, распространив её и на стендах судебных органов.

Таким образом, можно сделать вывод, что реализация юридической ответственности публично-правовых образований базируется на принципе законности ответственности, в связи с тем, что действие данного принципа исключает использование административного ресурса указанными субъектами в процессе применения к ним мер юридической ответственности.

Список использованной литературы.

1. Комаров С.А. Общая теория государства и права. СПб., 2001.
2. Крылова Е.Б. Интерес публично-правовых образований в гражданском праве // Юридический мир. 2010. № 3.
3. Шипяндина М.Д. Стадии юридической ответственности: Учебное пособие. М., 1998.
4. Федеральный закон от 30.04.2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Собрание законодательства Российской Федерации. 03.05.2010. № 18. Ст. 2144.
5. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 г. № 145-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 03.08.1998. № 31. Ст. 3823.

УНИКАЛЬНОСТЬ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СИСТЕМЕ МЕР ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Юридическая ответственность – уникальное правовое явление, которое обнаруживает себя на объективном и субъективном уровне правового регулирования [1, с. 192-195 ; 2, с. 5], и которое является официальной реакцией на совершенное противоправное деяние. Тематика статьи и позиция автора побуждают «обойти стороной» остро дискуссионные вопросы позитивной (активной, перспективной, интроспективной) юридической ответственности и сконцентрироваться на ее традиционном аспекте – негативном.

В системе мер государственного принуждения юридическая ответственность занимает особое место, что объясняется рядом факторов и особенностей, позволяющих отграничить юридическую ответственность от иных форм (мер) принудительного воздействия [3, с. 506-512]. Не вдаваясь в доктринальную полемику и патетические рассуждения, выскажем свою точку зрения по вопросу, перечислив соответствующие характерные черты изучаемой категории.

Во-первых, юридическая ответственность связывается с возложением на правонарушителя дополнительных негативных обременений (лишений) личного, имущественного или организационного характера [4, с. 8], а также с осуждением (отрицательной оценкой) деяний правонарушителя со стороны компетентных субъектов. Так, с точки зрения В. П. Грибанова юридическая ответственность – форма государственно-принудительного воздействия на нарушителей норм права, которая заключается в применении к ним предусмотренных законом санкций – мер ответственности, влекущих для них дополнительные неблагоприятные последствия [5, с. 38-39]. Отдельные авторы считают возможным указывать в качестве родового признака ответственности юридическую оценку [6, с. 58]. Названная особенность юридической ответственности считается базовой, поскольку она имманентна мерам юридической ответственности и не свойственна иным формам государственного принуждения.

Во-вторых, основанием привлечения к юридической ответственности являются исключительно факты противоправного поведения, за совершение которых предусматриваются наказания [7, с. 69-70].

В-третьих, цель юридической ответственности заключается в обеспечении законности, посредством восстановления нарушенных прав и возложения взыскания (кары) на правонарушителя. Как верно отмечает В. В. Степанов реализация правосстановительной и штрафной «...целей юридической ответственности позволяет одновременно достигнуть и цели охраны или защиты правопорядка» [8, с. 121].

В-четвертых, меры юридической ответственности имеют межотраслевой характер. Юридическая ответственность применяется за нарушение различных отраслей права и, в этой связи, насыщается отраслевой спецификой, которая выражается в дифференциации ответственности. По отраслевому основанию обычно выделяют конституционно-правовую, уголовную, административно-правовую, гражданско-правовую и трудовую виды юридической ответственности. При этом проблема классификации (дифференциации) ответственности гораздо глубже, чем может показаться. К примеру, место и роль международно-правовой и процессуально-правовой ответственности в теории права до настоящего времени достоверно не установлены [9, с. 92-93]. Встречаются и оригинальные суждения, когда к юридической ответственности причисляют не присущие ей формы, как это сделал К. С. Безик, признав одностороннее расторжения договора (в отдельных случаях) мерой гражданско-правовой ответственности [10, с. 48-56].

В-пятых, меры юридической ответственности возлагаются как в судебном, так и во внесудебном порядке [11, с. 68-72]. Некоторые разновидности юридической ответственности в России возлагаются исключительно в судебном порядке (уголовно-правовая, гражданско-правовая ответственность), другие – только во внесудебном порядке (дисциплинарная ответственность), а часть – как в судебной, так и во внесудебной форме (конституционно-правовая, административно-правовая и материально-правовая ответственность).

В-шестых, возложение юридической ответственности не исключает применения иных мер государственного принуждения. Так, согласно ч. 1 ст. 104.1 Уголовного кодекса РФ (УК РФ) [12] конфискация имущества есть принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора определенного имущества. УК РФ конфискация отнесена к иным мерам уголовно-правового характера и может применяться лишь в совокупности с мерами уголовной ответственности. Гражданский процессуальный кодекс РФ [13] в ч. 1. ст. 144 и Арбитражный процессуальный кодекс РФ [14] в ч. 4 ст. 96 устанавливают правило, в силу которого меры по обеспечению иска сохраняют свое действие до исполнения итогового акта суда, то есть могут сопровождать гражданско-правовую ответственность на всех стадиях ее возложения.

В-седьмых, после применения некоторых мер ответственности, возможно возникновение особых правовых последствий для правонарушителя. Действующее законодательство РФ в числе таких последствий предусматривает: судимость (ст. 86 УК РФ); срок, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию (ст. 4.6 Кодекса об административных правонарушениях РФ [15]); срок, в течение которого лицо считается подвергнутым дисциплинарному взысканию (ст. 194 Трудового кодекса РФ [16]). Перечисленные сроки учитываются при рецидиве правонарушения и назначении наказания для лица (отягчают ответственность).

В-восьмых, в плане отдельных мер юридической ответственности у правонарушителя имеется возможность реализовать их самостоятельно, без прямого вмешательства компетентного субъекта. Упомянутая возможность в

большей степени проявляется в плане частноправовых видов ответственности (гражданско-правовой, материально-правовой) и международно-правовой ответственности, что не исключает ее наличия в публичном праве [17, с. 10-16].

Таким образом, на основании изложенного мы можем сделать вывод о том, что юридическая ответственность обладает рядом специфических свойств, которые в единстве позволяют характеризовать данную правовую категорию как уникальную в системе мер государственного принуждения.

Список использованной литературы:

1. Пьянов Н. А. Актуальные проблемы теории государства и права : учеб. пособие / Н. А. Пьянов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2011. – 255 с.

2. Числов А. И. К вопросу о понятии юридической ответственности как фундаментальной правовой категории / А. И. Числов // Актуальные проблемы юридической ответственности (сборник статей). – Тюмень : Тюменск. юрид. институт МВД РФ, 2000. – С. 3-13.

3. Лазарев В. В. Проблемы общей теории *jus* : учебник / В. В. Лазарев, С. В. Липень, А. Х. Саидов ; отв. ред. В. В. Лазарев. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2012. – 656 с.

4. Бобылев А. И. Юридическая ответственность за правонарушение / А. И. Бобылев // Право и государство: теория и практика. – 2010. – № 2. – С. 6-12.

5. Грибанов В. П. Ответственность за нарушение гражданских прав и обязанностей : пособие для слушателей / В. П. Грибанов. – М. : Знание, 1973. – 92 с.

6. Кузакбирдиев С. С. Понятие и сущность юридической ответственности (вопросы теории) / С. С. Кузакбирдиев, Е. А. Цишковский. – Тюмень : Тюменск. юрид. институт МВД РФ, 2002. – 77 с.

7. Иванов А. А. Правонарушение и юридическая ответственность. Теория и законодательная практика : учеб. пособие / А. А. Иванов, В. П. Иванов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2006. – 159 с.

8. Степанов В. В. Цели юридической ответственности и особенности основания освобождения от штрафной и праввосстановительной ее разновидностей / В. В. Степанов // Вестн. Пермск. ун-та. Юридические науки. – 2010. – № 1. – С. 120-125.

9. Даниленко В. Н. Проблемы понятия и классификации юридической ответственности / В. Н. Даниленко // Вестн. сибирск. гос. ун-та путей сообщения. – 2013. – № 29. – С. 92-96.

10. Безик К. С. Одностороннее изменение и расторжение договоров в гражданском праве Российской Федерации : монография / К. С. Безик. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. – 220 с.

11. Маркин А. В. Формы реализации юридической ответственности / А. В. Маркин // Вектор науки ТГУ. – 2009. – № 6. – С. 68-74.

12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

13. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

14. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.

15. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч.1). – Ст. 1.

16. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч.1). – Ст. 3.

17. Кузьмин И. А. Добровольная форма реализации юридической ответственности / И. А. Кузьмин // Сибирский юридический вестник. – 2011. – № 4. – С. 10-16.

Лановая Г.М.

*доцент кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России
кандидат юридических наук, доцент*

СОВРЕМЕННОЕ АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО КАК ФОРМА ГРУППОВОГО ПРАВА

Признавая возможность существования группового права наряду с общественным (общим), воспроизводимым и функционирующим в государственно организованном обществе, ученые, как правило, исходят из того, что групповое право существует только в качестве неофициального, негосударственного, неюридического. Вопрос о юридических формах группового права не ставится – очевидно, в силу того, что сама мысль о возможности появления таковых не возникает. Вместе с тем, рассматривая отрасль административного права с точки зрения его назначения и механизма действия, можно обнаружить, что, по крайней мере, часть его представляет собой юридически оформленное, официально существующее образование, организованное и функционирующее по принципу группового права.

Изложим те обстоятельства, которые, по нашему мнению, подтверждают высказанное суждение.

Прежде всего следует отметить, что то образование, которое традиционно рассматривается в качестве отрасли административного права, в действительности представлено институциональными выражениями двух качественно специфичных типов права как моделей, различающихся с точки зрения заложенной в них правовой природы [2, с. 9-12].

С одной стороны, исследуя особенности современного административно-правового регулирования, можно обнаружить такую составляющую отрасли, традиционно обозначаемой в качестве административного права, которая в функциональном плане предназначена для регламентации поведения негосударственных субъектов права. Регулирование отношений в соответствии с их природой в данном случае обеспечивается посредством права

организующего типа, которое по принципу своего действия является механизмом целенаправленного властно-волевого упорядочения, обеспечивающего достижение целей правового воздействия за счет правового стимулирования или подавления активности самостоятельных в других отношениях субъектов права.

С другой стороны, составляющей регулирования, осуществляемого в рамках административного права как отрасли, является организация внутриаппаратных отношений («государственный менеджмент»). Такая организация по своей природе предполагает упорядочение посредством права управленческого типа, которое по принципу своего действия выступает механизмом воспроизводства институциональных структур и правовой организации их функционирования. Право данного типа в своем действии обеспечивает возможность распределения властных полномочий и установления порядка их реализации в форме специфических аппаратных отношений, которые производны от существующих властных отношений и носят в основном организационный, процедурный характер.

С учетом изложенного целесообразным является разграничение в рамках административного права как отрасли двух автономных образований, каждое из которых фактически обладает собственным предметом и методом, – полицейского права, связанного с организацией общественной жизни, и собственно административного права, назначением которого выступает упорядочение функционирования аппарата государства.

Качественно отличаясь от полицейского права, собственно административное право имеет локальную сферу действия, что само по себе указывает на групповой, а не общественный характер этого права. При этом названная особенность характерна для административного права в любых государствах вне зависимости от типа политического режима, в том числе и в современных демократических государствах, в которых народ выступает источником власти. И в демократических, и в недемократических государствах социально-правовые ожидания и требования общества относятся лишь к той деятельности государства, посредством которой осуществляется организация общественных отношений и процессов, их упорядочение. То, каким образом государственному аппарату удастся сохранять свою целостность, поддерживать организованность и функциональность, для общества принципиального значения не имеет. Вопрос о неэффективности организации деятельности государственного аппарата приобретает социальную значимость лишь тогда, когда ненадлежащим образом реализуются присущие государству публичные функции. Однако, и в этом случае предъявляемые обществом требования не относятся непосредственно к тому, каким образом должны регулироваться отношения, связанные с управлением самим аппаратом государства: содержание требований связано с оптимизацией организации деятельности аппарата, а за счет каких внутренних ресурсов она будет достигнута, не имеет принципиального значения. В этом плане показательным является то, что и в обыденном, и в доктринальном представлении излишняя бюрократизация начинает восприниматься как проблема не тогда, когда осознается ее опасность

для обеспечения самовоспроизводства государственного аппарата, а тогда, когда она становится фактором, препятствующим эффективной реализации социально значимых функций государства [1, с.103-104; 3, с. 13-14].

Локальный характер действия собственно административного права как права, упорядочивающего функционирование государственного аппарата, связан с тем, что ему присущ специфичный именно для группового права способ его производства. Государственный аппарат можно рассматривать не только как систему органов, но и как специфическое сообщество. Его представители формируют социальную группу, в рамках которой постепенное складывание сложной системы отношений, специфической правовой практики обуславливает формирование собственной системы права, не являющейся частью общественного права. Отличие административного права от других видов группового права в данном случае состоит лишь в том, что оно продуцируется в качестве официального, юридического, так как формируется посредством государственно-властных, директивных решений, получающих свое оформление в законодательстве и подзаконных нормативных правовых актах.

Как и любое другое групповое право, юридическое право, упорядочивающее функционирование государственного аппарата, рассматривается как автономное и именно как автономное легитимируется. Его действие позволяет поддерживать обособленность должностных лиц – представителей государственного аппарата – как социальной группы, обеспечить сохранение данной группой своей идентичности.

На тот факт, что собственно административное право, которым обеспечивается упорядочение функционирования государственного аппарата, не носит общественного характера, косвенно указывает и то обстоятельство, что далеко не все его нормы имеют публичный характер. Официальное опубликование в общедоступных источниках является обязательным для любых юридических норм, поскольку придает им публичный характер, который, в свою очередь, является для любого общественного права условием его легитимности и обязательности. Тот факт, что обязательному обнародованию подлежат лишь нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, а не любые издаваемые государством нормативные правовые акты вообще, указывает на то, что далеко не все такие акты выступают источниками общественного права. Практика показывает, что изъятие из общего правила об обязательности официального опубликования относится именно к юридическим нормам, упорядочивающим функционирование государственного аппарата. При этом то обстоятельство, что в этом случае право остается легитимным, указывает, что оно не носит публичного, общественного характера, самим обществом рассматривается как локально действующее, групповое и в силу этого не затрагивающее права, свободы и обязанности человека и гражданина.

Итак, собственно административное право, в отличие от полицейского, не является правом, предназначенным для организации общественной жизни, и в этой связи его следует рассматривать в качестве специфической формы не

общественного, а группового права. На то обстоятельство, что административное право носит групповой характер, указывает, прежде всего, наличие у него специфической локальной сферы действия – таковой является сфера внутриорганизационного государственного управления.

Существование между полицейским и собственно административным правом различия по сфере действия подтверждает, что их качественное своеобразие является данностью, а не просто гносеологической установкой, теоретическим допущением. Следовательно, вряд ли можно говорить не только об однородности того образования, которое традиционно рассматривается в качестве отрасли административного права, но и о возможности взаимного проникновения полицейского и собственно административного права, их взаимной интеграции.

Список использованной литературы

1. Лановая Г.М. Качественная характеристика современного административного права // Административное и муниципальное право. 2012. № 8.
2. Кравченко А., Мамычев А. Феномен бюрократизации права: постановка проблемы // Власть. 2010. № 3.
3. Медведев Н.П. Модернизация России в условиях мировой глобализации // Вестник БИСТ. 2011. № 2.

Мазуренко А.П.

*зав. кафедрой теории и истории
государства и права филиала
Северо-Кавказского федерального
университета в г. Пятигорске,
доктор юридических наук, доцент*

ПРАВОТВОРЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

Два десятилетия отечественных реформ сопровождаются коренными изменениями в национальном праве. Практически заново сформированы все основные отрасли российского законодательства. На новый, значительно более высокий уровень возведена роль закона как главного средства регулирования общественных отношений. Свое важное место в механизме государства заняла представительная власть. Правотворчество в стране развивается невиданными темпами. Так, если за 70 лет существования СССР было издано порядка 80 актов союзного законодательства, то сегодня только на уровне федерального парламента принимается до 350 законов в год. Но, несмотря на эти весьма позитивные перемены, все явственнее стали заявлять о себе те проблемы отечественного правотворчества, которые настоятельно требуют его системной оптимизации, выработки научно обоснованной стратегии и тактики в правотворческой сфере, использования новых инструментов для устранения многочисленных недостатков правотворческой деятельности по модернизации национального права.

В юридической литературе, деятельность в области правовых отношений предлагается рассматривать как вид социальной практики. По мнению В.П. Реутова, она охватывает как процесс складывания юридических норм, процесс формирования права, так и процесс действия норм, процесс их реализации в конкретных общественных отношениях [6, с. 5].

В неразрывном единстве правовой деятельности специально уполномоченных субъектов и сформированного на ее основе социально-правового опыта рассматривает юридическую практику и В.Н. Карташов. Он трактует ее как деятельность по изданию (толкованию, реализации и т.п.) юридических предписаний, взятую в единстве с накопленным социально-правовым опытом. Такой подход, по мнению автора, позволяет не только установить место юридической практики, но и точнее определить природу последней, значение правового опыта в механизме правового регулирования [4, с. 43-44].

Е.Н. Кони́на проводит анализ содержания категорий «юридическая практика» и «юридическая деятельность». По ее мнению, существует философский аспект связи указанных социальных явлений и отражающих их понятий [5, с. 106]. «Будучи одной из сторон человеческой активности, которой присущ предметно-чувствительный характер, практика позволяет человеку ставить новые цели, открывать новые прогрессивные возможности, создавать условия для того, чтобы эти абстрактные возможности превратились в реальные и были осуществлены. Практике свойственна творчески-преобразующая роль, ибо она способна создавать особую реальность, изменять качества существующих материальных систем, разрушать либо создавать новые» [5, с. 105]. В свою очередь, В.Д. Белодед отмечает, что «исследование практики как способа бытия человека и как единства реально- и идеально-преобразовательных моментов подвело ученых к постановке и широкому обсуждению проблемы практики как деятельности» [1, с. 30]. Деятельностная природа практики как раз и позволяет определить ее через категорию деятельности. Эта взаимосвязь характерна и для правовой сферы.

Понятия «юридическая практика» и «юридическая деятельность» обозначают и отражают одни и те же правовые явления: правотворчество, правоприменение, правовая активность субъектов правовых отношений. Различие этих правовых понятий проводится по способам подхода к правовым явлениям. Юридическая деятельность выступает относительно самостоятельным объектом исследования, где понятие «юридическая практика» применительно к анализу юридической деятельности, выступает в качестве методологического инструмента [7, с. 41]. По мнению В.Н. Карташова, юридическая практика – это диалектическое единство процесса деятельности и опыта деятельности [3, с. 48]. Е.Н. Кони́на считает целесообразным включение в юридическую практику и такого элемента как результат юридической деятельности (который может быть как положительным, так и отрицательным). Любая практическая деятельность представляет ценность именно своими результатами, в которых воплощается полезность деятельности для общества, личности [5, с. 106]. Последнее высказывание одинаково верно и в отношении

правотворческой деятельности, результаты которой на протяжении последних лет являются предметом постоянной критики.

По оценкам специалистов, сегодня каждый седьмой закон содержит серьезные ошибки. Типичность таких правотворческих ошибок как бессистемность правовых актов, их внутренняя противоречивость и излишняя многочисленность, обилие в законодательстве декларативных норм, не снабженных механизмом реализации, а также повторяемость подобных ошибок на протяжении многих лет говорят об их системном характере. Субъекты правотворчества так и не могут в полной мере синхронизировать федеральный, региональный и муниципальный уровни правотворческого процесса, не успевают «латать дыры» в отечественном законодательстве.

На государственном уровне до сих пор не утвердился системный, взвешенный взгляд на вопросы юридической стратегии и тактики, не стали нормой при проведении правовой реформы опора на научный анализ и прогноз, учет общественного мнения и квалифицированная оценка возможных последствий принимаемых решений. Законодательство во многом не успевает своевременно и адекватно регулировать уже фактически сложившиеся общественные отношения, стимулировать развитие новых, необходимых социальных связей [2, с. 212]. Слишком недооценивается значение плановых начал в правотворчестве.

Все это говорит о пока еще низком качестве правотворческой работы, ее значительном отставании от экономических, социальных, политических и иных потребностей общества, о большом количестве правотворческих ошибок и иных просчетов в правовом регулировании. Справиться с названными проблемами одноразовыми, эпизодическими действиями невозможно. Требуется соответствующее системное реагирование – *правотворческая политика*, которая отличается именно системным характером, соединяющим многие инструменты правотворческого процесса во взаимосвязанный механизм.

На наш взгляд, правотворческая политика есть путь к усовершенствованию и обновлению правотворчества, повышению его эффективности. Подобный вид политики требуется для выстраивания непротиворечивого, внутренне единого, согласованного, последовательного правотворческого процесса, для внесения в него системности и юридической точности. В данном контексте весьма наглядно проявляет себя необходимость изучения особенностей, выявления сущности и разработки концептуальных основ правотворческой политики, как важного фактора модернизации правотворчества и национального права в современной России.

Список использованной литературы

1. Белодед В.Д. Категория практики в советской философской науке. Киев, 1987.
2. Доклад Совета Федерации Федерального Собрания РФ 2007 года «О состоянии законодательства в Российской Федерации» // <http://www.council.gov.ru> (дата обращения 10.02.2014).
3. Карташов В.Н. Применение права. Ярославль, 1980.

4. Карташов В.Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность. Саратов, 1989.

5. Кониная Е.Н. К вопросу о понятии юридической практики // Современная юридическая наука и правоприменение (III Саратовские правовые чтения): сборник тезисов докладов (по материалам Всероссийской научно-практической конференции, г. Саратов, 3-4 июня 2010 г.) / редкол.: О.С. Ростова (отв. ред.) и др. Саратов, 2010.

6. Реутов В.П. Юридическая практика и развитие законодательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1968.

7. Юридическая деятельность: сущность, структура, виды: сб. науч. труд. Ярославль, 1989.

Максуров А.А.

кандидат юридических наук

Ярославский государственный университет им.П.Г. Демидова

АНАЛИЗ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ В ЦЕЛЯХ ПРОВЕДЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ (НА ПРИМЕРЕ КООРДИНАЦИОННОЙ ТЕХНОЛОГИИ)

К числу специальных методов исследования права относится *метод анализа и обобщения правоприменительной (судебной) практики*. Судебная практика имеет большое значение как для развития науки, так и в законотворческом процессе. И.В. Решетникова представляет судебную практику как суммарный результат рассмотрения конкретных дел, а прецедент, по ее мнению, создается отдельно вынесенным решением, причем только высшей судебной инстанцией [1, с. 18]. Н.И. Авдеенко определяла судебную практику как практику использования процессуальных норм органами правосудия [2, с.8].

Вообще, вопрос о понятии судебной практики в отечественной науке является дискуссионным [3, с. 204-205]. Во-первых, судебная практика является разновидностью юридической практики. Юридическая практика определяется как деятельность по изданию, толкованию, реализации юридических предписаний, взятая в единстве с накопленным социально-правовым опытом [4, с. 140]. Поэтому, определяя практику, необходимо учитывать характеристики категории более высокого уровня - юридической практики. Мы придерживаемся точки зрения профессора М.К. Треушникова, который определяет судебную практику как «элемент правовой системы, участвующий в правовом регулировании, но относится она не к правотворчеству, а к применению права» [5, с. 58].

На протяжении работы мы с сожалением вынуждены были констатировать крайне малую часть и малую значительность судебной координационной практики.

Вместе с тем, существует обширная координационная правоприменительная несудебная практика, которую следует изучать и обобщать.

Именно правоприменительская практика позволяет установить эффективность координационной правовой нормы. Изучение координационной практики органов власти и местного самоуправления позволяет установить ее несовершенство [6, с. 5]. Она является своеобразным критерием, индикатором необходимости преобразований в той или иной области правового регулирования. Анализ судебной практики помогает законодателю в издании и формулировании таких норм права, которые были бы предельно точными и ясными. Изучение практики применения координационных норм права является одним из наиболее эффективных способов специально-юридического исследования, поскольку позволяет оценить эффективность законодательства, степень его восприятия на практике.

Изучение и обобщение координационной юридической практики правоприменения (осуществленное более чем в 10 субъектах Федерации и в более 80 органах власти) позволило нам, в частности, выделить основные ошибки при проведении таких координационных мероприятий как заседание координационного совещания, дать практические рекомендации по вопросам формирования совместных банков данных правоохранительных органов и доступа к ним, сделать предложения по совершенствованию координационного планирования и т.п.

В то же время, огромный массив практики применения координационных норм сегодня еще не только не изучен, но не обобщен даже на начальном уровне, к тому же, очень часто доступ к такого рода информации затруднен для широкого круга лиц.

Следующий метод - *социальный (правовой) эксперимент*. Проведение эксперимента может дать весьма полные и объективные данные об эффективности и качестве координационной юридической технологии (далее – КЮТ), ее результативности и полезности и т.п., хотя возникает вопрос о правомерности такого рода экспериментов в области права и допустимых пределах этих экспериментов.

Правовой эксперимент как метод изучения КЮТ представляет собой проверку в течение определенного периода времени результатов какой-либо реализованной КЮТ, проводимую на опытных объектах (в конкретном органе) и в специально созданных для этого условиях, в целях совершенствования правового регулирования общественных отношений. Вообще, в психологии, например, выделяют следующие виды экспериментов: непосредственно в практической деятельности, «полевой» эксперимент, приближенный к реальности, «лабораторный, искусственный эксперимент, идеализированный, мысленный эксперимент, что пригодно в качестве начальной базы и для нас.

Видимо, метод социального эксперимента в области исследования КЮТ может быть применен и в виде полного отказа от координационного правового регулирования деятельности определенной группы органов и замены его иными видами правового регулирования, например, субординационным. Действительно, не все вопросы можно разрешить с помощью координационных механизмов, иногда целесообразней отказаться от них в пользу более «жесткого» регулирования.

Важнее значение в связи с использованием социального эксперимента в исследовании КЮТ приобретает вопрос о допустимых границах такого эксперимента. Справедливо отмечает В. П. Казимирчук, что в правовой науке метод эксперимента ограничен определенными рамками, так как «государственно-правовые отношения представляют собой отношения людей» [7, с. 18].

Список использованной литературы

1. Решетникова И.В. Доказательственное право Англии и США. - М., 1999.
2. Авдеенко Н.И. Механизм и пределы регулирующего воздействия гражданско-процессуального права. - Л., 1969.
3. Ярков В.В. Статус судебной практики в России: некоторые вопросы // Юридическая наука и образование. - М., 2008. Вып. 1.
4. Общая теория государства и права: Академический курс. В 3 т. / Отв. ред. М.Н. Марченко. - М., 2002. Т. 3.
5. Гражданский процесс: Учебник / Под ред. М.К. Треушникова. - М., 2007.
6. Гурвич М.А. Лекции по советскому гражданскому процессу. - М., 1950.
7. Казимирчук В.П. Право и методы его изучения. – М., 1965.

Михайлов А.Е.

*доцент кафедры теории государства и права
ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»,
кандидат юридических наук, доцент*

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПОДХОДЫ К УСТАНОВЛЕНИЮ ПРЕДЕЛОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ [1]

Постоянно меняющиеся политические условия, связанные с движением нашей страны по пути «суверенной демократии» заставляют задуматься о соответствии политического режима современной России и действующей Конституции РФ от 12 декабря 1993 года, и пределам деятельности публичной власти в стране. Данная проблема остаётся актуальной на протяжении более двух десятилетий. В 2013 году исполнилось двадцать лет со дня принятия Основного закона России. Наверное, это вполне достаточный срок, чтобы выстроить действительно демократическую модель власти в государстве. По нашему мнению, необходимость кардинальных изменений в стране очевидна и она должна быть напрямую связана с политическим режимом нашего государства. Некоторые исследователи характеризуют современную Россию как общество «переходного типа», с проблемами выбора между демократией и авторитаризмом. Появляется мнение, что общество разочаровывается в демократии и желает наведения порядка жёсткими авторитарными методами. Но по данным социологических исследований примерно для половины населения важны и свобода (демократия) и безопасность (порядок), поэтому стоит задача в их совмещении и создании такого социального порядка, который бы обеспечивал и свободу и безопасность [2]. В целом, при всех проблемах осуществляемого в России политического режима, наша страна вполне вписалась в контекст общемирового развития, в некоторых позициях конечно

уступая «развитым демократиям», но в тоже время процессы, происходящие в ней, соответствуют тому этапу развития, на котором она находится, и тем общественным настроениям, которые в ней доминируют.

Рано или поздно встанет вопрос, какой всё же режим сформировался в период «ельцинско-путинской эпохи»? В нашей стране, как известно, редко когда при живых правителях говорили правду об их правлении. Например, при Сталине это в лучшем случае грозило заключением на длительный срок в тюрьму, в худшем – высшей мерой наказания; после него, вплоть до горбачёвской перестройки – только тюрьмой или высылкой из страны. Ситуация при Путине показывает, что по части прав и свобод мы медленно, но верно возвращаемся в недалёкие времена советской республики [3, с. 5]. Под контролем государства находятся все основные телеканалы страны. Исчезли независимые телепередачи, руководители медиапроектов увольняются за малейшую критику высшего руководства государства. И всё это делается под видом то выстраивания вертикали власти, то борьбы с международным терроризмом, то ликвидации радикализма и экстремизма. Как пишет Согрин В.В., «Путин с момента вступления в президентскую должность... и своим внешним видом, и своим поведением демонстрировал политическую независимость и надпартийность, настойчиво утверждая стиль просвещенного авторитаризма. Авторитаризм проявлялся в демонстрации политической воли и определяющей роли нового лидера в выдвижении и одобрении всех сколь угодно значимых государственных решений, просвещенный же характер авторитаризма усматривался в желании соединить вождизм и государственничество с либерализмом, твердом неприятии реставрационных идей» [4, с. 238].

В том положении, когда общество оказалось идеологически и социально расколотым, принцип «социального контакта» – объединения государства, бизнеса и общества, который позволяет ему с одной стороны не отказаться от социальных обязательств, у другой стороны – от положений либеральной идеологии, был избран В.В. Путиным как основа государственной политики [5, с. 451]. Утверждая склонность к демократическому направлению преобразований, В. Путин в то же самое время показывал решительность при нейтрализации влияния на власть тех олигархов, которые финансировали и контролировали СМИ, начавших против президента пиар-компанию. Эти события способствовали появлению беспокойства по поводу положения независимых СМИ в России. Многие исследователи устанавливают несоответствие между официальными целями политических преобразований и реальной политической практикой. Так, Урнов М. заявляет о расхождении «между декларируемыми намерениями создать систему устойчивой представительной демократии и постепенным свертыванием на практике начавших было формироваться важнейших элементов представительной демократии – ростков публичной политической конкуренции, осуществляемой по прозрачным и стабильным правилам» [6, с. 26]. Основными направлениями такой конкуренции В.В. Путин считает экономико-технологическое и идейно-информационные.

Шевцова Л.Ф. полагает, что произошёл переход от выборного самодержавия при Б. Ельцине к бюрократически-авторитарному политическому режиму, основанного В. Путиным [7, с. 47]. Под бюрократически-авторитарным правлением здесь понимается правление, при котором власть сосредоточена в руках лидера и осуществляется при опоре на бюрократию и силовые структуры. Некоторыми исследователями стал использоваться термин «управляемая демократия» для характеристики современного политического режима России. Данное понятие – это неявный индикатор происходящего. Тем временем, существуют и непосредственные признаки отдаления современной политической системы Российской Федерации от основных установленных принципов конкурентной политики [6, с. 26-27]. Поскольку складывающаяся на наших глазах система управления несовместима с демократической формой организации политической власти, и в обществе, и в системе управления возникают и углубляются разнообразные разломы и противоречия, создаются узлы напряжения. В итоге режим «управляемой демократии» начинает трансформироваться в чисто «административный», что чревато тяжелыми последствиями для самой власти [8, с. 115].

Несомненно, современная Россия движется по пути создания нового политического режима, который можно было бы характеризовать как «авторитаризм». Совмещение принципов народовластия с явными признаками тоталитаризма (насаждение идеологии партии «Единая Россия», явное лоббирование её кандидатов на выборах и избрание их на ключевые государственные посты и т.д.) это, скорее всего, поиск совмещения (симбиоза) демократии с жёсткими методами наведения порядка в стране. Возможно, это даст свои положительные плоды: в России воцарятся мир и согласие. Но вполне возможен и другой вариант развития событий: гражданская война. Её ростки уже пробиваются, но как не странно, место их расположения – Москва и Питер – города, взлелеянные современной властью. И только кардинальное изменение внутренней политики (а также и внешней) поможет уберечь страну от революционного взрыва. Таким образом, необходимость установления пределов публичной власти очевидна, и оно должно быть напрямую связано с политическим режимом в нашем государстве. А для того, чтобы понять, что нужно изменить, мы, прежде всего, должны разобраться, при какой политической системе существуем. Взвесить все «плюсы» и «минусы» и прислушаться, в конце концов, к народу. Готовых решений в нашем случае не может быть. «Россия – как образно говорил философ Константин Леонтьев, – всегда развивалась как «цветущая сложность», как государство-цивилизация, скрепленная русским народом, русским языком, русской культурой, Русской православной церковью и другими традиционными религиями России. Именно из модели государства-цивилизации вытекают особенности нашего государственного устройства» [9]. Помните слова из знаменитой детской сказки? «Я не волшебник, я только учусь». Вот и мы с вами только учимся, учимся жить при демократии, познаём всё с помощью проб и ошибок. Да, порой за такой опыт платим очень дорого (локальный конфликт в Чечне,

террористические акты в городах России, неустойчивая экономика и т.д.), но мы должны через всё это пройти сами, чтобы выбрать единственно правильный путь к по-настоящему свободной и демократической России. Свободной от всех пут и тоталитаризма, и авторитаризма. По поводу определения сущности и качественных характеристик существующего политического режима в Российской Федерации можно спорить очень долго и выше проанализированные мнения это доказывают. Как и то, что данная политическая система не похожа ни на одну из выше приведённых. Мы выступаем с серьёзной критикой публичной власти, но не для того, чтобы её опровергнуть и признать нелегитимной, а для того, чтобы указать на те её недостатки и упущения, которые стоит устранить для установления в стране реального демократического режима с действующими пределами деятельности публичной власти. Поэтому, у всех заинтересованных в изучении данной проблемы есть замечательная возможность пополнить категории политических режимов. И это, надеюсь, поможет всем гражданам Российской Федерации обрести долгожданный покой. Мы наконец-то станем цивилизованными, станем истинными патриотами и гражданами нашего государства. Ведь, по большому счёту, мы все любим свою Родину, и все ею гордимся!

Список использованной литературы:

1. Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-03-00352.
2. Проблемы идентификации политического режима в современной России // АНО ЦКОФР. URL: <http://www.ckofr.com/pravo/346-problemy-identifikacii-politicheskogo-rezhima-v-sovremennoj-rossii?start=8> (дата обращения: 30.10.2013).
3. Кива А.В. Какой режим формируется в России? // Свободная мысль. 2007. № 12.
4. Согрин В.В. Политическая история современной России. 1982-2001: от Горбачева до Путина. М., 2001.
5. Баранов Н.А. Эволюция современной демократии: политический опыт России: Диссерт. ... докт. полит. наук / Санкт-Петербургский государственный университет. СПб., 2008.
6. Урнов М., Касамара В. Современная Россия: вызовы и ответы: Сборник материалов. М., 2005.
7. Шевцова Л.Ф. Смена Режима или Системы? // Полис. 2004. № 1.
8. Баранов Н.А. Эволюция современной российской демократии: тенденции и перспективы. СПб., 2008.
9. Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай» // Российская газета. 2013. 19 сентября.

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ НОВЫХ ВИДОВ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Изменения политического строя, переориентация экономики, несовершенстве отраслевого законодательства, на безответственности лиц за совершенные деяния, на нескончаемых ошибках законодателя, на тех масштабах, которые приняли противоправные действия и наносимом уроне государству и гражданам появилась настоятельная потребность в новых видах юридической ответственности. Институт юридической ответственности сейчас существует только в рамках основных отраслей права. Однако в настоящее время часто говорят и о других видах юридической ответственности.

Но в настоящее время не существует единой позиции относительно определения юридической ответственности, ее содержания и деления на виды, свидетельством чего является также и то, что некоторые авторы экономические санкции относят к одному из видов юридической ответственности[3,с.67]. Она наступает за причинение вреда при правомерных действиях, когда нет оснований для возложения юридической ответственности.

Так в 90-х годах В.В. Петров выделил как самостоятельную эколого-правовую ответственность как один из видов юридической ответственности вообще. В частности, он писал, что эколого-правовая ответственность - комплексный межотраслевой институт права, предусматривающий две группы норм и соответствующих им правоотношений:

- а) возникающих по поводу нарушения норм природоохранительного законодательства (природоохранительные отношения);
- б) продолжающихся в связи с применением санкций (уголовной, административной, гражданской ответственности) за допущенное нарушение[5,с.35]. В дальнейшем данный вид получил свое развитие и в теории.

Но некоторые авторы полагают, что экологической ответственности как особого вида юридической ответственности не существует, ибо современное экологическое законодательство не представляет собой отдельную отрасль законодательства[2, с.39].

В настоящее время происходит наполнение новым содержанием принципов уже устоявшихся традиционных видов ответственности, поскольку такими принципами ответственности руководствуются как законодатель, так и исполнители этих норм: правоприменительные органы, должностные лица, граждане. Некоторые авторы выделяют не только эколого-правовую ответственность, но и ее подвиды, например, водно-правовую, земельно-правовую ответственность [5, с.101].

Многие ученые самостоятельным видом юридической ответственности считают конституционную ответственность[4, с.88].

В конституциях всех демократически ориентированных государств содержатся нормы, закрепляющие порядок и условия досрочного прекращения полномочий представительных и исполнительных органов государственной власти, главы государства и иных должностных лиц. Применение этих норм - самостоятельный вид юридической ответственности - конституционная ответственность, содержание которой составляет обязанность государственного органа или должностного лица досрочно прекратить исполнение своих полномочий по решению компетентного органа государства за совершение запрещенных Конституцией деяний.

К объективным причинам, которые обуславливают постановку вопроса о конституционной ответственности как самостоятельном виде следует отнести:

1) увеличение фактов нарушения конституционных норм, не подпадающих под ординарные признаки отраслевых составов правонарушений. Яркое подтверждение тому - процесс разрушения конституционного пространства путем принятия незаконных региональных актов;

2) повышение роли публичного права, в том числе конституционного права;

3) конституционное право превращается в инструмент прямого действия для всех субъектов правоотношений;

4) активно развиваются процессуальные институты конституционного права. Сегодня многие нарушения конституционных принципов связаны с нарушением процессуальных требований либо неурегулированностью отдельных конституционных институтов;

5) статьи 118 и 125 Конституции РФ впервые в российском праве закрепили конституционное судопроизводство. Применение ряда полномочий Конституционного Суда РФ нуждается в их оценке с точки зрения общей теории юридической ответственности.

Сущность конституционной ответственности заключается в установлении системы реальных гарантий против концентрации власти в одной из ее ветвей либо в руках одного высшего должностного лица путем установления мер наказания. Иными словами, сущность конституционной ответственности состоит в наступлении юридических последствий в случае нарушений сбалансированности власти и наказаний виновных лиц. Т.Д. Зражевская считает, что традиционное понимание юридической ответственности позволяет дать следующее понятие конституционной ответственности: это самостоятельный вид юридической ответственности, выражающийся в установлении приоритетности защиты важнейших отношений, а также возможности наступления неблагоприятных последствий для субъектов конституционного права, нарушивших (или стремящихся нарушить) нормы конституционного законодательства [1, с.45].

К особенностям конституционной ответственности можно отнести следующее:

1) это сложный, комплексный конституционно-правовой институт, отличающийся от других видов юридической ответственности основанием возникновения и составом конституционного правонарушения;

2) имеет ярко выраженный политический характер. Однако как самостоятельный вид юридической ответственности ее следует разграничивать с иными видами социальной, в том числе политической ответственности и с отраслевой юридической ответственностью;

3) Близость, (но не совпадение) составов конституционных правонарушений с составами других отраслевых видов ответственности. В связи с несовершенством законодательной техники «по старинке» дублируются тексты конституционного законодательства в отраслевых актах (например, ст. 278 УК РФ и ч. 3 ст.; Конституции РФ). Такое совпадение представляется недопустимым;

4) Источниками должны быть исключительно законы: Конституция РФ, Конституции республик и Уставы иных субъектов РФ, Федеральные конституционные законы, федеральные законы, законы субъектов РФ.

Юридическим основанием конституционной ответственности служит закрепленный в законодательстве состав конституционного правонарушения. Усиление регулирующей функции публичного права выражается в формулировании четких правил поведения для высших должностных лиц. За невыполнение этих правил налагается конституционная ответственность. К их числу следует отнести достижение цели и конечного результата развития страны, региона, показателей эффективности деятельности государственных органов на соответствующей территории по получению конечных результатов, выполнение предвыборной программы.

Данный вид юридической ответственности (его правовая основа, научное обеспечение и т.п.) еще не полностью не отвечает требованиям времени, не является надежным и эффективным средством защиты прав и свобод граждан, укрепления законности, преодоления вседозволенности и бюрократизма в государственном аппарате[4, с.49].

Можно выделить следующие направления дальнейшего совершенствования этой ответственности:

1. Углубление и расширение теоретической основы правовой ответственности, создание целостной и эффективной научной концепции, ее организации и функционирования в современных условиях.

2. Для устранения пробелов, имеющих в научном обеспечении правовой ответственности государства, необходимо, во-первых, в теории государства и права ответственность государства, его органов и служащих рассматривать как самостоятельный вид правовой ответственности. При этом следует сформулировать ее общее понятие, осветить задачи и принципы, исследовать черты, отличающие эту ответственность от правовой ответственности граждан, а также предприятий и учреждений, раскрыть содержание и особенности этой ответственности. Во-вторых, в отраслевых юридических науках с учетом новых общетеоретических представлений и изменений, произошедших в действующем законодательстве, нужны дополнительные научные исследования, посвященные ответственности государства, его органов и служащих. Так, в науке конституционного права

особое внимание необходимо уделить освещению конституционной ответственности сквозь призму государственно-правовых конфликтов.

3. Упорядочение правовой основы ответственности государства, его органов и служащих. Необходимо, во-первых, создать надежную конституционную основу, для чего целесообразно дополнить Конституцию РФ главой, специально посвященной ответственности государства, и закрепить в ней исходные положения этой ответственности. Возможен и другой путь конституционного совершенствования. Он связан, прежде всего, с дополнением содержания ст. 2 Конституции РФ указанием на то, что «нарушение государством прав и свобод человека и гражданина влечет для государства ответственность в установленном законом порядке». На основе этого конституционного положения целесообразно подготовить и принять Федеральный закон РФ «Об основах ответственности государства, его органов и служащих». Целесообразно расширить круг должностных лиц, которые могут быть привлечены к конституционной ответственности. Очевидно, к этому виду ответственности следует привлекать и глав исполнительной власти субъектов РФ.

Проблема юридической ответственности всегда остается актуальной, традиционно находясь в числе ведущих, стержневых проблем правовой науки. Новые исторические явления и процессы в сфере правового регулирования обуславливают изменение видов юридической ответственности, направленных, главным образом, на обеспечение и защиту прав и законных интересов личности.

Список использованной литературы.

1. Боброва Н.А., Зражевская Т.Д. Ответственность в системе гарантий конституционных норм. - Воронеж, 2005. С. 66.
2. Богданова М.С. О понимании юридической ответственности в современных условиях // Юрист. 2007. № 7. С. 38.
3. Бельский К.С. Финансовое право. -М., 2004. С. 430.
4. Колосова Н.М. Конституционная ответственность - самостоятельный вид юридической ответственности // Государство и право. 2007. № 2. С. 88.
5. Петров В.В. Экологическое право России. Учебник для вузов. -М., 2005. С. 161

Пронина М. П.

докторант адъюнктуры (докторантуры)

Нижегородской академии МВД России,

кандидат юридических наук

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ГЕНЕЗИС РАЗВИТИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ В РОССИИ

В науке теории права особое место занимает исследование периодизации отечественной юридической техники. Проблема периодизации юридической техники, выявления характерных закономерностей для каждого из этапов

генезиса имеет важное значение для понимания современных тенденций ее развития и определения основных направлений дальнейшей развития этого правового явления.

Первый, древнерусский этап становления отечественной юридической техники связан с периодом Киевской Руси, периодом феодальной раздробленности и периодом Московского государства. Он характеризуется относительной обособленностью Российского государства от западноевропейских социальных и юридических процессов. До XVIII в. правовая система России испытывала весьма незначительное влияние со стороны правовых систем европейских государств, что не могло не способствовать выработке оригинальных подходов и к юридической технике нормативных актов.

Кроме того, с XI в. начинаются сложные процессы формирования национального русского языка, которые в основном завершились к концу XVII столетия. Формирование национального языка проходило в условиях взаимовлияния двух существовавших тогда письменных языков: собственно древнерусского (язык народно-литературный) и церковнославянского (язык «высокой» литературы). Именно в результате взаимодействия этих двух языков, как полагают специалисты, к XIV столетию стал оформляться официально-деловой стиль русского языка - «приказный язык».

Отличительными чертами этого стиля, выработанного приказными дьяками и иными государственными служащими того времени, являются:

1) использование устоявшихся юридических формул (языковых клише), например, «бита челом» (ст. 9 гл. I), «злое умышление» (ст. 2 гл. II), «сыщется допряма» (ст. 4 гл. II);

2) употребление церковнославянизмов, имеющих нередко форму прямого цитирования стихов Св. Писания - в частности, показательны в этом отношении формулировки, содержащиеся в ст. 1 гл. VII («Больши бо тоя, рече, любве никто же не имать аще кто душу свою положит по братии своей») и ст. 10 гл. XIV («Се бо видевах Захария пророк, сходящ серп огни с небесе на землю...»);

3) с другой стороны, использование терминов обыденного языка, элементов разговорной речи, диалектизмов (примерами этого могут служить такие термины как «бобыли» (ст. 1 гл. XI), «прожиток» (ст. 2 гл. XVII), «воровством воровати» (ст. 36 гл. XXI), «вдругорад» (ст. 1 гл. XXV) и т.д.)

Отметим, что значительный пласт отечественной юридической терминологии, употребляемой и сейчас, сформировался именно на первоначальном этапе становления юридической техники на Руси.

Имперский этап развития законодательной техники. В этот период кардинальным образом меняются государственный, экономический, политический, культурный, бытовой уклады жизни российского общества. Существенные изменения с начала XVIII в. претерпевает и русский язык.

В качестве наиболее общих тенденций эволюции юридической техники в петровский период выделим следующие аспекты.

Во-первых, тексты законодательных актов по своей структуре начинают приближаться к современным, то есть обретают рубрикацию (членение текста,

как правило, проводилось по главам и артикулам-статьям) и сквозное цифровое (либо буквенное) обозначение структурных подразделений текста, а также иные необходимые атрибуты (заголовок, преамбула, конфирмационная надпись, подпись). Например, Генеральный регламент 1720 г. подразделялся на несколько небольших глав, каждая из которых была снабжена собственным заголовком (например, глава I имела заголовок «О присяжной должности», глава IV – «О исполнении указов» и т.д.).

Во-вторых, преодолевается казуистичность изложения правовых норм, свойственная прежнему законодательству. Хотя тексты многих норм того периода по-прежнему начинаются с подчинительного союза условия «а» («А канцелярским служителям.., сидеть по все дни и съезжаться за час до судей» - гл. III Генерального регламента: «А комиссару подписать под тоуж статью, своею рукою, что он те денги принял...» - ст. 3 «Плаката о зборе подушном и прочем») или содержат обороты «когда предложение учинено будет», «а буде Президент усмотрит» и т.д., но казуистический способ изложения норм уже не является ни традиционным, ни господствующим.

В-третьих, в текстах нормативных актов включаются легальные дефиниции содержащихся в них понятий. Довольно показательным примером здесь может служить, в частности, ст. 23 Артикула Воинского, устанавливающая правило, что «никто отнюдь не дерзает онаго бить или грабить, или вредить оному, которой от его Величества, от фелтмаршалов, или генералов, охранительной лист и салвогвардию имеет, кто б он ни был, приятель или неприятель...» В этой же статье дается определение («толкование») понятия «салвогвардии».

В-четвертых, кардинальным образом меняется и язык нормативных актов. Язык отечественного законодательства обязан петровскому времени появлением, точнее сказать, заимствованием из ряда европейских языков большого числа терминов, выражающих новые правовые понятия. В качестве примеров таковых можно назвать, в частности, термины «регламент» (впервые в русском языке употреблен Ф. Прокоповичем, заимствован из французского «reglement» через польское «reglament» [3, с. 457]), «процент» (впервые употреблен в Морском уставе 1724 г., происходит от итальянского коммерческого выражения «per cento» [3, с. 386]), «инструкция» (термин известен с 1703 г., заимствован из латинского «institution» через польское «instytucja» [2, с. 135]) и др. Некоторые термины, известные в русском языке ранее, но употреблявшиеся нечасто в силу нераспространенности самих явлений, которые эти термины обозначали, в эпоху Петра I получили большую распространенность и стали активно использоваться в текстах нормативных правовых актов. Так произошло, например, с термином «офицер» - в русском языке он известен с 1683 г. [3, с. 174], но широкое распространение в языке нормативных актов получил именно с петровских времен.

Юридическая техника советского периода. С момента своего зарождения советская юридическая техника сочетала в себе две тенденции: с одной стороны, сохранялась преемственность с прежней традицией, с другой, формировался принципиально новый подход к технике нормативных актов, при

котором на первое место выдвигалось требование общедоступности, максимальной перерабатываемости текстов нормативных документов.

Язык и терминология законодательных актов советского периода находились в состоянии постепенного и неуклонного совершенствования, эволюционируя при этом в сторону усложнения. Терминология правовых актов заимствовалась из нескольких источников: во-первых, собственно юридические термины, издавна употребляющиеся в языке правовых документов («суд», «заседатели», «апелляция» и т.д.), во-вторых, термины правовой доктрины, переносимые разработчиками в действующее законодательство (например, термин «делькредере» в ч. 2 ст. 411 ГК РСФСР 1964 г.), в-третьих, термины, образованные от производственных жаргонизмов («пошив», «посев», и т.п.), в-четвертых, «технические термины», то есть заимствованные из терминологических систем иных, неюридических наук, в-пятых, термины иностранного происхождения, включаемые в терминологический аппарат советских правовых актов в случаях возникновения какого-либо нового института права, ранее неизвестного советской правовой системе (например, термин «лизинговые операции» в п. «м» ч. 1 ст. 5 Закона РСФСР от 02.12.1990 г. «О банках и банковской деятельности в РСФСР» [4, с. 357]).

Обобщая вышесказанное, можно говорить, что в истории развития российской юридической техники выделяются ряд этапов, обусловленных объективными процессами развития отечественного государства и права, иными факторами базисного и надстроечного характера.

Отличительной особенностью отечественной юридической техники следует считать принцип преемственности использования технико-юридических элементов.

Российская технико-юридическая традиция характеризуется оригинальностью. Испытывая, безусловно, порой довольно значительное влияние технико-юридических традиций стран (особенно на втором и третьем этапах), она неизменно базировалась на уникальном национальном опыте. В свою очередь, отечественная традиция юридической техники оказала существенное влияние на формирование технико-юридической школы в постсоветских государствах.

Список использованной литературы

1. Введенская Л.А., Червинский П.П. Теория и практика русской речи. Ростов н/ Д., 1997.
2. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986., Т. 2.
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986., Т. 3.
4. Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 27.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ЭЛЕМЕНТЫ ПРИНЦИПА ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ (RES JUDICATA) В СУДЕБНИКАХ 1497 И 1550 ГОДОВ

В юридической науке на современном этапе актуальным является исследование сущности и влияния принципа правовой определенности на доступность правосудия, судебную практику и иные сферы российского правового пространства [4, с. 42], что свидетельствует о значимости исторического анализа процессуальных норм в источниках права Древней Руси.

Судебник 1497 г. составляет «эпоху в истории нашего суда... Сохранив казуистическую форму закона, вышедшего из сферы московской практики, он вскоре становится законом для всей России, служа вспомогательным источником права для всякого областного суда, для всякой уставной грамоты» [1, с. 11]. Исследователи подчеркивают, что в Судебнике 1497 г. формируется новая система судопроизводства – *по приказу* [1, с. 12]. Ст. 2 впервые упоминает о ее зарождении путем указания на наличие у судей различной компетенции и обязанности передать неподсудное дело.

В качестве высшей судебной инстанции ст. 1 называет Боярскую Думу, члены которой исполняют обязанности судей вместе с представителями иных сословий – дьяками. Боярская Дума по первой инстанции судила своих собственных должностных лиц приказов и местных судей, разбирала споры о местничестве и иски служилых людей, не пользовавшихся привилегией великокняжеского суда. Боярская Дума была высшей инстанцией по отношению к местному суду, куда передавались *по докладу* дела, изъятые из ведения местного суда, а также дела от приказных судей, когда между ними не было согласия, или порядок их решения не предусматривался законом. Наряду с Великим Князем Дума является апелляционной инстанцией, т.е. осуществляет *пересуд* (ст.ст. 21 - 24) [2, с. 63].

Ст.ст. 21 – 24 регламентируют особенности великокняжеского суда, под которым понимался как суд самого великого князя, так и его детей. Великокняжеский суд в тот период рассматривал дела в качестве суда первой инстанции по отношению к жителям своего домена, особо важные дела или дела, совершенные лицами, имеющими привилегию на суд князя (духовные и светские обладатели тарханных грамот, служилые люди, начиная с чина стольника). Дополнительно князь рассматривал дела, поданные лично на его имя, направленные *по докладу* из нижестоящего суда для утверждения или отмены принятого судом решения, а также являлся высшей апелляционной инстанцией и производил *пересуд* [2, с. 78].

В период действия Судебника 1497 г. формируется разветвленная система обжалования, реализуемая в двух формах. Первая форма - обращение с докладным списком, который представлял собой протокол заседания (судный список) суда первой инстанции, передававшийся на рассмотрение (доклада)

вышестоящей инстанции, которая давала указание, как решить дело. Решение вышестоящей инстанции писалось на оборотной стороне списка и являлось основанием для выдачи правой грамоты судом первой инстанции. Основанием для доклада являлись сомнения судьи, возникающие из трудности дела или неясности права, ограниченная компетенция судьи и разногласия судей при местном суде [1, с. 288].

Второй формой обжалования являлся *пересуд*, т.е. пересмотр дела на основании жалобы стороны. В отличие от доклада, когда дело поступало на рассмотрение вышестоящей инстанции независимо от желания сторон, *пересуд* осуществлялся лишь по жалобе стороны и мог быть прекращен, если во время доклада обе стороны признают правильность судного списка. Существуют ограничения по обжалованию. *Пересуд* допускался не по любому делу, а лишь в тех случаях, когда одна из сторон *оболжвит*, т.е. подвергнет сомнению, судный список (протокол судебного заседания), а также при решении дела *полям*. По делам меньше рубля, а также по искам о холопах и земле *пересуд* не назначался.

Зачатки заочного производства прослеживаются в нормах ст. 27, которая предписывает при неявке ответчика в суд в назначенный срок выдавать истцу на восьмой день после срока, указанного в срочной грамоте, бессудную грамоту. Ст. 36 устанавливает обязанность недельщика не задерживать передачу дела в суд, особо запрещая волокиту при выдаче бессудных грамот и перенесения срока явки в суд. Ст. 53 регламентирует порядок заключения мирового соглашения, которое допускалось как до обращения в суд, так и после начала судебного разбирательства с прекращением дела. В целях контроля со стороны государственной власти мировое соглашение подлежало утверждению судьей [2, с. 79, 81, 86].

Сохраняют свое значение процессуальные сроки. Так, ст. 45 устанавливает срок проведения судебного заседания, который назначался по усмотрению суда, с учетом имеющегося законодательства. Наместников можно было вызвать к суду лишь по окончании срока их кормления, а крестьян – в период с 1 октября по 1 апреля, т.е. не на *деловую пору* [2, с. 83].

Новаторством для Судебника 1550 г. являются ст. 20, установившая понятия соучастия и соответчика, обусловленные закреплением солидарной и долевой ответственности; ст. 41, устанавливающая право регрессного иска (дьяка к подьячему); положения ст. 97, впервые устанавливающие на законодательном уровне правило, что закон обратной силы не имеет; ст. 98, впервые закрепляющая понятие прецедента, который получал силу закона, и определяющая порядок издания и опубликования таких актов: при отсутствии в законе указания на порядок решения того или иного дела оно вершится вышестоящей инстанцией – Боярской Думой. Такой прецедент становится по существу новой законодательной нормой [3, с. 136, 142].

Детально разрабатывается система делопроизводства по всех судебных инстанциях (ст. 28); законодательно фиксируются правила оформления протокола судебного заседания (ст. 29), которому придается важное значение как письменного документа, особенно при обжаловании (ст. 62);

устанавливается единоличное рассмотрение дела судьей, которому подсуден ответчик (ст. 30).

Делается акцент на окончательности как неотъемлемом свойстве судебного решения. Так, одновременно с расширением перечня дел, по которым допустимо обжалование (ст. 51), сохраняются отдельные дела, по которым решение суда первой инстанции является окончательным и, следовательно, обжалованию не подлежит: вынесенное с соблюдением установленной подсудности определение об отказе в иске (ст. 7); решение на основании судебного поединка в заемном деле или в бою (ст. 11).

Прогрессивными являются положения ст.ст. 2 – 7, конкретизирующие порядок отправления правосудия и впервые устанавливающие ответственность судей за вынесение неправильного решения и формулирующие понятие должностного преступления. Ст. 2 не ограничивается указанием на необходимость пересмотра неправильного судебного решения, а специально оговаривает случаи, когда неверное решение вынесено судьями *безхитростно*, т.е. вследствие добросовестного заблуждения, ошибки или неопытности судьи. Ошибочное решение аннулируется, а все неправомерно полученное – возвращается. При этом стороны получают право на пересмотр дела. Судьи за такое решение ответственности не несут, ибо в их действиях нет состава преступления. Одновременно с ответственностью судей за отказ в правосудии, ст. 7 вводит наказание для жалобщика, который *бьет челом не по делу*, т.е. приносит жалобу на судей, отказавших ему в иске ввиду его незаконности, пресекая тем самым количество необоснованных жалоб. Если же жалобщик *учнет докучати* государю, т.е. настаивать на принятии жалобы на судей, то он подлежит тюремному заключению [3, с. 131].

Решение, вынесенное некомпетентным судьей, не имеет юридической силы (ст. 66), утверждение решений производилось вышестоящей инстанцией (ст. 69), которой судные списки присылались на доклад либо княжескими чиновниками *по несколько за-раз*, либо земским судьей вместе с царской казной. Их рассмотрение, по мнению Ф.М. Дмитриева, связано с разрешением судейского сомнения, нежели с судебной проверкой. Проверка начинается только в случае, если вызванные к докладу *ищя* или ответчик *оболжывит*, т.е. оспорят [1, с. 285]. Ст. 72 связывает возможность удовлетворения иска с наличием у истца имущества, не меньшего по стоимости сумме иска. Если выяснялось, что у истца нет имущества в требуемом объеме, то он проигрывал дело, уплачивал судебные пошлины и мог быть обвинен в ябедничестве [3, с. 156].

Таким образом, содержащиеся в Судебнике 1497 г. и Судебнике 1550 г. положения, свидетельствуют о законодательном усилении ряда элементов, обеспечивающих правовую определенность в гражданском процессе, и формировании новых механизмов и компонентов правовой определенности (*res judicata*), не знакомых ранее русскому праву и получивших дальнейшее законодательное развитие в Соборном Уложении 1649 г.

Список использованной литературы:

1. Дмитриев Ф.М. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. - М., 1859 – 334 с.
2. Комментарий Штамм С.И. к Судебнику 1497 г. // Российское законодательство X – XX веков. В девяти томах. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. - М., 1985. - С. 60 – 136.
3. Комментарий Штамм С.И. к Судебнику 1550 г. // Российское законодательство X – XX веков. В девяти томах. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. - М., 1985. - С. 132 – 172.
4. Масаладжиу Р. Принцип правовой определенности в науке, практике ЕСПЧ и его влияние на доступность правосудия на стадии надзорного производства в гражданском и арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. - 2009. - № 7. – С. 42 - 44.

Тарасевич И.Б.

*соискатель кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России*

СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ АДЕКВАТНОСТИ ЯЗЫКА ЗАКОНА

Адекватность языка закона представляет собой свойство, существо которого заключено в соответствии реально присущих языку закона характеристик тем требованиям, которые являются существенными и необходимыми условиями оптимальной связи этого языка с правом, правосознанием и правовой практикой. Существование связи между адекватностью языка закона и эффективностью правового регулирования предопределяет актуальность постановки вопроса о средствах, которыми она может быть обеспечена.

Несмотря на достаточно активную разработку в отечественной теоретико-правовой науке связанной с правовыми средствами проблематики, единого мнения относительно того, что следует понимать под такими средствами, не достигнуто [5, с. 17; 7, с. 7; 10, с. 9]. По нашему мнению, наиболее правильным является подход, в соответствии с которым в качестве средств рассматриваются не только инструменты, но и специфические технологии, с помощью которых обеспечивается достижение правовых целей [5, с. 11, 17; 6, с. 5-6; 10, с. 71, 74]. Соответственно, в качестве средств обеспечения адекватности языка закона должны рассматриваться, с одной стороны, инструменты как средства, по своему характеру являющиеся моделями, механизмами, алгоритмами, которые «только в потенциале и в процессе их использования могут привести к достижению поставленных целей» [5, с. 18], с другой стороны, технологии как средства, представляющие собой приемы, способы и методы активного действия, приводящие к достижению желаемого результата.

Средства обеспечения адекватности языка закона следует отличать от

средств исправления, устранения негативных последствий его неадекватности. К последним, например, следует отнести аутентичное толкование. Такое разъяснение юридических норм органом, их издавшим, не делает язык закона более ясным, а лишь упрощает уяснение смысла норм и способствует более точной их реализации. В то же время средствами обеспечения адекватности языка закона являются инструменты и технологии, применение которых исключает саму возможность возникновения ситуации, в которой разъяснение становится необходимым. «Толкование вполне соотносительно с темнотой или неясностью законов: оно начинается там, где начинается темнота, и возрастает в трудности по мере усиления последней» [2, с. 158], средства же обеспечения адекватности закона возникновению «темноты» и «неясности» препятствуют.

Исследуя правовые аспекты проблемы повышения качества языка закона, ученые прежде всего обращаются к технико-юридической стороне вопроса – рассматривают те средства юридической техники, применение которых позволяет избежать лингвистических ошибок и неточностей или их устранить [1, с. 416-426; 8, с. 33-50; 9, с. 6-64]. И действительно, технико-юридические средства играют огромную роль в обеспечении адекватности языка закона. Например, очевидной является важность использования в законотворческом процессе разных приемов и способов дефинирования основных понятий, используемых в нормативных актах, различных способов изложения нормативных правовых предписаний, способов и приемов компоновки нормативного материала и обеспечения его логической непротиворечивости и т.д.

Говоря о технико-юридических средствах обеспечения адекватности языка закона, нельзя отождествлять технико-юридические средства только лишь с инструментами и технологиями, применяемыми при внешнем оформлении документа, как это, например, предлагает делать А.А. Деревнин [4, с. 30]. Как справедливо подчеркивает М.Л. Давыдова, «снабдить проект документа реквизитами, проверить грамматические ошибки в тексте – это даже не технико-юридическая, а просто техническая работа, для осуществления которой юридическое образование в принципе не нужно» [3, с. 41]. Важность технико-юридических средств обеспечения адекватности языка закона, не являющихся средствами, применяемыми при внешнем оформлении документа, подтверждается, например, значимостью для обеспечения точности, шаблонизированности, стандартизованности рассматриваемого языка юридических конструкций, фикций, презумпций, деклараций.

Не отрицая значимости технико-юридических средств для обеспечения адекватности языка закона, тем не менее, следует отметить, что, на наш взгляд, проблема обеспечения адекватности языка закона относится к числу таких фундаментальных теоретико-правовых проблем, решение которых невозможно исключительно в рамках теории юридической техники. В качестве средств обеспечения адекватности языка закона могут рассматриваться и иные, отличные по своей направленности от технико-юридических, инструменты и технологии.

Во-первых, средствами обеспечения адекватности языка закона могут

выступать средства нормирования. К их числу относятся прежде всего нормативные правовые предписания [3, с. 112]. Их установление имеет существенное значение для совершенствования языка закона, создания условий снижения степени его неадекватности – например, тогда, когда ими придается обязательный характер тем или иным технико-юридическим средствам обеспечения адекватности языка закона; легализуются те или иные неправовые средства обеспечения адекватности языка закона; устанавливаются процедуры, обеспечивающие оптимальный выбор комбинации средств обеспечения адекватности языка закона с учетом специфики конкретной ситуации; ограничивается применение субъектами законотворчества неэффективных для обеспечения адекватности языка закона правовых и неправовых средств.

Во-вторых, адекватности языка закона способствует использование обеспечительных средств. Такие средства представляют собой инструменты и технологии, реализация которых позволяет в процессе работы над законопроектом устранить из его текста лингвистические и технико-юридические ошибки, повышающие степень неадекватности языка. Обеспечительными средствами, например, являются лингвистическая экспертиза проекта закона и внесение в текст законопроекта поправок, представляющих собой редакционные правки.

В-третьих, средствами обеспечения адекватности языка закона могут быть средства правового информирования – например, обобщение и передача положительного опыта использования технико-юридических средств в законотворческой деятельности посредством подготовки и распространения Правовым управлением Аппарата Государственной Думы Российской Федерации в пределах, предоставленных им действующими нормативными правовыми актами обзоров, справок, рекомендаций и иных информационно-аналитических и методических документов.

В-четвертых, к числу средств обеспечения адекватности языка закона следует отнести средства правовой мотивации – например, пропаганду активного использования современных приемов, средств и методов законодательной техники, способствующих обеспечению адекватности языка закона.

В заключение следует отметить, что характер иных, помимо технико-юридических, правовых средств обеспечения адекватности языка закона, свидетельствует о том, что они не являются инструментами и технологиями воздействия на сам язык. Это средства, применением которых создаются условия, способствующие снижению степени неадекватности языка закона, а в сущности (так как обеспечить изменение внутренней логики развития языка, его естественных законов невозможно) – условия, благоприятствующие эффективной реализации технико-юридических средств. Указанное обстоятельство свидетельствует о том, что технико-юридические средства играют наиболее значимую роль в обеспечении адекватности языка закона, а все иные правовые средства носят вспомогательный характер.

Список использованной литературы

4. Горбачева Е.В. Влияние правотворческих ошибок на понимание юридического текста // Правотворческие ошибки: понятие, виды, практика и техника устранения в постсоветских государствах / под ред. В.М. Баранова, И.М. Мацкевича. М.: Проспект, 2009.
5. Гредескул Н.А. К учению об осуществлении права. Харьков, 1900.
6. Давыдова М.Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009.
7. Деревнин А.А. О понятии юридической техники // Академический юридический журнал. 2001. № 3.
8. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. М.: Юристъ, 2005.
9. Мурсалимов Г.Р. Методология понимания технико-юридических средств преодоления правоприменительных ошибок // История государства и права. 2007. № 16.
10. Попинов П.В. Правовые средства регулирования рыночных отношений в современной России. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005.
11. Смирнов Л.В. Законотворческая техника в современной России. М.-Тула: Московский университет МВД России (Тульский филиал), 2006.
12. Хабибуллина Н.И. Юридическая техника и язык закона. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т, 2000.
13. Шундииков К.В. Цели и средства в праве. Дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999.

Тарасова И.А.,
доцент кафедры теории и истории
государства и права
Московского областного филиала
Московского университета МВД России
кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ О ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Буржуазно-демократические реформы 60-70 гг. XIX в. внесли важные изменения в социально-экономическое развитие Российской империи. Отмена крепостного права способствовала образованию свободного рынка наемного труда людей, живущих исключительно продажей рабочей силы.

С этого времени именно система наемного труда стала основой экономического развития России. Вместе с тем, на капиталистических предприятиях действовала свобода договора найма, что привело в итоге к крайне жестокой эксплуатации рабочих предпринимателями. В условиях отсутствия законодательного регулирования отношений с предпринимателями рабочие, в том числе женщины и дети, были вынуждены заключать кабальные договоры, соглашаясь работать на предприятиях иногда до 20 часов в сутки.

Заработная плата рабочих была крайне низкой, как правило, ее не хватало даже на предметы первой необходимости.

Неудовлетворительные санитарно-гигиеническое состояние и условия труда на большинстве капиталистических предприятий способствовали возникновению и развитию инфекционных и профессиональных заболеваний у рабочих, несоблюдение техники безопасности предпринимателями в погоне за прибылью приводило к множеству несчастных случаев на предприятиях.

Все эти обстоятельства, в конце концов, вызвали в России целый ряд волнений и забастовок среди рабочего населения. Уже в конце 50 - начале 60-х гг. XIX в. по стране прокатились первые массовые забастовки рабочих. Для их расследования и предотвращения в дальнейшем правительством был создан ряд специальных комиссий. Так, в 1859 г. в Санкт-Петербурге при генерал-губернаторе была создана временная комиссия для осмотра всех фабрик и заводов Санкт-Петербурга и его уезда, итогом работы которой стала подготовка «Проекта правил для фабрик и заводов в Санкт-Петербурге и уезде», регламентировавшего условия труда рабочих и ответственность предпринимателей. Так, по новым правилам запрещались использование труда детей, не достигших 12-летнего возраста, ночная работа детей от 12 до 16 лет, а рабочее время детей от 12 до 14 лет ограничивалось 10 часами. Проект также предлагал установить определенные санитарные нормы на предприятиях и ответственность хозяев за несчастные случаи с рабочими. Надзор за соблюдением всех вышеперечисленных правил возлагался на специальный орган – фабричную инспекцию, которой предоставлялось право в любое время по собственному усмотрению обследовать фабрики и заводы и требовать от администрации в полном объеме всю интересующую информацию [3, с. 57].

Между тем, деятельность комиссии не привела к каким-либо результатам. Большинство фабрикантов высказалось против создания фабричной инспекции, мотивируя это тем, что надзор за отношениями рабочих и предпринимателей в состоянии осуществлять и полицейские органы [6. с. 367]. Однако уже сама работа над законопроектом свидетельствовала об усилении интереса правительства к вопросу регулирования отношений между рабочими и хозяевами капиталистических предприятий. Тем более, что вскоре уже на государственном уровне была создана Особая комиссия по пересмотру фабричного и ремесленного уставов, известная как комиссия А.Ф. Штакельберга (члена совета Министерства внутренних дел) [5, с. 134].

Центральное место в разработанном данной комиссией проекте Устава о промышленности занимали статьи, регламентировавшие взаимоотношения рабочих и предпринимателей. Согласно данному Проекту промышленниками не мог использоваться труд детей, не достигших 12-летнего возраста. Также продолжительность рабочего времени для несовершеннолетних от 12 до 18 лет не могла превышать 10 часов в сутки, для них запрещались и ночные работы. Ответственность за нарушение этих правил возлагалась на предпринимателей, а контроль за ними – на особую правительственную инспекцию с широкими правами и полномочиями. Законопроект запрещал соглашения между предпринимателями с целью снижения заработной платы рабочим, а также

предусматривал социальное обеспечение рабочих, потерявших трудоспособность вследствие несчастных случаев на производстве. Большое внимание уделялось также регламентации деятельности новых органов – выборных промышленным судам, создаваемых для разбирательства конфликтов, связанных со стачками, штрафами, нарушениями обязательных постановлений, вознаграждения рабочих за увечья и т.п. [6, с. 360].

Таким образом, проект комиссии А.Ф. Штакельберга отражал почти все стороны трудовых отношений. И хотя он содержал определенные уступки предпринимателям (например, наказания рабочих за участие в стачках), большинством из них был оценен негативно. Особую неприязнь вызвали пункты об ограничении детского труда, отмене уголовного преследования рабочих за неповиновение хозяевам, а также создание надзорных органов.

Споры о проекте А.Ф. Штакельберга в пользу предпринимателей решило Министерство финансов, по мнению которого, принятие данного законопроекта могло полностью дезорганизовать российскую промышленность. Доводы Министерства финансов были приняты во внимание правительством, и из утвержденного в 1868 г. «Устава о промышленности» изъяли нормы об ограничении труда детей, создании промышленных обществ, учреждении фабричной инспекции и промышленных судов. При этом было сохранено уголовное преследование за неподчинение рабочих своим хозяевам. Также произошло упразднение комиссии А.Ф.Штакельберга, как выполнившей возложенную на нее функцию [1, с. 36]. Подводя итог работы комиссии, М.И. Туган-Барановский писал: «Судьбу проекта легко было предвидеть. Он был благополучно положен под сукно, как и многие другие «благие начинания» 60-х годов. Фабриканты победили ...». [6, с. 370].

Следует отметить, что и в 60-70-е гг. XIX в. положение рабочих оставалось бесправным и характеризовалось жестокими формами труда. Зачастую на фабриках и заводах действовали правила внутреннего распорядка, составленные самими владельцами и вводимые без всяких объяснений рабочим. Фабриканты считали себя вправе самовольно понижать заработную плату рабочим, не обеспечивали необходимых санитарно-гигиенических условий работы и проживания рабочих на предприятиях [4, с. 543].

Конец 60 – начало 70-х гг. XIX в. ознаменовались усилением рабочего движения. Особенно обостряются отношения между рабочими и предпринимателями в текстильной, прежде всего, хлопчатобумажной промышленности – ведущей отрасли в стране. Широкий резонанс получила стачка на Невской бумагопрядильне в Санкт-Петербурге в мае 1870 г., в которой приняло участие 800 рабочих. В августе 1872 г. произошла громадная стачка на Кренгольмской мануфактуре с числом рабочих 7 тыс. человек [7, с. 118].

В целях нейтрализации рабочего движения и снятия социальной напряженности в обществе в разное время было создано две комиссии (комиссия графа Н.П. Игнатьева и комиссия графа П.А. Валуева) для разработки изменений и дополнений в Устав о промышленности. Созданная в октябре 1870 г. комиссия под председательством Н.П. Игнатьева (член

Государственного Совета, в прошлом петербургский генерал-губернатор) подчинялась Министерству внутренних дел. Хозяева капиталистических предприятий видели в ее создании очередную попытку нарушения своих прав, а рабочие вообще воспринимали любое вмешательство МВД в фабрично-заводские отношения как нечто отрицательное. Комиссия П.А. Игнатьева просуществовала около года и распалась, а проект изменений в Устав о промышленности фактически не рассматривался в Государственном Совете. В январе 1872 г. он был передан в Госсовет, но его обсуждение не состоялось. В этом же году он был переработан в Министерстве внутренних дел, после чего был отправлен на изучение в соответствующие ведомства.

В проекте Устава, представленного комиссией П.А. Валуева на рассмотрение Государственного Совета, были регламентированы вопросы запрещения труда детей моложе 12 лет, незначительного ограничения труда несовершеннолетних в ночное время, а также введения ежегодного налога для фабрикантов на содержание школ. Вопросы надзора за исполнением данных норм в проекте не рассматривались, и, соответственно, не шло речи о создании специальных надзорных органов. Но даже и этот проект был отклонен Государственным Советом за несвоевременность [2].

Таким образом, буржуазные реформы 60-70-х гг. XIX не внесли практически никаких изменений в положение рабочих Российской империи. Попытки создания фабрично-заводского законодательства не были результативными.

Список использованной литературы

1. Васильев Д.А. Фабричное законодательство России конца XIX – начала XX в.: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2001.
2. Куприянова Л.В. «Рабочий вопрос» в России во второй половине XIX – начале XX в. // Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/Labour/Article/Kupriyanova.htm>.
3. Проект правил для фабрик и заводов в С.-Петербурге и уезде. – СПб., 1860.
4. Рабочее движение в России в XIX в. Т.2. Ч.2. 1875-1884. – М., 1950.
5. Рыбаков Ю.А. Промышленное законодательство России первой половины XIX в. (Источниковедческие очерки). – М., 1986.
6. Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историко-экономическое исследование. – СПб., 1898. Т.1.
7. Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики. – Л., 1981.

Хорунжий С.Н.
*к.ю.н., преподаватель кафедры
гражданского права и процесса юридического факультета
Воронежского государственного университета*

НОРМЫ МОРАЛИ И ПРАВСТВЕННОСТИ КАК АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ГРАНИ ПРАВОВОЙ СРЕДЫ

Нормы морали и нравственности всегда выступали в качестве основных социальных регуляторов общественного поведения, на базе которых вводились уже юридические нормы, поддерживаемые принудительной силой государства. Поступательное развитие государства во многом обуславливается эффективным разрешением известных в юриспруденции коллизий, существующих на стыке естественноправового и позитивистского направлений в теории права. Непреходящая ценность лежащих в их основе фундаментальных категорий права, морали и нравственности формируют современную правовую среду.

С учетом указанного многообразия структурных элементов, предопределяющих правовое поведение субъекта под правовой средой, предлагается понимать совокупность общественных отношений, юридических связей, правовых доктрин и идей, правоприменительной практики, создающих предпосылки для правового поведения субъектов в соответствующей социальной системе, функционирующей в пределах государственной территории в конкретный исторический период ее развития [1, с. 59].

Выстраивая современное правовое пространство необходимо «бережно учитывать и использовать те сохранившиеся в российской социальной ткани неписанные нормы здоровой массовой моральной регулятивности, которые хоть как-то восполняют недостаточную эффективность законодательного правового регулирования» (В.Д. Зорькин) [2, с. 39]. Нормы закона и морали обеспечивают интегративную устойчивость правовой среды, дополняя каждый из регуляторов соответствующими методами и инструментами воздействия на общественные отношения. При этом контур правовой среды является достаточно подвижным. Государство апеллирует к духовным ценностям общества и светской аксиологии в тех случаях, когда ставится под сомнение сама идея права как квинтэссенции добра, справедливости, всеобщего блага. В свою очередь, государство может становиться на защиту моральных и нравственных устоев общества, запуская юридически-обязательные механизмы публичной защиты. Очевидно, именно такими обстоятельствами было вызвано принятие Федерального закона от 29.06.2013 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан». Как указывалось в пояснительной записке к законопроекту, такого рода посягательства являются общественно опасными, поскольку нарушают традиционные и религиозные нормы, выработанные обществом на протяжении

многих веков, его нравственные устои, противоречат морали, влекут тяжкие последствия и носят яркую антисоциальную направленность.

В Послании Президент РФ Федеральному Собранию Российской Федерации говорится о необходимости защиты традиционных ценностей, которые тысячелетиями составляли духовную, нравственную основу цивилизации, каждого народа: ценностей традиционной семьи, подлинной человеческой жизни, в том числе и жизни религиозной, жизни не только материальной, но и духовной, ценностей гуманизма и разнообразия мира.

Отметим некоторые взаимозависимые и граничащие друг с другом процессы в сфере исполнения предписаний закона и требований моральных (нравственных) норм, которые препятствуют поступательной модернизации правовой среды: 1) гипертрофированная идеализация правовой формы и ее возможностей в управлении обществом и государством и, как следствие, формализация и излишняя зарегулированность многих видов общественно значимой деятельности, а также социально-правовой активности личности; 2) подмена стандартов правового бытия (стандартов прав человека, стандартов правосудия, стандартов государственных услуг и др.) правовыми конструкциями иностранных правовых систем и традиций, обостряющих противоречия между государством и гражданами; 3) идеологическая дезориентация общества по вопросам социального развития.

В целях локализации таких проблем и дальнейшего решения указанных вопросов предлагается определить следующие приоритеты в развитии правовой среды:

1) обеспечить корреляцию правовой среды с системой государственных интересов, приоритетами и направлениями государственной политики;

2) способствовать утверждению системы правовых ценностей и широкой пропаганде общегосударственных идеологических принципов, включающих систему ориентиров для личности, социальных групп и общества в целом в правовых стандартах, правовых оценках, обеспечивающих формирование общих социально-полезных правовых установок;

3) разработать меры, способствующие преодолению негативного влияния глобализации в праве, политике, экономике, идеологии и культуре.

Государство, реализуя предлагаемые меры, конечно, не осуществит рай на земле, но и не допустит ада на ней (В.С. Соловьев); самое большое, что мы можем ожидать от исполнения законности, деятельности органов публичной власти - это спасение от хаоса [3, с. 59; 4].

Благодаря гармоничному развитию правовой среды, которая объединяет в себе не только нормы позитивного права, но также правовые идеи, идеалы, духовные и нравственные принципы в области права, можно выйти за узкие рамки формальной законности на уровень общесоциальных ценностей в правопонимании каждого индивидуума и самостоятельного, осознанного избрания им модели добродетельного поведения.

Список использованной литературы

1. Концепция инновационного развития правовой среды / Автор. колл.: Чердаков О.И., Жильцов Н.А., - М., 2013. - 17 с.
2. Российская конституция: первые 20 лет. Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта - 22 апреля 2013 года. М., 2013. С. 39.
3. Фуллер Лон Л. Мораль права / Лон Л. Фуллер; пер. с англ. Т. Даниловой под ред. А. Куряева. - М.: ИРИСЭН, 2007. - 308 с.
4. Хайек Фридрих Ф. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Фридрих Август фон Хайек; пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева под ред. А. Куряева. – М.: ИРИСЭН, 2006. – 644 с.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Алфимцев В.Н.

*заместитель начальника отдела Правового управления,
ГУ МВД России по Московской области,
кандидат юридических наук*

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫМ ПРОТИВОРЕЧИЯМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ЧТО ДОМИНИРУЕТ ПРАВО ИЛИ ПОЛИТИКА?

Практика межнационального сосуществования в нашем обществе ежедневно показывает, что различные эксцессы на межнациональной почве становятся неотъемлемой частью современной российской жизни. Участвовавшие случаи стихийных социальных волнений, вызванных уголовными преступлениями совершенных в основном на «бытовой» почве отчетливо показывают, что система противодействия межнациональным противоречиям в России далека от идеала.

Противодействие межнациональным противоречиям представляет собой сложную многоуровневую деятельность, которую необходимо осуществлять в различных направлениях. Вместе с тем, определение наиболее действенных и эффективных направлений борьбы за межнациональный мир является фактором способным повлиять на дееспособность всей системы противодействия межнациональным противоречиям и вывести ее на качественно новый уровень. Найти ответ на вопрос «что же доминирует в противодействии межнациональным противоречиям право или политика?» является целью данной статьи.

Как верно отмечает Лексин И.В. в реальной жизни государства право и политика, как известно, неразделимы. Предметы правового и политического регулирования пересекаются, одни и те же нормы могут одновременно иметь правовой и политический характер, политические цели получают правовое закрепление, а направления развития объективного права в значительной мере предопределяются политическим курсом [2, с. 305].

Анализируя основные причины возникновения межнациональных противоречий, а также факторы их обостряющие, неоднократно отмечалось [1, с. 60-61], что противодействие им в России должно реализовываться в следующих основных государственно-правовых формах:

- формирование общегосударственной наднациональной идеологической установки, способной консолидировать всех членов общества независимо от национальной принадлежности;
- определение основных направлений, целей и принципов государственной национальной политики;
- развитие региональных связей и укрепление федеративных отношений;
- создание и развитие системы мониторинга межнациональных отношений, как на федеральном, так и на региональном уровнях;
- профилактика межнациональных противоречий в молодежной среде

- формирование механизма противодействия разжиганию межнациональных противоречий в информационном пространстве;
- деятельность правоохранительных органов по своевременному раскрытию резонансных преступлений способных повлиять на межнациональные отношения, а также по ликвидации национальных преступных группировок.

Как видим, политические и правовые способы регулирования межнациональных отношений тесно переплетены в указанных государственно-правовых формах противодействия. Взаимное влияние политических процессов на правовое регулирование, и, в свою очередь, правового регулирования на политические процессы вызвано, в том числе, заметным обновлением реальной практики правоприменения при относительной неизменности позитивного права [3, с. 111].

Определяя доминанту в противодействии межнациональным противоречиям, следует обратить внимание на известный постулат, который гласит: закон есть мера политическая. Действительно, политика и право как категории всегда взаимно связаны. Ведь известно, что именно политическая практика сделала, например, разделение властей доктриной, которая была сформулирована в трудах мыслителей Европы, а затем получила юридическое закрепление в конституционных актах.

Учитывая верное замечание о том, что политика является определяющим фактором для всей правовой системы, отметим, что четко и однозначно отнести указанные выше государственно-правовые формы к политическим или правовым мерам не удастся. Вместе с тем, в каждой из них по прямым или косвенным признакам возможно выявить доминирующую из диалектически взаимосвязанных частей.

Итак, очевидно, что формирование общегосударственной наднациональной идеологической установки представляет собой пример, когда политика определяет право. Конечно, наднациональная идеологическая установка, должна проявляться в нормативных актах, но формулируется она именно в качестве политической парадигмы.

Государственная национальная политика, чьи цели, принципы и направления определены в нормативном правовом акте Президента России, также своей сущностью преимущественно относятся к политическим мерам. Вместе с тем политика, в данном случае, исходя из проявления правового аспекта относительности, связывается правом, так как значительная часть установленных правом норм государственной национальной политики носит условный характер, так как устанавливает дискрецию полномочий органов государственной власти.

Как отмечает Шарнина Л.А. допущение дискреции - это не всегда свидетельство дефектности права [3, с. 113]. Как правило, она представляет собой объективную необходимость, вызванную слабостью права перед сущностью отношений, не поддающихся полной формализации, к которым, несомненно, относится сфера межнациональных отношений.

Федеративные отношения, являющиеся основой государства, не есть раз и навсегда данная сущность. Укрепление федеративных отношений детерминировано различными факторами. Развиваться они должны в соответствии с последними достижениями юридической мысли, вместе с государством, его социально-экономической сущностью и правовой системой в том числе. Именно юридическая мысль движет прогресс вперед в данной сфере, именно право определяет форму государственного устройства.

С системой мониторинга межнациональных отношений не все так однозначно как казалось бы на первый взгляд. С одной стороны данная государственно-правовая форма в своей основе имеет политическую сущность. Однако именно правовое закрепление, введение в качестве императива для деятельности органов государственной власти, в частности для глав субъектов федерации, позволяет ей эффективно реализовываться.

Профилактика межнациональных противоречий в молодежной среде и формирование механизма противодействия разжиганию межнациональных противоречий в информационном пространстве, очень тесно взаимосвязаны исходя из объекта воздействия правовых норм. Свободный вход в информационное пространство обуславливает наполнение его молодыми людьми не всегда обладающими способностью к критическому мышлению и поддающимся на провокации. Необходим не только правовой механизм, определяющий порядок блокирования информационного контента, содержащего признаки разжигания межнациональных противоречий, наравне с механизмом блокирования интернет сайтов за экстремизм. Но и правовой механизм, определяющий порядок создания информационного контента с разъяснением причин эксцессов в межнациональной сфере, правильного определения их сущности, отсекающей межнациональной составляющей от преступлений, совершенных на «бытовой» почве. Эффективность данных государственно-правовых форм противодействия межнациональным противоречиям, как видим, зависит в первую очередь именно от эффективности правового механизма, который будет создан в целях их исполнения.

Подверженные в данный момент реформированию правоохранительные органы нашего государства двигаются в сторону прозрачности и гуманизации деятельности, однако важность эффективности их работы постоянно повышается. Максимально быстрое реагирование на резонансные преступления, способные повлиять на межнациональные отношения, ликвидация преступных группировок, сформированных по национальному принципу, требует соответствующей правовой основы. Только соответствующая правовая основа и детальнейшее нормативное регулирование деятельности правоохранительных органов в данных направлениях позволит не только решать задачи противодействия межнациональным противоречиям, но и соответствовать принципам правового государства.

Подводя итог, следует отметить, что не следует забывать, что мера допустимости политического влияния на право в значительной степени определяет стабильность правовой системы, без чего невозможно формирование практики единого правоприменения со стороны государства и

граждан. Однако проведенный анализ государственно-правовых форм противодействия межнациональным противоречиям показал, что в современной России именно право является доминирующей составляющей в сфере регулирования межнациональных отношений и формирования межнационального мира.

Список использованной литературы

1. Алфимцев В.Н. Теоретические основы противодействия межэтническим и межнациональным противоречиям в России: монография / В. Н. Алфимцев. Калуга: Полиграф-Информ, 2012.
2. Лексин И.В. Роль права и политики в трансформации территориального устройства Российской Федерации // Конституционное право и политика: Юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. 28-30 марта 2012 года / Отв.ред. д.ю.н. проф. Авакьян С.А. М.: Издательство «Юрист», 2012.
3. Шарнина Л.А. Соотношение конституционного права и политики// Конституционное право и политика: Юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. 28-30 марта 2012 года / Отв.ред. д.ю.н. проф. Авакьян С.А. М.: Издательство «Юрист», 2012.

Баймаханова Д.М.

д.ю.н., профессор

кафедры теории и истории государства и права, конституционного и административного права юридического факультета

КазНУ им. аль-Фараби, Республика Казахстан, 6М030100

«Юриспруденция»

г.Алматы,

СПЕЦИФИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕЗИДЕНТА РК КАК ГАРАНТА СОБЛЮДЕНИЯ ОСНОВНЫХ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН

Выступая с Посланием народу Казахстана 18 января 2014 года Президент Республики Казахстан отметил, что в Концепции вхождения Казахстана в число 30 самых развитых стран мира обозначены долгосрочные приоритеты предстоящей работы. В их числе названо Седьмое приоритетное направление: Совершенствование работы государственных институтов. При движении в число 30 развитых стран мира нам необходима атмосфера честной конкуренции, справедливости, верховенства закона и высокой правовой культуры [1]. В Послании Президента РК большое значение отводится развитию социального сектора, совершенствованию механизма защиты, охраны и обеспечения прав и свобод граждан РК.

Президент РК как государственный орган является важнейшим элементом институционального компонента конституционализма в РК. Конституция РК закрепляет, что Президент РК выступает гарантом соблюдения прав и свобод граждан. «Конституционная функция Президента гарантировать соблюдение прав и свобод граждан заложена в качестве основы его взаимоотношений с

другими общественными структурами и государственными органами, призванными также поддерживать режим законности...

Глава государства играет весьма активную практическую роль в обеспечении реализации конституционных прав и свобод граждан, утверждении режима законности, борьбе с различными формами преступности, соблюдении государственной дисциплины» [2, с.210-211].

Деятельность Президента РК по гарантированию, защите и обеспечению прав и свобод граждан многогранна. Одной гранью этой деятельности является участие в законодательной деятельности. В соответствии с изменениями и дополнениями в Конституцию от 21.05.07 г. Президент теперь обладает правом законодательной инициативы.

Кроме этого, Президент имеет право определить приоритетность рассмотрения проектов законов в Парламенте РК, а также объявлять рассмотрение проекта закона срочным, означающее, что Парламент должен рассмотреть данный проект в течение одного месяца со дня его внесения. При неисполнении Парламентом требования Президента, он вправе издать указ, имеющий силу закона, который будет действовать до принятия Парламентом нового закона в установленном порядке.

Конкретным примером участия Президента в законодательной деятельности является инициирование им в мае 2007 года изменений и дополнений в Конституцию РК, которые носили всеобъемлющий характер, затронули все стороны жизни государства и общества и были направлены на дальнейшее развертывание демократии и ускорение процесса построения правового государства.

Президент РК входит в круг субъектов обращения в Конституционный Совет РК. Через это направление своей деятельности он также реализует свою функцию гаранта прав и свобод граждан. За эти годы Парламентом и Конституционным Советом установлено тесное плодотворное сотрудничество в вопросах обеспечения конституционной законности. От председателей палат и депутатов в КС РК поступило более 70 обращений, которые касаются различных конституционных институтов и перспектив их развития, принципов взаимоотношений государства, общественных объединений и граждан, механизмов обеспечения прав человека и гражданина.

По 12 обращениям были признаны не соответствующими Конституции в общей сложности 13 законов, принятых Парламентом и представленных на подпись Главе государства, в том числе Особенная часть Гражданского кодекса, законы «О редких и находящихся под угрозой исчезновения видах животных», «О деятельности международных и иностранных некоммерческих организаций в Республике Казахстан» и другие. Ряд законов, принятие которых имело высокий общественный резонанс, признан соответствующим Конституции [3].

Президент РК, определяя основные направления внутренней и внешней политики Республики, способствует признанию Казахстана на международной арене полноправным, равным партнером. Казахстан в полном объеме принял на себя обязательства по выполнению Устава ООН, инкорпорированию его

положений в национальное законодательство. Казахстан является стороной многих международных договоров, регулирующих различные аспекты защиты прав человека – Конвенции о правах ребенка 1989 г., Женевских гуманитарных конвенций 1949 г. и дополнительных протоколов к ним, некоторых конвенций Международной организации труда о защите прав трудящихся в производственной сфере и т.д. В 1998 г. вступили в силу 4 ратифицированные Конвенции: Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г., Конвенция о предупреждении преступлений геноцида и наказании за него 1948 г., Международная Конвенция ликвидации всех форм расовой дискриминации 1966 г. и Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г. По мере создания правовых и социально-экономических условий процесс ратификации и присоединения к другим международно-правовым актам в области прав человека будет продолжаться [2, с.213]. Так, 26 июня 2008 г. Президент подписал Закон РК № 48-IV «О ратификации Факультативного протокола к Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания» [4].

Казахстан активно взаимодействует с государствами-членами СНГ в международной правозащитной деятельности. Казахстаном подписаны Соглашение о помощи беженцам и вынужденным переселенцам 1993 г., Конвенция СНГ об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам 1994 г., ряд договоров о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам и др. [5].

Летом 1994 г. было принято историческое решение о переносе столицы Казахстана в Астану. Инициатором переноса столицы был Президент РК Назарбаев Н.А. 6 июля 2008 г. Астана праздновала свой 10-летний юбилей. Выступая на торжественном собрании, посвященном этому знаменательному событию, Президент отмечал, что Астана стала моделью социально-экономического развития для всего Казахстана.

Государство серьезно и последовательно занимается созданием условий для развития бизнеса. На расширенном заседании правительства Президент страны отметил, что «необходимо сконцентрировать все ресурсы и обеспечить конкретный результат в ограниченном количестве приоритетных отраслей, имеющих высокотехнологический потенциал». Однако из поручений, которое дал Глава государства, - «разобраться с СЭЗами и неработающие из них сократить».

Специальная экономическая зона «Морпорт Актау» была создана Указом Президента еще 11 лет назад. Сейчас на территории СЭЗ «Морпорт Актау» реализуются 24 проекта. 5 из них уже завершены, еще 7 будут готовы в следующем году. За время существования специальной экономической зоны «Мортпорт Актау» инвесторы вложили сюда уже более 20 млрд. тенге. А налогов в бюджет СЭЗ дала более чем на 5 млрд. тенге. И это учитывая то, что предприятия, размещенные на ее территории, имеют значительные налоговые льготы и преференции.

В ближайшие годы на территории СЭЗ «Морпорт Актау» планируется реализовать 16 проектов. В следующем году здесь запустят завод по производству экологически чистого судового топлива, по производству лифтов, два домостроительных комбината. Еще через год – два здесь должны появиться нефтеперерабатывающий завод (сейчас идут получение технических условий и разработка ПСД), производство металлических конструкций, минеральных удобрений, распределительно-перевалочный комплекс нефти и нефтепродуктов[6].

Президент РК, выполняя функцию гаранта прав и свобод граждан, заслушивает отчеты и контролирует деятельность государственных органов непосредственно подчиненных и подотчетных главе государства. На имя Главы государства Нурсултана Назарбаева поступило письмо от акима Южно-Казахстанской области Аскара Мырзахметова. В своем отчете А. Мырзахметов проинформировал о ходе выполнения поручений, данных Главой государства на расширенном заседании Правительства 11 октября 2013 года. Аким Южно-Казахстанской области сообщил, что предпринимателям по программе «Дорожная карта бизнеса-2020» предусмотрено выделение грантов и микрокредитов на общую сумму 90 млн. тенге.

С начала года 17 предпринимателей получили гранты в размере 71 млн. тенге и уже реализуют свои проекты. Еще по 5 грантам вынесено решение конкурсной комиссии и готовятся соответствующие документы. В соответствии с графиком до конца года средства будут полностью освоены. Кроме того, в рамках Программы развития моногородов выделено 6 грантов на сумму 12 млн. тенге.

Согласно отчету акима области, по программе «Дорожная карта занятости -2020» с начала года было выдано 1 076 микрокредитов на общую сумму 2,5 млрд. тенге. Помимо этого региональным инвестиционным центром «Максимум» было дополнительно выделено 1 654 микрокредита на сумму 2,4 млрд. тенге. Таким образом, на сегодня в области выдано 2 730 микрокредитов на общую сумму 4,9 млрд. тенге. [7].

Сфера постоянного внимания Главы государства - социально уязвимые группы населения. В своем выступлении «Социальная модернизация Казахстана: Двадцать шагов к Обществу Всеобщего Труда» Президент заявил: «Необходимо развивать механизмы социализации граждан, относящихся к категории социально уязвимого населения. Это в первую очередь инвалиды и люди с ограниченными возможностями, члены многодетных семей, лица предпенсионного возраста. Причем главным подходом должна стать не опека государства, а создание таких условий, которые бы помогли этим гражданам обрести веру в себя, в свои возможности к социально полезному труду».

В 2008 году Казахстан подписал Конвенцию ООН о правах инвалидов и Факультативный протокол к ней. Спустя два года был утвержден Стандарт оказания специальных социальных услуг в области социальной защиты населения в условиях оказания услуг на дому. В прошлом году такие услуги оказаны более 87 тыс. людей пожилого возраста и инвалидам. Для детей-инвалидов функционируют 17 домов-интернатов, 29 дневных стационаров. В

соответствии с Планом мероприятий по обеспечению прав и улучшению качества жизни инвалидов на 2012-2018 годы в прошлом году техническими вспомогательными (компенсаторными) средствами обеспечено более 96 тыс. людей с ограниченными возможностями (88% от общего числа нуждающихся). Им предоставлены протезно-ортопедическая помощь, сурдо-, тифлосредства, кресла-коляски, обязательные гигиенические средства, а также услуги индивидуальных помощников и специалистов жестового языка.

В рамках реализации поручения Главы государства по расширению возможностей трудового потенциала людей с ограниченными возможностями в настоящее время разрабатывается проект закона «О социальных рабочих местах», предполагаются изменения в законодательство по поддержке организаций, созданных общественными объединениями инвалидов. Также предусматривается расширение программы «Занятость-2020» в части организации профессионального дополнительного образования, переподготовки и поддержки занятости лиц с ограниченными возможностями и предпенсионного возраста[8].

Президент РК всегда выступал и выступает за построение в РК подлинно демократического государства, формирование развитого гражданского общества, отражающего интересы всех слоев населения страны.

Проблемы молодежи - будущего нашей страны, - конечно же, тоже в фокусе внимания Президента, а проводимая государством политика в этой сфере также базируется на прочном правовом фундаменте. Разработана Концепция государственной молодежной политики до 2020 года «Казахстан-2020: путь в будущее», созданы Комитет по делам молодежи, соответствующие управления в регионах, Координационный совет по работе с молодежными организациями и научно-исследовательский центр «Молодежь». Приоритетная цель молодежной политики государства содействие интеграции молодых людей в общество, повышение уровня их самостоятельности. Для этого реализуются различные молодежные программы, решаются вопросы занятости молодежи, получения образования и поддержания репродуктивного здоровья, продвижения на уровень принятия решений. По сути, молодежь выделена в отдельную социально-демографическую группу, наделена определенными социальными правами и государственными гарантиями. Радует и то, что представители нового поколения имеют встречное желание принимать активное участие в решении своих проблем, быть равноправным партнером государства, иметь возможность знаниями, созидательным трудом, энергией строить свое будущее и будущее нашей страны, решая задачи, сформулированные Главой государства в Стратегии «Казахстан-2050»[9].

Выполняя наряду с другими своими функциями функцию гаранта прав и свобод человека и гражданина, Президент РК осуществляет колоссальный объем работы. Работая над выполнением задач, поставленных Президентом, Казахстан меняется на глазах. Сложившаяся модель гражданского общества является оптимальной формой политической системы Казахстана, поскольку для всех социальных слоев и групп населения открывает возможности участвовать во всех политических процессах и управлении государством [10].

Список использованной литературы

- 1 Назарбаев Н.А. Казахстанский путь – 2050: Единая цель, единые интересы, единое будущее. Послание Президента РК народу Казахстана // Казахстанская правда. – 2014, - 18 января.- №11(27632)
- 2 Малиновский В.А. Глава государства суверенного Казахстана. – Алматы, 1998. – 242 с.
- 3 Рогов И.И. Роль Лидера нации в становлении развитии и развитии казахстанского парламентаризма //Казахстанская правда.-2013,-27 ноября - №324(27598)
- 4 Закон РК «О ратификации Факультативного протокола к Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания» от 26 июня 2008 г. № 48-IV // Казахстанская правда. – 2008. – 28 июня.
- 5 Выступление первого вице-министра иностранных дел РК Е. Идрисова на конференции «Права и свободы человека в процессе реформирования казахстанского общества» 18-19 июня 1998 г. //Материалы конференции «Права и свободы человека в процессе реформирования казахстанского общества». – Астана, 1998. – С.15.
- 6 Бережнова О. В режиме ожидания //Казахстанская правда.-2013.-19 ноября.-№318(27592)
- 7 Казахстанская правда.-2013.-20 ноября.-№319(27593)
- 8 Самакова А. Фактор консолидации народа // Казахстанская правда.-2013.-21 ноября.-№320(27594)
- 9 Магер Ю., Пархоменко М., Тулешева Г. Программа «Болашак» - 20 лет успеха // Казахстанская правда.-2013.-19 ноября.-№318(27592)
- 10 Масимов К. Модель Назарбаева: ответ на глобальный вызов // Казахстанская правда. – 2008. – 5 июля

Воронов А.А.

*профессор Воронежского института высоких технологий,
доктор юридических наук*

О ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ И ГОСПОДСТВЕ ПРАВА В ИДЕЕ ПОСТРОЕНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Приоритетным направлением внутренней политики на современном этапе общественного развития является формирование в нашей стране правового государства. На этом пути возникает множество трудностей и проблем. Среди них особо стоит отметить правовой нигилизм и, как следствие, определенную проблему формирования в России гражданского общества.

Сегодня Россия стоит на пороге серьезных социально-экономических преобразований, которые невозможно реализовать без активного сотрудничества государства и гражданского общества. Для организации эффективного взаимодействия необходимы поиск и создание новых механизмов взаимодействия между властью и общественными объединениями, ассоциациями. Одной из таких форм стало, например, создание в 2005 г.

Общественной палаты Российской Федерации, которую сегодня, к сожалению, многие критикуют. Но нельзя и забывать и о тех институтах гражданского общества, которые сформировались исторически и являются неотъемлемой частью любого, стремящегося стать правовым, государства. Одним из них, несомненно является институт адвокатуры.

Следует признать, что провозглашенное в статье 1 Конституции России наличие в нашей стране правового государства не в полной мере соответствует действительности. Более того, как отмечает проф. М. И. Лепихов, нынешнее состояние и практика деятельности российской государственности, наоборот, свидетельствуют о противоположном – мнение народа не играет решающей роли в государстве [1]. Завуалированные декларативные лозунги государственных деятелей о полном переходе нашего государства в правовую плоскость, о наступлении полной демократии в стране не имеют под собой твердой основы. Достаточно взглянуть на уровень жизни рядовых российских граждан, на практическую реализацию их конституционных прав, то становится ясно, что различие декларативных принципов Основного Закона и реальной действительности более чем явное.

В тоже время не следует игнорировать мнение той части общества, которая видит в этом лозунге угрозу завоеваниям демократии, свободе личности, правам человека, связывает его с авторитарными наклонностями руководства государства, со стремлением возродить элементы административно-командной системы, «закрутить гайки» [2]. Вместе с тем были высказаны и иные мнения [3].

Обычно, когда говорят о господстве права, диктатуре закона, в качестве главной ограничиваются задачей построения правового государства. Это верно по существу, об этом еще писали классики юриспруденции [4], но недостаточно, так как государство представляет собой только часть общества, его весьма важный, ценный, но не единственный субъект. Право, его господство определяет деятельность не только государства, но и всего общества. Право должно найти свое осуществление за пределами государства, охватить своим стимулирующим и ограничивающим воздействием все общество и признаваться в качестве ценности если не всеми и каждым, то, по крайней мере, большинством. В данной ситуации юристами используется понятие не просто гражданского общества, а правового общества, в котором сильное государство подчинено праву и в социальных отношениях жестко ограничено им, не вправе нарушать законодательно установленные для него запреты, ограничения, а физические и юридические лица свободны делать все, что не запрещено правом, имея достаточно высокую общую и политико – правовую культуру и не позволяя себе действовать анархично; это общество, в котором утверждён принцип господства права и действует оптимальный механизм взаимодействия государства, права, личности и гражданского общества [5, С. 145]. Правовое общество - это общество, в котором постоянно совершенствуется демократический правовой порядок, в том числе и прежде всего во властных структурах, ведется эффективная борьба с безответственностью, вседозволенностью, коррупцией. В таком обществе все

эти явления минимизированы, однозначно воспринимаются, как недопустимые, а в отношении тех негативных явлений, которые еще остаются неизбежно и эффективно применяется закон.

Опыт реформирования российского общества последних десяти лет показал, что процесс движения к правовому, гражданскому обществу включает в себя ряд взаимосвязанных и взаимообусловленных процессов: повышение качества и усиление роли государства, усиление законности, развитие правовой культуры, преодоление правового нигилизма и т.д. и в целом упрочения правопорядка [6, С. 267]. И когда, как это часто происходит в России, на первой позиции оказывается не сам закон, а те, в чьих руках находятся правовые институты, тогда такой механизм, как правовой порядок, утрачивает свой смысл и значимость, авторитет в глазах граждан. В результате резко падает эффективность права, авторитет и сила государства оказываются подорванными, что создает условия для дальнейшего отчуждения граждан от правовых регламентаций.

В данной ситуации государство само обязано создавать условия для развития уважения к праву, повышения активности деятельности самого общества и отдельных его членов. Не только государство устанавливает и поддерживает правопорядок. Решение данной задачи обусловлено совпадением интересов государства и граждан.

По мнению В.В. Сорокина до настоящего времени существует переходное состояние общества, которое не является неправовым, хотя в переходный период (при формировании гражданского общества) правовой порядок может быть устойчивым в силу вероятностного характера развития правовой системы и возрастания в ней процессов дезорганизации [7]. Если исходить из традиционного понимания режима законности и правопорядка, то их существование невозможно будет признать не только в переходный период, но и по его окончании, поскольку выработанная в теории права идеальная модель правопорядка на практике неосуществима [8].

Становление и развитие гражданского общества, неразрывно связанное с новыми политическими и экономическими условиями жизни страны, остается одной из основных задач на протяжении всего постсоветского периода истории России. Ее значимость обусловлена тем, что отсутствие стабильно функционирующей системы взаимодействия органов власти и общественных образований, неразвитость институтов гражданского общества способны негативно отразиться на процессе построения демократического правового государства.

С учетом сказанного необходимо отметить, что равноправное, основанное на неукоснительном соблюдении закона взаимодействие органов государства и институтов гражданского общества является весомым вкладом в формирование общей системы национальной безопасности страны, поскольку сбалансированное функционирование институтов власти и представителей гражданского общества является элементов устойчивого функционирования государства. Подобное условие будет выполнено только в том случае, если само государство, определяя политику в сфере защиты прав граждан, будет

уделять внимание не только обеспечению гарантий (статусных, материальных, социальных и т.д.) представителей правоохранительной системы (органы полиции, прокуратуры, следственного комитета), судей, но и иных, не менее важных институтов, которые на праве равенства должным образом выполняют свои обязанности.

При любом демократическом устройстве права и свободы человека, а также обязанности, составляют важнейший социальный и политико-юридический институт, объективно выступающий мерилем достижений данного общества, показателем его зрелости, цивилизованности. Он средство доступа человека к материальным и духовным благам, механизмам власти, законным формам волеизъявления, реализации своих интересов. В то же время это непереносимое условие совершенствования самого индивида, упрочения его статуса, достоинства.

Список использованной литературы

1. Лепихов М.И. Конституционные основы социального государства и социальных прав народа и человека // Закон и право. – № 11. – 2005. – С. 12-13.
2. Лукин А. Диктатура закона или диктатура в законе? // НГ. 2000. 25 мая; Федоров Н.О. О диктатуре и законе // НГ. 2000. 10 октября.
3. Яковлев А. Диктатура закона защитит от произвола чиновников // Российская газета. 2000. 28 июля.
4. Брандербургский Я.Н. Революционная законность, прокуратура и адвокатура // Советское право. – 1922. – № 2. – С. 14-15.
5. Затонский В.А. Правовое общество как основной целеполагающий идеал правовой политики Российского государства // Право и образование. 2005, № 3.- С. 143-149.
6. Воронов А.А. Роль адвокатуры в реализации квалифицированной юридической помощи // дис. доктора юрид. наук, М.: 2008. - 467 с.
7. Сорокин В.В.. О проблеме «неправа» в переходный период // Гражданин и право. – 2006. – № 5. – С. 62.
8. Кудрявцев В.Н. Законность: содержание и современное состояние // Журнал российского права. 1998. № 1. – С. 7-9.

Гоголев П.В.

*Доцент юридического факультета
Северо-Восточного федерального университета,
кандидат юридических наук,*

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «КОРЕННЫЕ МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ РОССИИ»

Вопросам определения понятия «коренной народ» посвятили свои работы Ф.Р.Ананидзе [1], Р.Ш.Гарипов [4, с. 19 – 21], С.Н. Горбунов [5, с. 33 – 42], Ю.А.Евстигнеев [6, с. 5] и другие авторы [3, с. 31]. Их подход можно отнести за общепринятый, так как методологической основой большинства определений служит исследование Специального докладчика ООН Х. Мартинеса Кобо [8]. Хотя большинство российских ученых согласны с вышеизложенными

подходами, вполне закономерно подчеркивается и невозможность исчерпывающим образом, всеохватно в масштабах всех государств мира объять такой методикой многоаспектность этнического многообразия и его истории. Так, И.Ю.Пешперова отмечает: «предложенное определение «коренное население» нельзя считать исчерпывающим» [9, с. 5].

В задачу нашего исследования не входит изучение всех нюансов международно-правовой оценки относимости и, в конечном итоге, определения понятия «коренной народ». Для нас важны общие критерии его определения, можно сказать, направления научного поиска для проекции на конституционно-правовую действительность в целях совершенствования национального законодательства.

Конституция Российской Федерации использует категорию «народ» в двух смыслах: этатическом и национально-этническом. Подтверждение тому можно найти и в Концепции федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» [10]. Следовательно, в нашем исследовании искомые сущностные свойства объекта находятся на плоскости национально-этнических границ (фронтиров) и связаны прежде всего с определениями «коренной», «малочисленный». Об этом упоминает и С.Н.Харючи [11, с. 12]. Солидарны с ним и другие авторы [7; 2].

Согласно официальным итогам Всероссийской переписи 2010 года составлен перечень из 1500 самоназваний с учетом особенностей проведения и результатов всероссийских переписей 1989 и 2002 годов. По результатам переписи сформировано 193 этнических самоназвания: 145 «основных» и 48 статистически объединяемых с первыми. В целях констатации отдельных моментов, служебных по отношению к основным выводам исследования, на данном этапе следует отметить: во-первых, история этнического развития населения и этно-культурной самоидентификации личности, с одной стороны, и официальная национальная политика Российской Федерации в части правового признания этнической общности, с другой, не совпадает и во всяком случае не должна совпадать; во-вторых, первое предопределяет некоторое содержание государственных обязательств в отношении формально-определенных этнических групп, прежде всего, национальных меньшинств, в числе которых рассматриваются и коренные народы; в-третьих, предполагается существование установленного порядка в части официального признания этнической общности как «коренного».

Кроме того, редакция конституционного текста позволяет сформулировать вывод о том, что задачи использования этих понятий разные: коренные малочисленные народы выступают в Конституции как носители определенных прав, т.е. как самостоятельные субъекты статутно-правовых отношений; понятие «малочисленные этнические общности» применено в целях обозначения объекта государственной деятельности – исконной среды обитания и традиционного образа жизни.

Понятийная многовариантность присуща и уровню субъектов Российской Федерации. Во-первых, норм-дефиниций, определяющих интересующее нас понятие, в конституциях (уставах) субъектов Российской Федерации нет.

Следовательно, региональный законодатель считает, что в предмет конституционного (уставного) регулирования искомое не входит. Во-вторых, конституционно- и уставно-правовое регулирование не ограничиваются кругом отношений, связанных с участием в них малочисленных народов. В правовой оборот введены такие понятия, как «коренной народ» (республики Хакасия, Саха (Якутия), Алтай), «коренной этнос» (Республика Хакасия), «русские и иные старожилы» (Республика Саха (Якутия)), «народы, проживающие на территории края и сохраняющие традиционные образы жизни, хозяйствования, промыслы, обычаи и культуру» (Забайкальский край), «народы, традиционно проживающие на территории области» (Иркутская область). Данные понятия не охватывают собственно коренные малочисленные народы, а определяют иные субъекты конституционных отношений, присутствующие в правовой действительности наряду с последними. В-третьих, в части определения малочисленных народов региональные акты также демонстрируют «богатство» юридического языка: «коренной народ Кольского Севера – саамы» (Мурманская область), «коренные малочисленные народы Севера (Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Магаданская область, Ямало-Ненецкий, Чукотский, Ханты-Мансийский автономные округа), «коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока» (Камчатский край), «ненецкий и другие коренные малочисленные народы» (Ненецкий автономный округ). В-четвертых, устойчивость обращения субъектов Федерации к тематике «коренных народов», понимаемой шире, чем «коренные малочисленные народы», в перспективе закономерно детерминирует необходимость более полного регулирования отношений, субъектами которых будут выступать иные коренные народы. В условиях сложных межнациональных отношений, высокой вероятности рисков, обозначенных в вышеуказанной Концепции укрепления единства российской нации и этнокультурного развития, нежелательной низкосоциализированной миграции органы государственной власти субъектов Федерации вполне могут инициировать программы, предусматривающие более высокие стандарты обеспечения прав для коренных народов в ущерб правам иных граждан Российской Федерации.

Налицо терминологическая неопределенность как на федеральном, так и на региональном уровнях и, как следствие, сложности в наполнении их конкретным правовым содержанием [12, с. 63]. Параллельное использование терминов затрудняет выявление объектов охраны и отрицательно влияет на эффективность реализации правовых норм [4, с. 39].

В значительной мере разрешает вопрос об адресате конституционных гарантий Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов в Российской Федерации». Закон напрямую не отрицает появления в российском законодательстве понятия «коренной народ», не разрешает вопроса правомерности его введения в законодательный оборот субъектами Федерации, он обращен к обособленной части граждан в структуре данной группы населения Российской Федерации, квалифицирующей чертой которых является

не только и не столько «коренность», а риск биологического исчезновения из-за низкой численности.

Список использованной литературы:

1. Ананидзе Ф.Р. Некоторые проблемы определения понятия «коренной народ». // Юрист-международник. 2006. № 2.
2. Аракчаа К.Д. Коренные народы: международное и национальное право. – М., 1995.
3. Гаврилюк Е.Д., Василишина М.И. Права коренных малочисленных народов на территории традиционного природопользования по международному праву и законодательству Российской Федерации. // Право и общество. Сборник научных трудов. – Архангельск, 2009.
4. Гарипов Р.Ш. Защита коренных народов в международном праве. – Казань: Центр инновационных технологий, 2012.
5. Горбунов С.Н. К вопросу об определении понятия «коренной народ» в международном праве. // Право и общество. Сборник научных трудов. – Архангельск, 2009. С. 33 – 42.
6. Евстигнеев Ю.А. Россия: Коренные народы и зарубежные диаспоры (краткий этно-исторический справочник). – СПб.: Астерион, 2008.
7. О ратификации Конвенции МОТ № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни, в независимых странах» (1989 г.): материалы парламентских слушаний. – М., 1995.
8. Организация объединенных наций. Постоянный форум по вопросам коренных народов: коренные народы, мнение самих коренных народов. // Издано Департаментом общественной информации ООН – DPI/2309 – April 2004 – 2 М. Отпечатано Издательской секцией ООН, Нью-Йорк.
9. Пешперова И.Ю. Защита коренных народов в рамках Организации Объединенных Наций. – СПб.: Издательство СЗАГС, 2008.
10. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 22 июля 2013 года №1292-р. // СЗ РФ. 2013. № 30 (часть II). Ст. 4179.
11. Харючи С.Н. Правовые проблемы коренных малочисленных народов Севера России: монография / С.Н.Харючи. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009.
12. Чиркин В.Е. К вопросу о точности конституционной терминологии. // Журнал российского права. 2011. № 2.

Горбачева С.В.

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права Нижегородской правовой академии г. Нижний Новгород, Российская Федерация

ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФЕДЕРАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ, СПЕЦИФИКА

Федерализм как принцип развития и функционирования государства отражает характер взаимоотношений Российской Федерацией и ее субъектов, устанавливая при этом разделение властных полномочий по вертикали с сохранением единства системы государственной власти России. В рамках такого разделения федеральные и региональные органы государственной власти Российской Федерации находятся в постоянном взаимодействии, от характера развития которого, зависит государственная целостность Российской Федерации.

При осуществлении взаимодействия основной задачей федеральных и региональных органов государственной власти Российской Федерации является выбор наиболее разумного способа взаимодействия, который облечен в установленную законом или подзаконным актом форму в зависимости от той цели, которая на определенном этапе взаимодействия выступает первостепенной и ведет к основной цели. Современная российская модель взаимодействия федеральных и региональных органов государственной власти позволяет установить многовариантные формы взаимодействия участников федеративных отношений.

Со стороны ученых административного права формы управленческой деятельности являются объектом постоянного научного внимания. Существует устойчивое мнение, что результаты науки административного права можно использовать применительно к формам взаимодействия федеральных и региональных органов государственной власти Российской Федерации

Г.В. Атаманчук под формами управленческой деятельности понимает внешние, постоянно и типизировано закрепленные выражения (проявления) практической активности государственных органов по формированию и реализации управленческих целей и функций и обеспечению их собственной жизнедеятельности[2; 342 с.].

Подобное определение дает и А.П. Алехин: «формы деятельности органов власти — это внешнее выражение видов их деятельности, предусмотренных нормами права, совершаемых в целях осуществления возложенных на них задач, функций и полномочий»[1; 279 с.].

Распространены и иные точки зрения. Например, Н.М. Конин рассматривает формы управления как, систему и структуру аппарата государственного управления, т.е. организационную форму, внутри и в рамках которой осуществляется управленческий процесс, а также все то, в чем

закрепляются, фиксируются, выражаются те или иные действия аппарата управления[4; 256 с.].

Ю.М. Козлов формы деятельности рассматривает как способы выражения ее содержания, т.е. процедура принятия актов, а не данные мероприятия[3; 320 с.].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что формы взаимодействия федеральных и региональных органов государственной власти Российской Федерации – это объективно выраженные проявления правоотношений, возникающие при взаимодействии органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъекта Российской Федерации, которые отличаются определенными способами, задачами и порядком осуществления взаимодействия, а также объемом компетенции участников взаимодействия.

Формы управленческой деятельности характеризуются большим разнообразием. Многообразие конкретных действий органов публичной власти вытекает из самой творческой организующей сущности управленческой деятельности. Однако ее властный характер требует закрепления оформления указанных действий и создания правовых предпосылок законности в их деятельности. Таким образом, основные формы деятельности органов государственной власти оформляются в правовых актах, устанавливающих компетенцию конкретного органа. В этих формах он и осуществляет свои полномочия, если иное не предусматривается обязательными для него нормативными правовыми актами.

Под правовыми формами понимают формы, выражающие действия, которые непосредственно влекут определенные правовые последствия и осуществляются на основе довольно полного юридического оформления.

В юридической литературе [5; 43 с.] выделяют следующие виды правовых форм:

- 1) издание нормативных и индивидуальных актов;
- 2) заключение договоров;
- 3) совершение иных юридических действий.

В силу своей юридической природы правовые формы такого взаимодействия обладают рядом специфических признаков: обязательность их применения; отражение многообразия сфер взаимодействия; соответствие сфер взаимодействия конституционному законодательству.

К основным правовым формам анализируемого взаимодействия можно отнести:

1. Принятие Российской Федерацией федеральных законов, по предметам совместного ведения Российской Федерацией и ее субъектов.

2. Принятие законов субъектов Российской Федерации, по вопросам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов.

3. Заключение договоров о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, а также соглашений.

В вопросе регулирования форм взаимодействия между Российской Федерацией и ее субъектами федеральные законы являются базовыми источниками, устанавливающие правовые нормы и в равной степени, распространяющиеся на все субъекты Российской Федерации. Только исходя из принципа приоритета федерального закона можно говорить о формах целенаправленного и эффективного взаимодействия Российской Федерации и ее субъектов.

Федеральный закон применительно ко всем правовым формам взаимодействия Российской Федерации и ее субъектов устанавливает четкий порядок их создания. Процедуры принятия федеральных законов по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов с обязательным привлечением субъектов федерации, подготовка и подписание договоров и соглашений, согласительные процедуры по спорам, связанным с разграничением предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами входят в особую группу организационных форм взаимодействия Российской Федерации и ее субъектов. Ни одна из правовых форм, в которую облачают свои действия Российская Федерация и ее субъекты не может считаться действительно таковой без обеспечения ее соответствующими формами реализации, основанными на конституционных принципах. Обеспечение правовых норм механизмом их реализации, соблюдение условий оптимального подбора законодателем организационных средств для принятия правового акта и заключение в его нормах возможностей для действительной и плодотворной жизнеспособности позволит говорить о конституционном и целенаправленном взаимодействии Российской Федерации и ее субъектов.

Закрепленные действующим законодательством основные правовые формы взаимодействия органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов Российской Федерации представляют собой достаточно оптимальный системный механизм для решения разного рода проблем в их взаимоотношениях. Практическая сложность их определения состоит в том, что рамки существующих законов не должны становиться препятствием для реализации возможностей сторон в достижении эффективного способа взаимодействия.

Список использованной литературы

1. Алехин А.П. Административное право / А.П. Алехин, А. А. Кармолицкий. – М., 2007
2. *Атаманчук Г.В.* Теория государственного управления: учебник. – М., 2011.
3. *Козлов Ю.М.* Административное право: учебник. – М., 1999.
4. *Конин Н.М.* Административное право России в вопросах и ответах: учеб. пособие. – М., 2010.
5. *Старилов Ю.Н.* Курс общего административного права. – М., 2002.

Довган Б. В.
*аспирантка ГОУ ВПО «Сургутский государственный
университет ХМАО-Югры», г. Сургут, ХМАО-Югра*

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ МОДЕЛЕЙ УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В ОТПРАВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ

В современном мире государства по-разному регламентируют и решают вопрос правового регулирования права участия граждан в осуществлении правосудия. В зависимости от модели судебной системы, принятой в стране, граждане участвуют в отправлении правосудия в государственных органах, осуществляющих правосудие, то есть в судах.

Бесспорно, привлечение граждан к отправлению правосудия повышает доверие граждан к судебной системе и является признаком правового государства.

Мировая судебная практика знает различные формы участия граждан в осуществлении правосудия – институт присяжных заседателей, институт народных заседателей, институт мировых судей, институт народных или непрофессиональных судей, институт народных представителей (ассизов и шеффенов), институт арбитражных заседателей и т.д.

Наиболее распространенной формой, характерной как для англо-американской (классической) модели, так и для европейской (континентальной) модели является суд присяжных заседателей. Многие исследователи выделяют две модели организации судов присяжных – самостоятельную и смешанную. [1, с.19].

Самостоятельная коллегия присяжных заседателей решает вопрос о факте преступления и выносит вердикт независимо от судьи, который, в случае обвинительного вердикта, уже сам определяет меру наказания. Такая модель характерна для стран англо-американской правовой системы. Тем не менее, в Российской Федерации действует именно такой тип суда присяжных. В странах романо-германской правовой системы более распространена смешанная коллегия из присяжных и нескольких судей, совместно выносящих решение о виновности подсудимого и назначающих ему наказание. Вместе с тем, по мнению многих ученых, отнесение смешанной коллегии к суду присяжных необоснованно. [2, с.5]

Исследуя права граждан на участие в отправлении правосудия в зарубежных странах, можно отметить, что для англо-американской (классической) модели участия граждан в отправлении правосудия характерны следующие формы – институт мировых судей и институт присяжных заседателей.

Так, в Англии действуют магистратские суды (мировые судьи, не являющиеся юристами), рассматривающие менее серьезные уголовные дела. Более серьезные уголовные дела (убийство, изнасилование и т.д.) рассматриваются в Суде короны. Судебный процесс ведется профессиональным судьей, а решение о виновности или невиновности принимается судом присяжных. Аналогичная форма действует и в Канаде.

Граждане также привлекаются к рассмотрению гражданских дел в трибуналах по трудовым спорам, которые состоят из профессионального судьи и двух непрофессиональных.

В США мелкие правонарушения рассматриваются магистратскими судами под председательством непрофессионального местного судьи, избираемого населением. На уровне штата особо тяжкие преступления рассматриваются профессиональными судьями, определяющими конкретную меру наказания. Участие граждан предусмотрено в виде судов присяжных – малого и большого жюри. Задачей большого жюри является изучение достаточности оснований для привлечения гражданина к суду, а малого – определение вины подсудимого в ходе судебного процесса. Присяжные заседатели так же привлекаются для рассмотрения мелких гражданских дел.

В Испании мелкие (не уголовные) дела рассматриваются мировыми судьями, назначаемыми судом первой инстанции по предложению муниципалитета. Безусловно, в Испании действует классический суд присяжных, состоящий из одного профессионального судьи и 12 присяжных, 2 из которых – запасные.

Таким образом, можно сделать вывод, что для стран англо-американской правовой системы характерно участие граждан в отправлении правосудия в форме классического суда присяжных и мировых судей.

В странах романо-германской правовой системы присяжные существуют, но судов присяжных, которые действуют как отдельный от профессионального судьи и самостоятельный элемент, как правило, нет.

Во многих странах такой модели профессиональные судьи проверяют вердикт присяжных заседателей и письменный протокол председателя присяжных заседателей. Присяжные заседатели и профессиональные судьи проводят совместные консультации относительно приговора. При голосовании сначала голосуют профессиональные судьи, а затем присяжные заседатели.

Наиболее ярким примером модели является Франция, которая уже давно отказалась от суда присяжных в его классической форме. Здесь функционирует суд ассизов, куда входят народные представители. Ассизы заседают совместно с судьями, участвуют в допросе обвиняемого, совещаются с судьями относительно вердикта.

Наряду со смешанным судом присяжных заседателей в странах континентальной модели действуют народные или непрофессиональные судьи (Дания, Эстония, Норвегия, Польша, Венгрия), трибуналы по трудовым спорам, по коммерческим спорам (Бельгия), помощники высокой технической квалификации при судебном рассмотрении определенных вопросов (Португалия), ассессоры и арбитражные заседатели (Словакия, Финляндия). [3, с.15]

Наряду с вышеуказанными формами участия граждан в отправлении правосудия следует отдельно выделить общественные суды, действующие в основном в странах обычного права. Общественные суды, в частности традиционные суды обычного права, ряд религиозных судов нередко не входят в судебную систему той или иной страны, но функционируют параллельно с

современной судебной системой и дополняют ее. К таким судам можно отнести третейские и товарищеские суды.

Проведя сравнительно-правовой анализ моделей участия граждан в отправлении правосудия, можно сделать вывод о наличии общих правовых положений, регулирующих такое право граждан. Так, практически все государства устанавливают аналогичные требования к присяжным заседателям. Это: возрастные ограничения, наличие гражданства, безупречная репутация, ценз оседлости; совпадает и порядок формирования списка присяжных заседателей; определяется круг дел, по которым допускается участие граждан, в основном это мелкие правонарушения, и др.

Вместе с тем, правовое регулирование права граждан на участие в отправлении правосудия в государствах англо-американской и романо-германской правовых семей различны по степени их вовлеченности в судебный процесс, при вынесении вердикта, по составу суда (смешанная или отдельные коллегии), по сроку участия граждан (по конкретному делу или по всем делам на срок вызова в суд), по компетенции присяжных (только признание факта и вины или признание факта, вины и назначения конкретного наказания, по квалификации присяжных заседателей и т.д.

Следует отметить, что внедрение и развитие судов присяжных в современном мире, и в англо-американской, и в романо-германской моделях замедлилось. В первой модели, за исключением США, с участием присяжных рассматривается все меньше и меньше категорий гражданских дел, во второй модели в ряде случаев суд присяжных не находит практического воплощения, либо компетенция суда ограничивается рассмотрением уголовных дел о преступлениях, имеющих большую общественную опасность, к примеру в России. Эти процессы свидетельствуют, с одной стороны, о возрастании значимости профессиональных судей в разрешении дел, а с другой стороны, о предпосылке к развитию иных форм гражданского участия в отправлении правосудия [3, с.17], таких как институт медиации, институт непрофессионального арбитража.

Литература:

1. Паргачева И.П. Осуществление правосудия непрофессиональными судьями в зарубежных странах // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2009. – №19 (386).
2. Петрухин И.Л. Суд присяжных: проблемы и перспективы // Государство и право. – 2001. – №3. – С.5.
3. Руденко В.Н. Участие граждан в отправлении правосудия в современном мире. – Екатеринбург: УрО РАН, 2011.

Зими́на М.Ю.
соискатель ученой степени
к.ю.н. кафедры «Частное и публичное право»
Пензенского государственного университета

СИСТЕМА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ КАК КОНСТИТУЦИОННАЯ ГАРАНТИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ГРАЖДАН НА МЕДИЦИНСКУЮ ПОМОЩЬ: ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ, РЕФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.

Современный этап развития отечественной системы здравоохранения характерен, прежде всего, ее реформированием, движущей силой которого является комплекс проблем системы здравоохранения, включая проблему низкой эффективности ее деятельности. За последние годы в стране сложилась неблагоприятная обстановка в отрасли здравоохранения: увеличилось число заболеваний социально- значимого характера; снизились качество и доступность медицинской помощи населению. Медико-демографическая ситуация характеризуется ростом смертности и снижением рождаемости, отрицательным естественным приростом населения. На состоянии отечественного здравоохранения негативно отражается и недостаточное финансирование. К тому же, социологические опросы зачастую показывают низкую самооценку населением состояния здоровья [1]. Проблемы, накопившиеся в системе здравоохранения России, вызывают серьезную обеспокоенность в обществе. Именно поэтому для определения правильной и адекватной концепции развития отечественной медицины необходимо проанализировать способ управления здравоохранением, при этом обратив особое внимание на модель правового регулирования.

Но, прежде чем дать комплексную оценку системе здравоохранения, необходимо уточнить следующие аспекты. Во-первых, что понимается под системой здравоохранения в целом, и, во-вторых, каково определение государственного управления?

Зачастую система здравоохранения рассматривается как комплекс мер, непосредственно направленных на обеспечение здоровья и лечение болезни, (т.е. система оказания медицинских услуг), или как совокупность всех видов деятельности, главная цель которой состоит в продвижении, восстановлении или поддержании здоровья [1]. Государственное управление (в широком смысле) – это управление делами государства, которое осуществляется всеми органами государства и во всех ветвях власти, государственное управление (в узком смысле) - это исполнительная деятельность по непосредственной организации социальных процессов в обществе [2, с.1069].

В настоящее время в Российской Федерации действует трехуровневая структура управления системой здравоохранения:

- *федеральный уровень* (представлен Президентом РФ, Государственной Думой РФ, Председателем Правительства РФ и Министерством здравоохранения и социального развития РФ, которые формируют нормативную базу, определяют объем финансирования сферы

здравоохранения, разрабатывают и принимают федеральные (приоритетные) программы развития здравоохранения, включая проблемы экономического управления (методология, цены, тарифы, стандарты, лицензирование и т.д.);

- *региональный уровень* (представлен регулирующими органами субъектов РФ, наделенными полномочиями по определению собственности и особенностей финансирования с учетом экологических, промышленных и прочих факторов);

- *муниципальный уровень* (представлен муниципальными органами управления здравоохранением, способствующими исполнению целевых программ развития здравоохранения на местах).

Подобное разделение полномочий соответствует реалиям действительности и с течением времени не теряет актуальности, являясь наиболее подходящей моделью для системы здравоохранения на сегодняшнем этапе развития.

Тем не менее, в настоящее время отмечается, что «...современное состояние государственного и муниципального управления России признается не просто далеким от совершенства, но в большей степени характеризуется как находящееся в глубоком системном кризисе» [3, с. 18]. Таким образом, необходимо определить стратегию развития управления здравоохранением, которое должно базироваться на последовательном осуществлении трех основных задач:

- четкое обозначение основных проблем, которые имеются на сегодняшний период;

- выработка принципов управления;

- определение конкретных направлений деятельности.

Но, вместе с тем, «... все эти меры могут оказаться декларативными в отсутствии основных элементов экономического базиса здравоохранения – материальной базы, а наравне с этим и кадров квалифицированных медицинских работников» [4, с.11].

Справедливо отмечал Н.Ф. Герасименко: «С формированием на постоянной основе Российского парламента начался заметный рост законодательной деятельности и активная эволюция законодательства, в том числе и в области здравоохранения» [5, с.3]. За период с 1991 г. в РФ принято более 15 основных законов, посвященных различным аспектам медицинской деятельности, в том числе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», «О медицинском страховании граждан Российской Федерации», «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», «О лекарственных средствах». Следует отметить большое количество положительных и продуктивных идей, которые обнаруживаются при детальном изучении представленных вариантов реформирования нормативно-правовой базы управления здравоохранения.

В то же время, несмотря на положительные тенденции, нельзя не отметить существующие проблемы, которые не позволяют отечественную нормативно-правовую базу здравоохранения считать оптимальной. В частности, к основным

организационно- правовым проблемам управления здравоохранения могут быть отнесены:

- отсутствие продуманной, научно обоснованной концепции развития юридической регламентации здравоохранения;
- несовершенство существующих законов;
- наличие законодательных коллизий;
- определенные противоречия федерального и регионального законодательства по вопросам здравоохранения.

С учетом анализа опыта законодательного обеспечения управления здравоохранения предлагается в качестве основополагающих принципов совершенствования юридической регламентации руководствоваться следующими принципами:

- системностью;
- масштабностью;
- соединением централизации и децентрализации;
- приоритетностью;
- тесной связью с уровнем развития экономики;
- обязательной предварительной научной экспертизой предлагаемых законопроектов [6, с.31].

Практика показывает, что с развитием системы здравоохранения требуется и обновление юридического обеспечения, что позволит предложить модель наиболее адекватного управления здравоохранением.

Список использованной литературы:

1. Чубарова Т.В. Система здравоохранения России: экономические проблемы развития // <http://www.SocPolitica.ru> (дата обращения: 01.02.2014).
2. Новый юридический словарь / под ред. А.Н. Азрилян. М.: Институт новой экономики, 2008.
3. Тимофеев Н.С. Традиции, инновации и заимствования в контексте современных реформ местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2012. №1. С.18-27.
4. Эртель Л.А. Совершенствование системы управления в области медицины как механизм исполнения стратегической программы национальной безопасности России // Медицинское право. 2010. №6. С. 11-14.
5. Герасименко Н.Ф. Очерки становления современного российского законодательства в области охраны здоровья граждан. М.: ГЭОТАР-МЕД, 2001.
6. Пищита А.Н. Теоретико-правовая модель развития законодательства в сфере управления здравоохранения России: постановка проблемы // Конституционное и муниципальное право. 2005. №8. С. 29-33.

«СВОБОДА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»: ПРОБЛЕМА ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕФИНИЦИИ

В статье 8 Конституции Российской Федерации в качестве одной из основ конституционного строя закреплена «свобода экономической деятельности». Однако к настоящему времени сохраняется дискуссия по вопросу о том, является ли данное положение основополагающим конституционным принципом или его стоит рассматривать как конституционное право (наряду с иными правами и свободами, закрепленными во второй главе Конституции РФ). По нашему мнению, ответ на данный вопрос предопределяет юридическое содержание «свободы экономической деятельности», что важно и с теоретической, и с практической точек зрения.

Специальное исследование различных подходов к решению этого вопроса было проведено В.И. Круссом, который полагает, что «В.М. Сырых, хотя и не прямо, причисляет данную статью (*статью 8 Конституции*) к числу норм, определяющих правовое положение личности в Российской Федерации в экономической сфере», в то время как В.А. Рахмилович относит данную свободу к одному из трех основополагающих принципов рыночной экономики», наряду с такими принципами как свобода конкуренции и свободное перемещение товаров, услуг, финансовых и иных ресурсов [1, с.280].

В этой связи целесообразно обратиться к определению содержательного смысла «свободы экономической деятельности» через призму таких понятий как «конституционные права», «конституционные свободы» и «конституционные принципы (основы) организации государства и общества».

В англосаксонской теории правопонимания понятия «конституционные права» и «конституционные свободы» отождествляются (о чем свидетельствуют труды Г.Л. Харта, К. Уэллмана и др.). Данной позиции придерживается и Ф. Люшер, который рассматривает «свободу» личности как «право индивида вести подобающий ему образ жизни», т.е. выбирать в жизни то, что ему представляется наиболее подходящим [2, с. 89]». С этой точки зрения определение «свободы экономической деятельности» как «конституционного права» представляется закономерным.

Однако, Российская Федерация берет свое начало от европейской континентальной традиции права, представители которой, в свою очередь, проводят разграничение между исследуемыми понятиями.

В частности, Л.Д. Воеводин, не отрицая существования схожего элемента у данных понятий, проявляющегося в наличии «правовой возможности» избрания того или иного поведения, сформулировал основное отличие данных категорий: «основные права свидетельствуют о возможности получения каких-то социальных благ, т.е. «право на»... получение чего-то. Свобода – это возможность избежать человеку воздействия со стороны государства, государственной власти тех или иных ограничений. Свобода характеризуется независимостью от государства» [3, с. 131].

Данный вывод соответствует ранее выработанной теории Г. Еллинека, нашедшей свое отражение в трудах немецких конституционалистов К. Штерна, Й. Изензее, Т. Оппермана, заключающейся в наличии у лица помимо таких прав как: «право притязания на обеспечение и осуществление интересов индивида с помощью государственных действий» (позитивный статус личности) и «право участия», «права на защиту от излишнего вмешательства» (негативный статус личности), которое и соответствует понятию «свободы» как «отсутствия государственного принуждения» [4, с. 178, 189-190]. То есть совпадение понятий «права» и «свободы» имеет место лишь в одном случае – когда речь идет о негативном статусе личности.

В связи с чем полагаем, что с точки зрения российской теории права ошибочно утверждать, что «свобода экономической деятельности» является «конституционным правом», но это не исключает возможности рассматривать свободу через совокупность конституционных прав, что соответствует идеи В. И. Крусса: «биномное ядро» конституционной свободы может состоять из множества элементарных компонентов — конституционных прав (каждое из которых, впрочем, также имеет известную внутреннюю структуру). В частности, конституционно утвержденная экономическая свобода личности определяет и наличие таких полномочий каждого субъекта, как право на работу по найму (право трудового договора), право на предпринимательскую деятельность, право на творчество, право на иную экономическую деятельность (при всей «сомнительности» подобной формулировки), право на государственную службу, право на общественно значимую деятельность в духовной сфере. Поэтому даже формальное закрепление таких прав в конституции не снимает их сущностной *производности от экономической свободы*: они являются элементами этой свободы» [1, с. 278].

Однако анализ «свободы экономической деятельности» был бы не полон без изучения позиции о том, что данное понятие есть основополагающим конституционным принципом Российской Федерации.

Следует отметить, что закрепление конституционных «прав» или «принципов» обеспечивается законодателем в форме нормы права. Кроме того, каждая категория представляет собой «основополагающие начала»: в первом случае – как «база для всей системы прав, свобод и обязанностей» [3, с. 146], а во втором – как «общие начала, важнейшие элементы соединительных каркасов правовых конструкций» [5, с. 200]. В этом проявляется сходство данных понятий.

Согласно правовой позиции, изложенной Конституционным судом Российской Федерации в Постановлении от 27.01.1993 г. № 1-П общеправовые принципы, закрепленные в Конституции РФ, «обладают высшей степенью нормативной обобщенности, определяют содержание конституционных прав человека, отраслевых прав граждан, носят *универсальный характер* и в связи с этим оказывают *регулирующее воздействие на все сферы общественных отношений*» [6]. В отличие от указанного общерегулятивного свойства «конституционных принципов» «конституционные права» опосредуют отношения и связи гражданина со всеми иными участниками отношений. Из

этого следует и еще одно отличие, связанное с тем, что в структуре нормы-принципа субъекта либо нет вообще, либо им является государство в целом, в то время как в норме-праве, предопределяющей «абсолютные отношения», всегда имеется субъект, которым никогда не является государство в целом.

Наконец, опираясь на позицию Л.Д. Воеводина о том, что «права» и «свободы» включают в себя «правовые возможности», можно сформулировать вывод, что «свобода экономической деятельности» в отличие, например, от свободы «использования своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности», закрепленной в статье 34 Конституции РФ, не содержит в себе «правовых возможностей», а скорей, определяет для субъектов правовые гарантии реализации их прав, закрепленных во второй главе Конституции РФ, через установление обязанностей государства в обеспечении соответствующей свободы.

Таким образом, «свобода экономической деятельности» с учетом рассмотренных признаков является «конституционным принципом», ориентиром в построении системы рыночной экономики в Российской Федерации. На данной позиции настаивает и Г.А. Гаджиев, который впервые ввел понятие «экономической конституции» применительно к российскому законодательству, а также разработал классификацию конституционных принципов рыночной экономики, где «свобода экономической деятельности» выступила в качестве специального конституционного принципа [7, с. 41].

Данный автор отмечает, что конституционный принцип «свободы экономической деятельности» «коррелирует целому ряду основных экономических прав и свобод и прежде всего праву на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской деятельности». Из чего следует, что этот принцип проявляется именно через совокупность прав и свобод.

В данном случае мы находим полное соответствие сформулированной ранее позиции об определении «свободы» через совокупность «прав», по отношению к принципу «свободы экономической деятельности». Таким образом, проведенное нами исследование, позволяет сделать общий вывод о двойственном характере понятия «свободы экономической деятельности», которая, оставаясь категорией «конституционной свободы», занимает место среди важнейших конституционных принципов Российской Федерации, формирующих основы конституционного строя.

Список использованной литературы:

1. В.И. Крусс. Право на предпринимательскую деятельность – конституционное полномочие личности / отв. Ред. С.А. Авакьян. – М.: Юристъ, 2003 – С. 280.
2. Ф. Люшер. Конституционная защита прав и свобод личности: Пер. с франц. – М.: Издательская группа «Прогресс» – «Универс», 1993 – С. 89.
3. Л. Д. Воеводин. Юридический статус личности в России. / учебное пособие. – М.: Издательство МГУ, Издательская группа ИНФРА • М–НОРМА, 1997 – С. 131.

4. Государственное право Германии. Т.2. // Институт государства и права РАН. 1994. – С. 178,189-190.

5. В.Д. Мазаев. Публичная собственность в России: конституционные основы. – М.: ОАО «Издательский дом «Городец», 2004. – С. 200.

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.01.1993 № 1-П «По делу о проверке конституционности правоприменительной практики ограничения времени оплаты вынужденного прогула при незаконном увольнении, сложившейся на основе применения законодательства о труде и Постановлений Пленумов Верховного Суда СССР, Верховного Суда Российской Федерации, регулирующих данные вопросы» // «Вестник Конституционного Суда РФ», № 2 - 3, 1993.

7. Г.А. Гаджиев. Конституционные принципы рыночной экономики (развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации) // М. Юристъ, 2004. – С. 41.

Минаев А.В.

*заведующий кафедрой уголовного права и процесса
юридического факультета
Тувинского государственного университета,
доцент кафедры уголовного права и процесса,
кандидат юридических наук,
докторант РАНХиГС при Президенте РФ,
член Ассоциации юристов России,
член Российской Академии Юридических Наук,
профессор Академии военных наук, г. Кызыл,*

ОСНОВНЫЕ ПРАВОВЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В соответствии с п. «з» ст. 83 Конституции РФ[1] и пп. 2 п. 2 ст. 4 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61 «Об обороне»[2] утверждена Указом №146 Президента РФ от 05 февраля 2010 г. Военная доктрина РФ на период до 2020 г.[3]. Военная доктрина РФ (далее Военная доктрина) - основной документ стратегического планирования в России, представляющий собой общую систему правовых официально принятых в государстве и обществе взглядов на подготовку вооруженной защиты РФ. В Военной доктрине определены основные правовые положения Военной доктрины РФ 2000 г., Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г., Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г.[4], а также основные положения Концепции внешней политики РФ 2008 г., а также Морской доктрины РФ на период до 2020 г.[3].

Военная доктрина основана на положениях военной теории и направлена на ее дальнейшее развитие. Правовую основу Указа Президента РФ №146 составили Конституция РФ, общепризнанные принципы, а также нормы международного права и международные договоры РФ в области обороны, контроля над вооружениями и разоружения, федеральные конституционные

законы (далее ФКЗ), федеральные законы (далее ФЗ), а также правовые акты Правительства РФ и Президента РФ[1]. Военная доктрина отразила приверженность России к использованию дипломатических, политических, экономических, правовых, информационных, экологических, военных и других методов защиты национальных интересов РФ и интересов ее союзников.

Указанные положения в Военной доктрине ежегодно уточняются в посланиях Президента РФ Федеральному Собранию РФ и могут корректироваться в рамках стратегического планирования и развития в военной сфере. Реализация данной Военной доктрины достигается путем постоянной централизации государственного управления в военной области, а также осуществляется на основе российского федерального законодательства, нормативными правовыми актами Президента РФ, Правительства РФ и федеральными органами исполнительной власти.

Указ №146 Президента РФ от 05 февраля 2010 года Военная доктрина РФ состоит из 4 разделов и 53 пунктов. Основные разделы: общие положения; военные опасности и военные угрозы РФ; военная политика РФ; военно-экономическое обеспечение обороны РФ[3].

Президент РФ определил стратегические внешние основные военные опасности России: постоянное стремление наделить их силовой потенциал Организации Североатлантического договора глобальными функциями, реализуемыми в нарушение правовых норм международного права; попытки дестабилизировать международную обстановку в отдельных регионах и государствах; постоянное незаконное развертывание воинских контингентов иностранных государств на территориях сопредельных с РФ; создание и развертывание систем стратегической противоракетной обороны, которые подрывают глобальную стабильность и нарушают сложившееся соотношение сил в ракетно-ядерной сфере; постоянные территориальные претензии к РФ; вмешательство во внутренние дела; незаконное распространение оружия массового поражения, ракет и ракетных технологий; противоправное нарушение отдельными государствами международных договоренностей, а также несоблюдение заключенных договоров в области ограничения и сокращения вооружений; незаконное применение военной силы на территориях сопредельных с РФ государств в нарушение Устава Организации Объединенных Наций; наличие очагов и эскалация вооруженных конфликтов на территориях сопредельных с РФ и ее союзниками государств; постоянное и незаконное распространение на планете международного терроризма; противоправное возникновение очагов межнациональной напряженности, регулярная деятельность международных вооруженных радикальных группировок в регионах, прилегающих к государственной границе РФ.

В Военной доктрине Президент РФ обозначил следующие основные стратегические военные угрозы России: постоянное обострение военно-политической обстановки и создание неблагоприятных условий для применения военной силы; правовое воспрепятствование в работе систем государственного и военного управления РФ; нарушение функционирования ее стратегических ядерных сил, систем предупреждения о ракетном нападении,

контроля космического пространства, объектов хранения ядерных боеприпасов, атомной энергетики, атомной, химической промышленности и других потенциально опасных объектов; создание и подготовка незаконных вооруженных формирований, их деятельность на территории РФ или на территориях ее союзников; демонстрация военной силы в ходе проведения учений на территориях сопредельных с РФ или ее союзниками государств с провокационными целями; незаконная активизация деятельности вооруженных сил отдельных государств с проведением частичной или полной мобилизации региона, переводом органов государственного и военного управления этих государств на работу в условиях военного времени[3].

В настоящее время на современном этапе при строительстве и развитии ВС РФ и других войск определены основные стратегические задачи развития военной организации: постоянное приведение структуры, численности и состава компонентов военной организации в соответствие с поставленными задачами в военное время, в период непосредственной угрозы агрессии и в мирное время, с учетом выделения на эти цели и задачи достаточного количества материальных, финансовых, и других ресурсов и средств; регулярное повышение безопасности и эффективности функционирования системы военного и государственного управления; создание системы воздушно-космической обороны РФ и совершенствование системы противовоздушной обороны; совершенствование военно-экономического обеспечения военной организации на основе рационального использования материальных, финансовых и других ресурсов; совершенствование военного планирования; совершенствование гражданской обороны и территориальной обороны; совершенствование системы создания запаса мобилизационных ресурсов, а также запасов военной, специальной техники и вооружения, а также материально-технических сил и средств; постоянное повышение эффективности функционирования системы эксплуатации и ремонта военной, специальной техники и вооружения; создание интегрированных структур социального, медицинского, научного и материально-технического обеспечения в ВС РФ и других войсках, а также учреждений военного образования и подготовки своих кадров; совершенствование правовой системы информационного обеспечения ВС РФ и других войск; повышение качества престижа военной службы, всесторонняя качественная подготовка к ней граждан РФ; обеспечение военно-технического и военно-политического сотрудничества РФ с иностранными государствами[3].

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года - официально признанная система стратегических приоритетов, целей и мер в области внутренней и внешней политики, определяющих состояние национальной безопасности и уровень устойчивого развития государства на долгосрочную перспективу[4]. Концептуальные положения в области обеспечения национальной безопасности базируются на фундаментальной взаимосвязи и взаимозависимости Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года и Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года.

Стратегия является базовым документом по планированию развития системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, в котором излагаются порядок действий и меры по обеспечению национальной безопасности. Она является основой для конструктивного взаимодействия органов государственной власти, организаций и общественных объединений для защиты национальных интересов Российской Федерации и обеспечения безопасности личности, общества и государства. Реализация Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года призвана стать мобилизующим фактором развития национальной экономики, улучшения качества жизни населения, обеспечения политической стабильности в обществе, укрепления национальной обороны, государственной безопасности и правопорядка, повышения конкурентоспособности и международного престижа Российской Федерации[5].

Система военной безопасности во многом сохранила старые черты советского периода XX века, поэтому регулярно возникают конфликты между гражданским обществом и военными структурами. Для решения этих проблем необходимо постоянно анализировать военно-гражданские отношения, усиливать модернизацию в гражданском компоненте в процессе принятия военных решений, улучшать качественно правовые и социальные условия в ВС РФ. Это позволит сделать военный аспект еще более современным и действенным в системе государственной национальной безопасности.

Список использованной литературы

1. Конституция РФ: Принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. – М.: Юрид. лит., 1993. 64 с.
2. ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН от 31.05.96 N 61-ФЗ (ред. от 02.07.2013 с изменениями, вступившими в силу с 01.09.2013) «ОБ ОБОРОНЕ».
3. Указ Президента Российской Федерации «О Военной Доктрине Российской Федерации» N 146 от 5 февраля 2010 года//Российская газета от 10 февраля 2010 г.
4. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: Утверждена Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 // Российская газета. Федеральный выпуск. 2009. № 4912. 19 мая.
5. Минаев А.В.; Эртине К.К. Государственная политика России в области национальной безопасности (статья). Королёв: // «Право и государство: теория и практика». Издательский дом «Право и государство», 2013, № 9 (105). С.129- 133.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ

Право на судебную защиту как социальное и правовое явление есть совокупность нескольких правомочий, обеспечивающих личности справедливое правосудие и эффективное восстановление в правах [1, с. 65].

Судебная защита — это важнейший элемент государственной защиты прав и свобод человека и гражданина (часть 1 статьи 45 Конституции Российской Федерации). Она представляет собой самостоятельное направление государственно-властной деятельности, осуществляемое специально созданными для этой цели органами — судами.

Конституция Российской Федерации как Основной закон нашего государства, провозгласила в статье 2 человека, его права и свободы высшей ценностью, а признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина — обязанностью государства. На суд как на орган правосудия возлагается конституционная обязанность контролировать деятельность публичной власти в сфере государственной защиты прав и свобод человека, а при необходимости – обеспечивать их принудительную реализацию.

Определение понятия конституционного права на судебную защиту для науки конституционного права имеет важное значение. Единого мнения относительно содержания и понятия конституционного права на судебную защиту нет. В юридической литературе наиболее распространенной является позиция ученых, согласно которой конституционное право на судебную защиту является двухэлементным: материальным и процессуальным одновременно. Согласно этой идеи, право на судебную защиту – это право на обращение в судебные органы (процессуальный аспект); право на восстановление нарушенных прав и право на возмещение ущерба, т. е. право на удовлетворение материального требования (материальный аспект).

Авторы, придерживающиеся этой точки зрения, исходят из того, что осуществление юридически закрепленного и гарантированного государством конституционного права на судебную защиту невозможно без обращения в компетентные органы судебной власти, а наличие права лишь на обращение в суд в отрыве от применения материально-правовых средств и способов такой защиты не в состоянии гарантировать ее реальное получение [2, с. 39].

Конституционное право на судебную защиту – это гарантированная Конституцией Российской Федерации и обеспеченная государством возможность каждого восстановить свои нарушенные или оспариваемые права и законные интересы в законодательно закрепленной процедуре судебного разбирательства.

Одной из главных проблем современного общества остается вопрос реализации конституционного права личности на судебную защиту. Имеющийся массив нормативно-правовых актов регулирующих данный вопрос

не ликвидирует нарушения данного конституционного права (не только в судах общей юрисдикции, но и в Конституционном Суде Российской Федерации).

Интерпретация права на судебную защиту Конституционным Судом Российской Федерации происходит в результате казуального толкования части 1 статьи 46 Конституции Российской Федерации. Благодаря этому данная норма приобретает не абстрактное значение, а реальное содержание и смысл. Суд высказывал правовые позиции о природе права на судебную защиту, о его месте в системе прав и свобод человека и гражданина, о гарантиях данного права и других его аспектах [3, ссылка].

Постановлениями и определениями Конституционного Суда Российской Федерации определен круг гарантий на реализацию права на судебную защиту. К ним относятся: доступность правосудия; требование рассмотрения дел законно установленным составом суда, без предубеждения, полно, всесторонне и объективно; соблюдение правил подсудности; наличие института судебного представительства; обеспечение состязательности и равноправия сторон; возможность пересмотра дела вышестоящим судом в случае не согласия с вынесенным решением; обеспеченность со стороны государства исполнения судебного решения (исполнительное производство) и прочие.

При реализации конституционного права на судебную защиту возникает ряд трудностей. В науке они называются проблемы доступности правосудия.

Доступность правосудия закреплена в статье 46 Конституции Российской Федерации, которая гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод. Данная норма полностью согласуется со статьей 8 Всеобщей декларации прав человека. Доступность правосудия обеспечивается территориальной приближенностью суда к населению, установлением в процессуальных законах четких и однозначно трактуемых процессуальных сроков для самого суда [4, с. 27]. Доступность правосудия является неотъемлемым признаком правового государства и цивилизованного общества, поскольку в ней отражена мера заботы государства о защите и восстановлении нарушенных прав в судебном порядке. В целях обеспечения доступности судебной защиты принимаются меры организационного, правового и материально-технического характера.

К доступности также стоит отнести вопрос государственной пошлины. Сейчас нет таких ставок, как это было ранее, равных 10 и даже 15 процентам от цены иска. Сегодня самая большая ставка равна 4 процентам от цены иска, что говорит нам о более доступном правосудии, нежели в Советский период. Также здесь уместно отметить предоставление льгот отдельным категориям лиц. Эти льготы существенно снижают сумму оплаты, либо же целиком освобождают лиц от уплаты государственной пошлины. Возможен вариант отсрочки или рассрочки оплаты государственной пошлины. Данный вопрос, по сравнению с законодательством советского времени, был разработан в пользу населения страны.

Следующий проблемный момент – это умение вести процесс. Эффективная защита прав в современном состязательном процессе требует умения вести процесс, активности в отстаивании своих прав и законных интересов, что предполагает профессиональное юридическое

представительство (юридическое сопровождение), в силу чего это представительство объективно не может быть дешевым. Значительную часть судебных расходов должны нести сами стороны, и это справедливо. Однако если судебные расходы являются непосильными для большинства граждан, то ситуацию с доступностью правосудия нельзя признать нормальной.

Другая проблема, возникающая при реализации конституционного права на судебную защиту – это мировая юстиция, а именно проблемы судебной защиты в мировом суде.

Наиболее актуальной проблемой, обсуждаемой учеными и практическими работниками, является создание мировых судов, в состав которых могут войти несколько мировых судей одного или различных административно-территориальных образований. Сторонники этой позиции правомерно считают, что объединение мировых судей в суды будет способствовать динамичному развитию института мировой юстиции, решит многие проблемы организационного и процессуального характера. Противники создания мировых судов ссылаются на то, что в стране достаточно много районов, на территории которых создан лишь один участок и действует только один мировой судья [5, с. 254-255].

Остро стоит вопрос о временном замещении мирового судьи судьей с другого судебного участка. Длительное отсутствие мирового судьи (например, отпуск по уходу за ребенком) влечет передачу дел мировому судье другого участка, это приводит к значительному увеличению его нагрузки, что, в свою очередь, приводит к затягиванию рассмотрения дел. Одновременно нарушается цель мировой юстиции – доступность правосудия и повышение оперативности судопроизводства, что негативно сказывается на улучшении правовой защищенности населения. Особенно это касается мировых участков, которые расположены на значительном расстоянии друг от друга.

Перечисленные выше перспективы развития института мировой юстиции являются наиболее актуальными, активно обсуждаемыми в научной среде.

Продолжает оставаться актуальной проблема обеспечения самостоятельности и независимости судей. В этой связи следует ликвидировать зависимость судей от председателей судов, критически отнестись к оценке мнения об усилении прецедентных начал в судебном правоприменении.

Данные проблемы решаемы. Для их решения принимаются Федеральные целевые программы, которые обуславливают развитие конституционного права на судебную защиту на определенные периоды времени. Каждая программа ставит перед собой цели, а каждая последующая с учетом опыта предыдущей новые задачи. Так «Развитие судебной системы России» на 2002 – 2006 годы и на 2007 – 2012 годы направлены на соблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина в области получения информации, ее обработки, предоставления и распределения в сфере обеспечения доступности правосудия. Это создает принципиально новую среду для обеспечения доступности правосудия. В Концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России» на 2013 – 2020 годы, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2012 года № 1735,

решение задач обеспечения открытости и доступности правосудия указано в ряду необходимых условий для достижения целей повышения качества осуществления правосудия, а также совершенствования судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций.

Такая актуальность указанных вопросов имеет свое объяснение: доступность правосудия относится к числу показателей, по которым можно судить о требованиях, предъявляемых на конкретном этапе общественного развития к состоянию судебной системы; она является критерием того, насколько посредством правосудия в действительности обеспечивается гарантированное право на судебную защиту. Проблемы доступа к правосудию отражают в себе потребности общества и государства в создании эффективного механизма разрешения конфликтных ситуаций; как следствие по мере развития, усложнения общественных отношений они постоянно будут проявляться в новом свете и требовать новых подходов к своему рассмотрению.

07 октября 2013 года Президент Владимир Путин внес в Государственную Думу Российской Федерации законопроект об объединении Верховного и Высшего Арбитражного Судов. Проект предусматривает ликвидацию Высшего Арбитражного Суда в течение шести месяцев с момента внесения соответствующих поправок в Конституцию и передачу его полномочий в юрисдикцию вновь создаваемого Верховного Суда Российской Федерации. Профильный комитет Государственной Думы по конституционному законодательству 05 октября 2013 года одобрил законопроект, предполагающий объединение Верховного и Высшего Арбитражного судов, и рекомендовал принять документ в первом чтении 12 ноября 2013 года. 06 февраля 2014 года Президент Российской Федерации подписал пакет законов, предусматривающих упразднение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации и создание нового Верховного Суда Российской Федерации. Можно ли считать данные меры направленными на улучшение судебной системы России покажет время, однако уже сейчас идет широкое обсуждение данного вопроса.

В проводимой последние 13 лет судебной реформе имеются свои минусы и плюсы. Ежедневно нарабатывается практика, которая покажет результаты этой реформы. В дальнейшем же необходимо сосредоточить внимание на преодолении недоверия граждан к судебной власти, на отборе и систематическом повышении квалификации судейских кадров, на их конституционно-правовой ответственности.

Список использованной литературы.

1. **Сушкова И. А. Содержание конституционного права на судебную защиту** // Второй пермский конгресс ученых-юристов: материалы международной научно-практической конференции. Пермь, 2011.
2. **Адзинова Е. А.** Конституционное право на судебную защиту // Российское правосудие № 4. М., 2008.
3. **Адзинова Е.А., Кряжкова О. Н.** Судебная защита как элемент государственной защиты прав и свобод человека и гражданина // Интернет ресурс: http://www.kmcon.ru/main/articles/jurist4/jurist4_508.html

4. *Приходько И. А.* Доступность правосудия в арбитражном и гражданском процессе: основные проблемы. Спб., 2005.

5. *Дорошков В. В.* Мировая юстиция как конституционная ценность и перспективы ее развития // Конституционные ценности: содержание и проблемы реализации. Материалы международной научно-теоретической конференции 4-6 декабря 2008 г. Том 2. М., 2009.

Рябушкина Н.В.
студентка 6 курса
СКФ ФГБОУВПО «РАП»

ЗАЩИТА ПРАВА ДЕТЕЙ НА ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Нужно отметить, что после принятия Федерального Закона от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [1] граждане РФ во многом обеспокоены положением с доступностью дополнительного образования детей в России. На фоне этого в СМИ особенно «желтых» появляются статьи, дискредитирующие законодателя в части правильной конкретизации конституционных норм о праве каждого на образовании (часть 1 ст. 43 Конституции РФ)

Указанными выше фактами мы определяем актуальность темы исследования защиты права на дополнительное образование детей. Ситуация, которую в данный момент переживает наше общество - глубокий нравственный кризис, что явно инициирует необходимость обновления и зачастую реанимации тех культурных ценностей, нравственно-духовной жизни русского народа, культурных традиций, которые следует возрождать немедленно, а также возобновлять интерес к истокам национальной культуры. В значительной степени это относится к дополнительному образованию.

В действующем до 1 сентября законе РФ 1992 г. «Об образовании» место дополнительного образования было определено наравне с основным в статье 12 (устанавливались учреждения дополнительного образования, определено, что права и обязанности учреждений дополнительного образования, предусмотренные законодательством РФ, распространяются и на общественные организации (объединения), основной уставной целью которых является образовательная деятельность, только в части реализации ими дополнительных образовательных программ).

Статья 26 полностью посвящена дополнительному образованию. Определены цели реализации дополнительных образовательных программ и дополнительных образовательных услуг как всестороннее удовлетворение образовательных потребностей граждан, общества, государства.

Установлена в пределах каждого уровня профессионального образования основная задача дополнительного образования как непрерывное повышение квалификации рабочего, служащего, специалиста в связи с постоянным совершенствованием федеральных государственных образовательных стандартов. Определены виды дополнительных образовательных программ, реализуемых: в общеобразовательных учреждениях и образовательных

учреждениях профессионального образования за пределами определяющих их статус основных образовательных программ; в образовательных учреждениях дополнительного образования (в учреждениях повышения квалификации, на курсах, в центрах профессиональной ориентации, музыкальных и художественных школах, школах искусств, спортивных школах, домах детского творчества, на станциях юных техников, станциях юных натуралистов и в иных учреждениях, имеющих соответствующие лицензии); посредством индивидуальной педагогической деятельности; в научных организациях.

В исследованиях прошедшего периода праву на дополнительное образование, на наш взгляд, уделялось недостаточное место. В настоящее время мы можем найти только несколько статей указанного периода по данному вопросу [2, с.46]. Так ли уж дополнительное образование менее важно, чем основное? Рассмотрим данную проблему. Ребенок проводит в системе общего образования 3-4 часа в начальных классах и до 6 часов в старших. А остальное время? Это, в основном, время дополнительного образования. Получение дополнительного образования, с одной стороны, рассматривается как факультативный элемент права на образование [3, с.35]. С другой стороны, в ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», кроме того, что в ст. 10 установлены следующие его подвиды: дополнительное образование детей и взрослых и дополнительное профессиональное образование, а ст. 12 выделяет дополнительные образовательные программы - общеразвивающие программы, предпрофессиональные программы и дополнительные профессиональные программы - программы повышения квалификации, программы профессиональной переподготовки, целая глава, а именно глава 10, посвящена дополнительному образованию.

И все это очень важно для дополнительного образования, так как оно не стало чисто услугой, возможностью дополнительного заработка для дельцов от образования. А это значит, что, выделив дополнительное образование, законодатель защитил право детей на него. Именно поэтому в соответствии со ст.75 нового закона, оно направлено на формирование и развитие творческих способностей детей, удовлетворение их индивидуальных потребностей в интеллектуальном, нравственном и физическом совершенствовании, формирование культуры здорового и безопасного образа жизни, укрепление здоровья, а также на организацию их свободного времени, обеспечивает их адаптацию к жизни в обществе. Еще ряд важнейших показателей дополнительного образования детей (ст. 75 ФЗ № 273): требуется учет возрастных и индивидуальных особенностей детей; к их освоению допускаются любые лица без предъявления требований к уровню образования; содержание дополнительных общеразвивающих программ и сроки обучения по ним определяются образовательной программой, разработанной и утвержденной организацией, осуществляющей образовательную деятельность.

Наш вывод: замечательные принципы российской образовательной политики (ст. 3 ФЗ № 273) «признание приоритетности образования; обеспечение права каждого человека на образование, недопустимость дискриминации в сфере образования; гуманистический характер образования,

приоритет жизни и здоровья человека, прав и свобод личности, свободного развития личности, воспитание взаимоуважения, трудолюбия, гражданственности, патриотизма, ответственности, правовой культуры, бережного отношения к природе и окружающей среде, рационального природопользования; единство образовательного пространства на территории РФ, защита и развитие этнокультурных особенностей и традиций народов РФ в условиях многонационального государства» и другие без дополнительного образования детей не могут быть реализованы.

Список использованной литературы:

1. Федеральный Закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Российская газета. 31.12.2012. № 303.

2. Рыбакова В. В. Конституционное право на общее образование в Российской Федерации: Вопросы теории и практики: Дис. ...канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2005; Матюшева Т.Н. Образовательные учреждения в Российской Федерации: понятие и классификация // Общество и право. 2006. №1(11); ее же: типы и виды учреждений дополнительного образования: динамика правового регулирования // Современное право. 2008. № 6 (1).

3. Матюшева Т.Н. Конституционное право на образование и гарантии его реализации детьми со специальным социальным статусом в Российской Федерации: Автореф. дис. докт. юрид. наук. М., 2012.

Силкин А.Е.

*аспирант кафедры правовых дисциплин
Пензенского Государственного Университета*

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГРАЖДАНАМИ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА РОССИИ И БЕЛАРУСИ

По состоянию на 2013 год в России живут более 385 тыс. белорусов. [1] В Белоруссии по состоянию на 2012 г. имели вид на жительство около 95 тыс. граждан России, при этом на консульском учете в посольстве России в Беларуси состояли около 45 тыс. российских граждан. [2] Значительная часть от общего количества вышеуказанных лиц - это трудоспособное население и пенсионеры, которые, имеют значительный объем прав в области социального обеспечения.

Ключевая проблема реализации права на социальное обеспечение гражданина Союзного государства России и Белоруссии состоит в том, что он рассматривается с точки зрения иностранного гражданина, пребывая и в Беларуси, и в России.

Право на социальное обеспечение граждан Белоруссии на территории России, как и граждан России на территории Белоруссии зависит от того, уплачиваются ли взносы в соответствующие фонды и в каком объеме, а это, в свою очередь, связано с их статусом в качестве мигранта.

Согласно статье 2 Федерального закона от 25.07.2002 N 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (далее -

Закон № 115-ФЗ) [3, с.3032] граждане Беларуси, как и любые другие иностранные граждане, могут пребывать в России в статусе: постоянно проживающих; временно проживающих; временно пребывающих.

За постоянно проживающих граждан Белоруссии (имеющих вид на жительство) взносы на обязательное социальное страхование (ПФР, ФСС РФ и ФФОМС РФ) начисляются и уплачиваются также как и за граждан России.

Временно проживающим гражданам Белоруссии (имеющим разрешение на временное проживание) взносы в ПФР начисляют по тарифу (в размере 22%), который установлен для граждан Российской Федерации на финансирование страховой части трудовой пенсии (п. 2 ст. 22.1 Федерального закона от 15.12.2001 № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» [4, с. 4832] (далее - Закон № 167-ФЗ). Взносы в ФСС РФ и ФФОМС РФ начисляются также как с выплат гражданам России (п. 1 ст. 7 Закона № 167-ФЗ).

В отношении временно пребывающих на территории Российской Федерации белорусов, по общему правилу, суммы выплат и иных вознаграждений по трудовым договорам и гражданско-правовым договорам, в том числе по договорам авторского заказа не подлежат обложению страховыми взносами (п. 15 ч. 1 ст. 9 Федерального закона от 24 июля 2009 г. № 212-ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» (далее - Закон № 212-ФЗ) [5, с.3738]. На это указывают также разъяснения в Информации ФСС РФ от 3 марта 2011 г. «О порядке обеспечения пособиями по обязательному социальному страхованию граждан Республики Беларусь, работающих на территории Российской Федерации».

В результате если, заключивший трудовой договор, временно пребывающий гражданин Беларуси предъявит работодателю листок нетрудоспособности, выданный в связи с заболеванием или травмой, то это будет свидетельствовать лишь о том, что он отсутствовал на работе по уважительной причине и его нельзя будет уволить за прогул. Оплата же времени болезни такого работника возможна только в том случае, если сам работодатель изъявит желание произвести оплату за счет собственных средств (письмо ФСС РФ от 2 апреля 2010 г. N 02-03-16/08-526П). [6]

Однако в отношении порядка уплаты отчислений в ПФР статус временно пребывающего белоруса может различаться. Все зависит от срока заключения с ним трудового договора. Так, в силу п. 1 ст. 7 Закона № 167-ФЗ взносы в ПФР начисляются на выплаты в пользу иностранных граждан, временно пребывающих на территории РФ, если с ними заключены трудовые договоры на неопределенный срок, а также срочные трудовые договоры продолжительностью не менее шести месяцев в общей сложности в течение календарного года. В случае заключения гражданско-правового договора данная норма не применяется.

Тем не менее, ущемление в правах граждан Беларуси, имеющих статус временно пребывающих на территории России, произошло. Они попросту были

исключены из сферы действия подписанного 24 января 2006 года между Российской Федерацией и Республикой Беларусь Договор «О сотрудничестве в области социального обеспечения».

В итоге получаем, что, обычный белорусский рабочий, решивший проработать несколько месяцев строителем в Москве, честно заключивший для этого с российской компанией срочный трудовой на 3 месяца, вынужден заплатить не 13% налог, а 30% налог (как нерезидент) в казну Российской Федерации из своего заработка. А эти три месяца работы в России для него не войдут в стаж, требуемый для назначения пенсии. Да и социальные гарантии на него распространяются только в рамках обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, поскольку, как обосновывалось выше, все иностранные граждане получают это право по статье 5 Закона № 115-ФЗ. И о какой социальной справедливости и равноправии граждан Союзного государства в области социального обеспечения может идти речь?

В свою очередь гражданки Беларуси, временно пребывающие на территории Российской Федерации, согласно действующему законодательству не являются застрахованными лицами на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, и права на пособия по обязательному социальному страхованию (в том числе и на пособие по временной нетрудоспособности, по беременности и родам, ежемесячное пособие по уходу за ребенком), с учетом полученного заработка, не имеют. Трудовые права у данных категорий граждан имеются, - за ними сохраняются место работы (должность) на время болезни, предоставляется отпуск по беременности и родам, а также по уходу за ребенком (статьи 11, 183, 255 и 256 Трудового кодекса РФ).

К счастью белорусский законодатель приходит на помощь вышеуказанным работникам, предоставляя право уплаты обязательных страховых взносов в добровольном порядке (ст. 7 Закона Республики Беларусь «Об основах государственного социального страхования» [7]). Это же право предоставлено и работающим на территории Беларуси россиянам.

Вышеуказанные лица могут изъявить желание участвовать в системе не только социального страхования Республики Беларусь, но и пенсионного страхования (статья 5 Закона Республики Беларусь «О пенсионном обеспечении» [8]).

В свою очередь в России добровольная уплата взносов в фонды физическими лицами не предусмотрена.

В этом плане российской стороне стоит перенять опыт у белорусских коллег и, если уж по каким-то причинам нельзя было включить временно пребывающих граждан в круг лиц, попадающих под действие Договора еще в 2006 г., то хотя бы предусмотреть на национальном уровне предоставление временно пребывающим белорусам право добровольно производить отчисления в фонды при осуществлении трудовой деятельности, есть уже сложившаяся необходимость.

Отметим также, что существуют трудности и в вопросе оплаты дополнительных расходов на медицинскую, социальную и профессиональную реабилитацию застрахованных лиц, получивших повреждение здоровья вследствие несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний. Так, в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 15 мая 2006 № 286 «Об утверждении Положения об оплате дополнительных расходов на медицинскую, социальную и профессиональную реабилитацию застрахованных лиц, получивших повреждение здоровья вследствие несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» [9, с. 2263] оплате страховщиком подлежат санаторно-курортные услуги, оказываемые организациями, расположенными только на территории Российской Федерации. В связи с этим, пострадавшие граждане Республики Беларусь уже не смогут получить санаторно-курортное лечение у себя дома, а значит, они ущемлены в праве на получение санаторно-курортного лечения.

Для устранения данной проблемы следует рассмотреть вопрос о направлении денежных средств в Республику Беларусь с целью организации санаторно-курортного лечения граждан по месту их жительства и внести дополнение в существующую норму права.

В целом стоит отметить, что на сегодняшний день вопрос реализации права на социальное обеспечение – это наиболее актуальный и наиболее болезненный для простых граждан вопрос, и от того, как быстро он будет разрешен, зависит взаимная интеграция братских народы в рамках Союзного государства России и Белоруссии.

Список использованной литературы:

1. URL: <http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/details/54891/> (Дата доступа 11.01.2014г.)
- 2.Собрание законодательства РФ. 2002. № 30
3. URL: http://www.belta.by/ru/all_news/society/Okolo-95-tys-grazhdan-Rossii-imejut-vid-na-zhitelstvo-v-Belarusi_i_607838.html (Дата доступа 12.01.2014г.)
- 4.Собрание законодательства РФ.2001.№ 51
5. Собрание законодательства РФ.2009. № 30
6. URL: <http://www.postkomsg.com/?id=41124> (Дата доступа 19.01.2014г.)
7. URL: <http://pravo.by/main.aspx?guid=3871&p2=2/474> (Дата доступа 11.01.2014 г.)
- 8.URL:<http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=v19201596&p2={NRP A}>(Дата доступа 12.01.2014г.)
9. Собрание законодательства РФ. 2006. № 21

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Головинская И.В.
*д.ю.н., профессор кафедры
уголовно-процессуального
права ВЮИ ФСИН России,
г. Владимир*

О СУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ РАССМОТРЕНИЯ ЖАЛОБ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Одним из полномочий суда является рассмотрение жалоб на действия (бездействие) должностных лиц при производстве предварительного расследования по уголовному делу. Вынесение процессуальных решений в целях выполнения названных полномочий осуществляется в соответствии международными (ст. 13 Европейской Конвенции о защите прав и свобод человека и гражданина), конституционными (ч. 2 ст. 46 Конституции РФ) и уголовно-процессуальными (ч. 3 ст. 29 УПК РФ, ст. 125 УПК РФ) нормами.

Формированию практики рассмотрения жалоб на действия (бездействие) должностных лиц при производстве предварительного расследования по уголовному делу способствуют многочисленными определениями и постановлениями Конституционного Суда РФ, постановлениями Пленума ВС РФ.

Закономерным видится положение, при котором с увеличением количества уголовных дел растет общее количество поступающих в суды жалоб. Помимо этого, рост числа жалоб, как видится, обусловлен большим доверием, выражаемым гражданами судам, чем органам, ведущим расследование, и прокуратуре. Кроме того, решения названных органов также могут быть обжалованы в суд, что дополнительно увеличит срок разрешения вопроса.

Предметом обжалования выступают решения или действия (бездействие) дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, которые способны: во-первых, причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства; во-вторых, затруднить доступ граждан к правосудию. Предметом судебной проверки по жалобе заявителя является законность и обоснованность решений или действий (бездействия) дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, прокурора. К таким решениям, действиям (бездействию) относятся: постановления об отказе в возбуждении уголовного дела (ст. 148 УПК РФ), постановления о прекращении уголовного дела; решения, связанные с применением мер процессуального принуждения; решения, связанные с проведением следственных действий, если они способны причинить или причинили ущерб конституционным правам и свободам граждан; решения и действия должностных лиц, органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность по выявлению, пресечению преступлений, а также проверке поступивших заявлений и иных сообщений о совершенном или готовящемся

преступлении в порядке выполнения поручения следователя, руководителя следственного органа и органа дознания.

Судебные решения, выносимые в порядке ст. 125 УПК РФ, как и другие решения судов, имеют существенное значение для реализации назначения уголовного процесса, определенного в ст. 6 УК РФ. Решения судов призваны устранить нарушения прав граждан, создать условия для беспрепятственного дальнейшего расследования преступления и рассмотрения уголовного дела в суде.

Судебные решения, связанные с разрешением жалоб, обязательно должны соответствовать: международным стандартам и правилам в области уголовного судопроизводства; принципам уголовного процесса. Решения судей при разрешении жалоб должны отвечать требованием законности. Общим и обязательным требованием к оформлению судебных решений является их мотивированность и обоснованность.

Действия судьи при получении жалобы можно условно разделить на два этапа – первоначальный, в котором осуществляется подготовка к рассмотрению жалобы, предполагающая установление условий допустимости жалобы к рассмотрению; и последующий - ее непосредственное рассмотрение в судебном заседании и вынесение решения. На первоначальном этапе судья сосредотачивается на решении таких вопросов, как: подсудна ли поступившая жалоба данному суду; чьи решения или действия (бездействие) обжалуются в данном порядке; имеются ли у лица полномочия обжаловать действия (бездействие) или решение должностных лиц, имеется ли предмет обжалования в соответствии со ст. 125 УПК РФ; соответствует ли жалоба предъявляемым требованиям и содержит ли она все необходимые сведения для ее рассмотрения; соблюдены ли сроки подачи жалобы в суд.

УПК РФ не определяет конкретных требований к форме жалобы. Из текстуального содержания ст. 125 УПК РФ следует, что жалоба должна быть письменной. Как представляется, жалоба должна содержать: 1) наименование суда, в который она подается; указание на решение, действие, бездействие, которые обжалуются; доводы лица о несогласии с решением, действиями, бездействием соответствующих лиц или органов, ведущих предварительное расследование по уголовному делу; конкретную просьбу лица, адресованную суду, относительно предмета обжалования, данные о лице, подающем жалобу, подпись лица, ее подавшего.

Жалоба, не содержащая указанных элементов, возвращается заявителю для приведения ее в соответствие, о чем судья выносит постановление. Постановление судьи должно содержать как конкретные причины возврата, так и разъяснение права лицу вновь обратиться в суд после устранения препятствий ее рассмотрения.

Определенные сложности в вынесении судебных решений вызваны ограниченной компетенцией суда в части рассматриваемого в жалобе вопроса. Наиболее часто встречающимися ошибками при рассмотрении судами жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ являются непризнание права подачи жалобы за надлежащим лицом и неверное определение подсудности жалобы. До внесения

изменений в ч. 1 ст. 125 УПК РФ жалоба в порядке ст. 125 УПК РФ должна была быть подана в районный суд по месту производства предварительного расследования, соответственно и рассматривалась тем районным судом, который территориально находился в месте производства предварительного расследования, определяемого в соответствии со ст. 152 УПК РФ. Однако, наличие в ст. 152 УПК РФ исключений вызывало затруднение у правоприменителя, и, как следствие, допущение судебных ошибок при определении подсудности жалобы. Благодаря Федеральному закону от 23.07.2013 № 220-ФЗ, внесшему изменения в ч. 1 ст. 125 УПК РФ, сегодня жалобы заявителей могут быть поданы в районный суд по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления. Кроме того, если место производства предварительного расследования определено в соответствии с ч.ч. 2 - 6 ст. 152 УПК РФ, жалобы на решения и действия (бездействие) указанных лиц рассматриваются районным судом по месту нахождения органа, в производстве которого находится уголовное дело. Внесенные изменения направлены на единообразное применение нормы и недопущение отказов судов по поступающим жалобам ввиду несоответствия правилам о территориальной подсудности.

Результатом рассмотрения жалобы может быть одно из следующих постановлений судьи: 1) о признании действия (бездействия) или решения соответствующего должностного лица незаконным или необоснованным и о его обязанности устранить допущенное нарушение; 2) об оставлении жалобы без удовлетворения.

На оперативное разрешение жалоб ориентирует ч. 3 ст. 125 УПК РФ, устанавливая для этого пятисуточный срок. Однако, изучение судебной статистики и практики свидетельствует о нарушениях установленного срока рассмотрения жалоб. Отчасти нарушения обусловлены неконкретной формулировкой текста ч. 3 ст. 125 УПК РФ, а именно с какого момента начинается исчисление пятисуточного срока: со дня поступления жалобы в суд или со дня поступления ее к конкретному судье, который будет ее рассматривать. Указанные сроки не всегда совпадают. В этой связи представляется, что было бы более целесообразным в правовой норме вместо слов «со дня поступления жалобы» указать «со дня принятия жалобы судьей к производству».

На практике при производстве в порядке ст. 125 УПК РФ судьи сталкиваются с еще одной проблемой, вызванной процессуальным противоречием. Так, итогом разрешения жалобы должно стать обоснованное судебное решение, но при разрешении жалобы суд не должен входить в оценку доказательств. Другими словами, сложность заключается в необходимости обосновать судебное решение без исследования доказательств по уголовному делу, имеющихся в распоряжении органа расследования, чьи действия или решения обжалуются. Полагаем, что суд в полном объеме может знакомиться с материалами уголовного дела, затрагивающими существо жалобы, в целях объективного рассмотрения жалобы заявителя в порядке ст. 125 УПК РФ без

ущерба назначению уголовного судопроизводства, при этом в своем решении суд не должен предрешать выводы и итоги предварительного расследования.

Ковязина А.Ю.

Студентка

Казахского

гуманитарно-юридического университета.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА СУДА ПРИСЯЖНЫХ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

В Послании Президента страны народу Казахстана «Казахстан на пути ускоренной, экономической, социальной и политической модернизации» от 18 февраля 2005 года – года предшествующего году введения суда с участием присяжных заседателей – Н.А. Назарбаев четко обозначил следующее: «В практику уголовного судопроизводства необходимо ввести институт присяжных заседателей» [1, с. 15].

Часть 2 статьи 75 Конституции Республики Казахстан гласит: «В случаях, предусмотренных законом, уголовное судопроизводство осуществляется с участием присяжных заседателей» [2, с.30].

16 января 2006 года после долгих дебатов и обсуждений казахстанской общественности Президент Республики Казахстан Н. Назарбаев подписал Законы «О присяжных заседателях» и «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам введения уголовного судопроизводства с участием присяжных заседателей.

Основной задачей суда присяжных является, рассмотрение и разрешение вопросов о виновности и невиновности, привлеченных к уголовной ответственности лиц и меру их наказания. Сегодня главная задача уголовного судопроизводства справедливое судебное разбирательство и правильное применение уголовного закона[3, с. 1].

В настоящее время, можно утверждать, что в казахстанском обществе назрела настоятельная вызванная объективными процессами в обществе потребность в участии представителей народа по уголовным делам. «Актуальность института присяжных заседателей, подтверждается результатом практического применения уголовно-процессуального законодательства, которое показывает, что такие важные принципы судопроизводства, как законность, состязательность сторон, презумпция невиновности, не получили должного развития. Стороны, не в полной мере используют свои процессуальные возможности, представлять доказательства, вследствие чего суды продолжают восполнять проблемы следствия, отношение к оценке доказательств» говорится в концепции участия присяжных заседателей в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан [4, с. 3].

Обращаясь к теме развития института суда присяжных, необходимо было бы отметить, что в настоящее время одной из самых распространенных в мире форм участия представителей народа в осуществлении правосудия является суд присяжных заседателей.

Суд с народным участием – истинно демократический институт развитого правосудия. Важной чертой присяжного судопроизводства является его альтернативный характер. Обвиняемый, а также подсудимый вплоть до момента назначения главного судебного разбирательства имеют право заявить ходатайство о рассмотрении его дела с участием присяжных заседателей, либо наоборот отказаться от поданного ходатайства. Нельзя забывать о том, что решение обвиняемого, подсудимого о проведении судебного разбирательства в составе только профессионального судьи также является ее волеизъявлением и реализацией права на судебную защиту и власть.

Также, необходимо отметить, что судья и присяжные заседатели обладают равными правами в разрешении всех вопросов. При рассмотрении уголовных дел профессиональные судьи решают вопросы, требующие юридических познаний, например, о уголовно-правовой квалификации содеянного подсудимым и полагающейся ему мере наказания. В свою очередь, непрофессионалы присяжные из числа простых граждан выносят вердикт: виновен или же невиновен подсудимый в совершении преступления. Следует понимать, что решения присяжные во всех случаях принимают независимо от мнения и позиции профессиональных судей.

Присяжный заседатель – это человек, чье правосознание не замутнено юридическими постулатами, который при принятии решения руководствуется исключительно соображениями совести, справедливости и собственной убежденности в виновности или невиновности лица, обвиняемого в совершении преступления.

За период, прошедший с момента ведения суда с участием присяжных заседателей в Республике Казахстан, не только накоплен позитивный опыт, подтверждающий своевременность и необходимость проведенных в сфере уголовного судопроизводства реформ, но и выявлен целый ряд недостатков.

На сегодняшний день статья 550 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан определяет порядок подготовки проведения случайной выборки кандидатов в присяжные заседатели для участия в судебном разбирательстве [5, с. 267].

И в то же время Закон Республики Казахстан «О присяжных заседателях» дает четкую дефиницию термина «случайная выборка» - отбор граждан из предварительного списка кандидатов в присяжные заседатели с использованием технологий позволяющих обеспечить случайность такого отбора. В связи с этим возникает проблема формирования списков кандидатов в присяжные заседатели. На данном этапе местные исполнительные органы, как правило, проводят отбор кандидатов в списки присяжных заседателей, на основе списка избирателей, путем исключения лиц, не соответствующих требованиям присяжных заседателей. Но, несмотря на это, все таки среди присяжных все, же встречаются, люди с психическими отклонениями, военнообязанные, и также не исключено попадание в список присяжных заседателей, людей, которые в свою очередь представляют интересы преступных группировок. Общая картина судопроизводства с участием присяжных заседателей обусловила – формирование одного устойчивого

мнения – подавляющее большинство проблем вызвано некачественным составом коллегии присяжных. Местным исполнительным органом нарушались сроки подготовки первичных списков. При формировании списков допускались также нарушения процентного соотношения единого и запасного списков кандидатов. Отсутствие законодательного определения должностного лица или отдела, ответственного за подготовку списка кандидатов в присяжные заседатели, привело к тому, что на местах эту работу выполняли не всегда компетентные люди. Не меньшие проблемы возникают с источниками, выступающими в качестве баз данных при составлении списков кандидатов, в присяжные заседатели [4, с. 5].

Таким образом, существование суда присяжных в рамках казахстанского уголовного судопроизводства всегда служило поводом для дискуссий и негативных откликов, поэтому в настоящее время необходимо при формировании списка суда присяжных учитывать все критерии и создать более качественный отбор, позволяющий решение проблем с которыми сталкиваемся в настоящее время. Думается, насколько бы ни были серьезными аргументы противников суда присяжных но позиция, в ближайшем будущем должна быть такова, что суд присяжных необходим нашему обществу и должен оставаться неотъемлемым институтом уголовного судопроизводства.

В условиях современной общественно-политической ситуации в Казахстане суд присяжных является тем, практически единственным, механизмом, который балансирует общественные и государственные интересы в уголовном судопроизводстве. Отказ от иных форм участия граждан в осуществлении правосудия, непрозрачность и закрытость досудебного и судебного производства по уголовным делам, незначительное количество оправданий привели к тому, что граждане очень часто не доверяют официальному правосудию и эту тенденцию, несмотря на все попытки, преодолеть не удается.

Поэтому весьма важным представляется сохранение, пусть и не в совершенной форме, института рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей.

Залогом обеспечения соблюдения прав подсудимого является независимость присяжного от установок, которыми насыщено правосознание профессиональных участников уголовного судопроизводства. Суд совести, суд народа, судит не преступление, а человека и выносит приговор исходя из особенностей именно данного дела без учета статистики, преступности резерва преступлений, жизнедеятельности и прочих факторов [6, с. 2].

С начала введения в 2007 году формы судопроизводства Республики Казахстан с участием присяжных заседателей, с каждым годом растет количество дел, рассмотренных судами с их участием.

Так, если областными судами до образования специализированных межрайонных судов по уголовным делам с вынесением приговоров рассмотрено в 2007 году -36, в 2008-42, в 2009-59 уголовных дел, то в 2010 году резко возросло количество уголовных дел, рассмотренных с участием присяжных заседателей.

В 2013 году специализированный межрайонный суд по уголовным делам города Астаны с участием присяжных заседателей рассмотрел 258 дел в отношении 323 лиц. В отношении 43 лиц с участием присяжных заседателей вынесены оправдательные приговоры.

Глубокий демократический характер суда с участием присяжных заседателей это вывод, который имеет огромное значение для объяснения самого факта ведения, данного правового института в нашей стране и служит основанием для различных доводов против его существования. Мировая практика судопроизводства с народным участием убедительно доказывает, что суд присяжных заседателей действительно имеет не только огромное правовое, но и социально-политическое значение, а исполнение обязанностей присяжных заседателей является жизненно важной функцией демократии. И тот факт, что современный Казахстан воплощает идеи демократического судопроизводства, характеризует наше суверенное государство как уверенное в собственном правовом, социальном и политическом потенциале.

Таким образом, введение в Республике Казахстан института присяжных заседателей в уголовном судопроизводстве сыграло роль модератора укрепления принципов законности, объективности при оценке доказательств, независимости суда при принятии решения, повлияло на уменьшение судебных ошибок и злоупотреблений, соблюдение принцип коллегиальности путем участия представителей народа в осуществлении правосудия, а также рост уровня правовой защищенности граждан в рамках демократического судопроизводства. Вместе с тем с учетом тенденции развития уголовно-процессуального права Республики Казахстан и социально-политической ситуации страны в целом, суд с участием присяжных заседателей по сей день претерпевает качественные изменения [7, с. 855].

Список использованной литературы:

1. Назарбаев Н.А. Казахстан на пути ускоренной, социальной, политической модернизации. Послание Президента страны народу Казахстана от 18 февраля 2005 года. Казахстанская правда 19 февраля 2005 года.
2. Конституция РК от 30 августа 1995 года, Алматы «Жеті-жарғы», 1999г.- 31с.
3. Закон Республики Казахстан от 16 января 2006 года «О присяжных заседателях».
4. Концепция участия присяжных заседателей в уголовном судопроизводстве РК и предупреждение преступности 2003г. №1 с. 3-5
5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 13 декабря 1997 года.
6. Нарикбаев М.С. А судьи кто? Казахстанская правда, 19 сентября 2000 года.
7. Уголовно-процессуальное право РК. Движение уголовного дела. Когамов М.Ч.; Касимова А.А., Алматы «Жеті-жарғы» 2013 год. -101бс.

Кучеренко М.И.,
аспирантка Белгородского государственного национального
исследовательского университета
Богданов С.В.
профессор кафедры истории
Белгородского государственного национального исследовательского
университета, доктор исторических наук

МОЛОДЕЖНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1920-е ГОДЫ

Целью настоящей статьи является рассмотрение особенностей и причин широкого распространения такого вида молодежного экстремизма, как хулиганство в советской России в 1920-е гг., а также выявить отношение государства к этому явлению на протяжении всего периода существования новой экономической политики.

В 1920-е гг. серьезной проблемой стал такой вид противоправного поведения как хулиганство. Под «хулиганством» в УК 1922 г. (ст. 176) понимались «озорные, бесцельные, сопряженные с явным неуважением к отдельным гражданам или обществу в целом действия». В 1924 г. была принята новая редакция этой статьи – «хулиганство, т.е. озорные, сопряженные с явным неуважением к обществу действия, в частности, буйство и бесчинство...». Подобная же редакция сохранилась и в УК 1926 г. (ст. 74) [1].

Анализируя как опубликованные, так и архивные документы государственных и партийных органов того времени, можно сделать вывод о том, что волна хулиганства буквально накрыла страну. При этом примечательным фактом является то, что хулиганство фактически стало нормой повседневной жизни советских городов и сельской местности.

В секретном письме в ЦК секретаря Иркутского губкома ВКП(б) Гриневича, где был дан обзор политико-экономического развития губернии за 1924-1925 гг., сообщалось: «В деревне и городских поселках наблюдается громадное увеличение хулиганства, доходящего до драк, убийств, поножовщины» [2, л.71].

Молодежные хулиганские группы совершали набеги на клубы, громили дома отдыха, кинотеатры, срывали киносеансы, если им не нравился фильм, забрасывали шапками, камнями, палками самолеты АВИАХИМа в дни Первомайских демонстраций [3].

4 июня 1926 г. Информационный отдел ОГПУ представил докладную записку о росте хулиганства в Сибири В.М. Молотову. В ней сообщалось, что только за первые месяцы 1926 г. количество преступлений, квалифицируемых как хулиганство, выросло в сибирской деревне по сравнению с последним кварталом 1925 г. более чем на треть. Из общего числа привлеченных к ответственности за хулиганство около 30% составляли комсомольцы и коммунисты [4, л.140-141].

По данным статистического отдела НКВД, на 10000 человек в РСФСР приходилось зафиксированных хулиганских действий, рассматривавшихся как преступные: в 1925 г. – 3,2, в 1926 – 16, 7, а в 1927 – 25, 2 случаев [5, с.15].

При этом необходимо учитывать тот факт, что данная статистика является далеко не полной. Значительная часть хулиганских проступков регистрировались как административные правонарушения, либо вообще не фиксировались.

Было бы значительным упрощением считать, что столь широкое распространение противоправного, эпатажного поведения среди советской молодежи 1920-х гг., явилось исключительно следствием перехода к новой экономической политике. Безусловно, на уровне массовой и индивидуальной психологии огромной массы обывателей резкий общественный сдвиг способствовал широкому распространению социального и правового нигилизма. Но в то же время сама девальвация ценности человеческой жизни, которая произошла за годы гражданской войны и иностранной интервенции, заложила серьезный фундамент для криминализации молодежной среды в годы нэпа. Поэтому хулиганство коммунистической молодежи, по-видимому, являлось для многих продолжением революции иными средствами, когда захват контроля над окружающими силой являлся способом реализации своих представлений о социальной справедливости и амбиций.

Еще одной из характерных черт уголовной преступности периода НЭПа являлось большое количество преступлений, совершавшихся в состоянии алкогольного опьянения. Кривая «пьяной» преступности особо круто поползла вверх после окончательной отмены ограничений на продажу крепких спиртных напитков – сорокоградусной водки в 1925 г. Агентурные донесения середины 1920-х гг. зафиксировали волну панических настроений городских обывателей, связанную с невиданным взлетом уличной преступности на почве злоупотребления крепкими спиртными напитками [6, с.23].

Больше всего в состоянии алкогольного опьянения совершалось т.н. бытовых преступлений и среди них – прежде всего против личности. Так, по сведениям известного криминолога А. Герцензона, во второй половине 1920-х гг. преступлений против личности было зарегистрировано: в 1925 г. - 16,1%, в 1926 - 39,5%, а в 1927 - 49,6%. Среди данных преступлений доминировали хулиганство, тяжкие телесные повреждения, умышленные убийства [7, с. 130].

Причин для массового распространения хулиганства в нэповской России было достаточно. Это: последствия гигантских социально-экономических катаклизмов периода революций и гражданской войны, всеохватывающий морально-этический вакуум, широкое распространение правового нигилизма среди широких слоев населения, массовое распространение беспризорничества. Да и сам государственный и партийный аппарат особенно первой половины 1920-х гг. разочаровывал все больше граждан. Взятничество, волокита, кумовство, некомпетентность, моральная нечистоплотность определенного числа государственных, советских, партийных функционеров довольно часто становились достоянием гласности.

В определенной степени до конца 1920-х гг. фактически невнятная позиция государства в отношении хулиганства в целом и хулиганов в частности, неадекватность правовых санкций за данный вид противоправных действий не способствовали созданию эффективной системы борьбы с этим асоциальным явлением.

Наращение волны правонарушений заставило советское государство довольно быстро отказаться от умилительного отношения к преступникам из пролетарской среды. В первую очередь власть решила дать отпор хулиганам. Но в своеобразной форме. Всем нарушениям общественного порядка стал приписываться политический характер.

В декабре 1925 г. Народный Комиссариат юстиции РСФСР издал циркуляр №251 с требованием решительной борьбы с хулиганством. Оно было подтверждено в новом циркуляре наркомата, увидевшем свет в январе 1926 г. Главным орудием в борьбе с хулиганством в суде стало лишение свободы. Уверовав во «всеисцеляющую» силу тюрьмы, власти объявили ударную кампанию по борьбе с хулиганством [8, с. 8].

В результате, если на 1 января 1926 г. хулиганы составляли 1,9% всех заключенных в РСФСР, то на 1 июля – уже 4,9 %. При этом их доля в общем числе заключенных увеличивалась как у мужчин, так и у женщин. В 1926 г. 74% всех приговоров судов по делам о хулиганстве сводились к безусловному лишению свободы. На 17 декабря 1926 г. перепись мест заключения выявила около 17 тыс. человек, осужденных за хулиганство.

Отправной точкой послужило знаменитое «чубаровское дело». Поздним вечером 21 августа 1926 г. в Ленинграде, в районе Чубарова переулка молодые рабочие завода «Кооператор» пристали к девушке и, в конце концов, ее изнасиловали. Подобные преступления не являлись редкостью практически повсеместно в рабочих кварталах, где, как отмечали отечественные правоведы 1920-х гг., хулиган весьма распушен в половом отношении (распространены были такие формы «озорства», как ловля девушек и превращение их в «тюльпан» - юбку жертвы поднимали и завязывали над головой).

«Чубаровское дело» превратили в показательный процесс. Расследование в связи с этим велось весьма спешно, причем с каждым днем все больше раздувался политический психоз вокруг уголовного преступления. Брату одного из обвиняемых приписали роль «идеолога чубаровщины», т.к. он посмел усомниться в правильности предъявленного «чубаровцам» обвинения. Н. Кочергин совершенно обоснованно полагал, что их следовало судить за групповое изнасилование, а отнюдь не за бандитизм, как этого хотели представители ленинградского правосудия [9, с. 153-168].

Однако ни к началу 1930-х гг. ни в последующем с таким очень распространенным видом преступления как хулиганство не было покончено.

Список использованной литературы

1. Уголовный кодекс РСФСР. М., 1925. Ст. 176; Уголовный кодекс РСФСР // Собрание кодексов РСФСР. М., 1927. Ст. 74.
2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 67. Д. 193. Л. 71.

3. См.: Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920-1930 годы. СПб, 1999; Богданов С.В. Советская Россия в 1920-е гг.: власть, социальные аномалии, общество. Монография. Курск, 2006.
4. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 169. Л. 140-141.
5. См.: Статистический обзор деятельности местных административных органов НКВД. Вып. 4-5. М., 1925; Вып. 6. М., 1926; Вып. 7. М., 1927.
6. РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 306. Л. 188.
7. Герцензон А. Современная преступность и алкоголизм // Советское государство и революция права. 1930. № 3. С. 130.
8. Ширвинд Е. Ударные компании в свете всесоюзной переписи по местам заключения // Современная преступность (преступление, пол, репрессия, рецидив по данным переписи мест заключения). М.: НКВД РСФСР, 1927. С. 8.
9. Чубаровщина. По материалам судебного процесса. М.-Л., 1927; Дело в Чубаровском переулке (Несколько статистических данных) // Хулиганство и преступления. Л.-М., 1927. С. 153-168.

Медведева В.В.,
преподаватель Владимирского юридического института ФСИИ РФ
кандидат юридических наук
Комиссарова С.В.
преподаватель Владимирского юридического института ФСИИ РФ

О ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПОВОДОВ К ВОЗБУЖДЕНИЮ УГОЛОВНОГО ДЕЛА О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШАЕМЫХ В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ.

Уголовно-процессуальная деятельность в соответствии с п.9 ст.5 УПК РФ начинается с установления компетентным органом или должностным лицом предусмотренных законом поводов и основания к возбуждению уголовного дела. Именно с этого момента реализуются нормы процессуального права, а соответствующие органы государства получают право на производство процессуальных действий, направленных на выяснение условий, при которых возможно и необходимо возбуждение дела и дальнейшее развитие процесса.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ не раскрывает понятия поводов к возбуждению уголовного дела, ограничиваясь лишь их перечнем в ч.1 ст.140 УПК РФ.

Представляется, что под поводом к возбуждению уголовного дела необходимо понимать облеченные в установленную законом форму источники информации о совершенном или готовящемся преступлении, которым закон придает значение юридических фактов, обязывая орган дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа в пределах, установленных УПК, принять, рассмотреть и вынести обоснованное решение.

В соответствии со ст.140 УПК РФ поводами для возбуждения уголовного дела, в том числе и о преступлении, совершенном в местах лишения свободы,

являются: заявление о преступлении; явка с повинной; сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из других источников и оформленное рапортом; постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании.

Опрос сотрудников оперативного аппарата УИС показал, что большинство из них (68,4%) считают, что обычным поводом для начала доследственной проверки при совершении преступления в УИС, является рапорт, который составляется чаще всего сотрудником УИС из числа оперативного аппарата, принявшим сообщение о преступлении, полученным из иных источников; (26,8%) – поводом указали заявление осужденных, (2,4%) оперативных сотрудников УИС называют явку с повинной и (2,4%) - постановление прокурора[2].

Почти аналогичные данные в процентном соотношении были получены в результате обобщения нами судебной практики, которая показала, что чаще всего уголовные дела о преступлениях, совершаемых в пенитенциарных учреждениях, возбуждаются по рапорту об обнаружении признаков преступления, составленному в соответствии со ст.143 УПК РФ и по заявлениям осужденных. По изученным нами делам эти два повода повлекли возбуждение уголовного дела соответственно 71 и 29% всех случаев [3].

Распространенность рапорта как повода к возбуждению уголовного дела в пенитенциарных учреждениях обусловлено тем, что чаще всего преступления в местах лишения свободы выявляются в ходе проведения режимных или оперативно-розыскных мероприятий. В частности, предметы, запрещенные к обороту, а также неподлежащие использованию осужденными в пенитенциарных учреждениях (спиртные напитки, наркотики, сотовые телефоны, оружие и т.д.), обнаруживают в основном в ходе обыска заключенных, производственных, жилых и иных помещений, досмотра вещей осужденных, как хранящихся в учреждениях, так и получаемых в виде передач, посылок, бандеролей.

Кроме того, в учреждениях уголовно-исполнительной системы источником информации о противоправном поведении могут являться: сообщения медицинского персонала об обнаружении у осужденных телесных повреждений, происхождение которых может быть результатом преступных действий других лиц; сведения о происшествиях, содержащиеся в журналах рапортов приема-сдачи дежурств, учета рапортов о нарушениях установленного порядка отбывания наказания и т.д.

Часто в сообщениях, полученных из иных источников, еще не говорится о преступлении, а идет речь лишь о сведениях, требующих проверки для установления признаков общественно опасного деяния.

Как известно, источники информации о совершенном или готовящемся преступлении, указанные в ст. 140 УПК РФ проходят свой этап трансформации в повод для возбуждения уголовного дела, который и служит возникновению уголовно-процессуальных правоотношений. При этом каждый источник информации имеет свой временной промежуток, после которого, он становится

поводом для возбуждения уголовного дела.

Самый продолжительный этап, как правило, необходим для формирования сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, полученного из иных источников. В этой связи обращает на себя внимание отсутствие уголовно-процессуальной регламентации процедуры перехода информации о каких-либо фактах в информацию о преступлении.

Информация уполномоченному сотруднику поступает обычно в устной форме либо выявляется в ходе оперативно-розыскной деятельности. Зачастую полученные сведения требуют проведения дальнейших оперативно-розыскных мероприятий. Промежуток времени (период) для установления признаков преступления может быть достаточно продолжительным. Итог данной работы – процессуальное оформление рапорта об обнаружении признаков преступления, либо внепроцессуальная деятельность – окончание оперативной разработки.

На наш взгляд отсутствие в УПК РФ законодательного закрепления процедуры и временного промежутка таких действий вполне обоснованно, так как оперативно-розыскная деятельность регламентируется «Законом об ОРД»[1]. Регистрация поступивших сведений о фактах на более раннем этапе может свести на нет всю оперативную работу.

Заявление о преступлении как повод к возбуждению уголовного дела информирует органы УИС о совершенном преступлении. Именно заявление содействует скорейшему обнаружению преступления, обеспечивает эффективность борьбы с ним. Но, как правило, пострадавшие из числа осужденных не сообщают о совершении противоправных действий в отношении их. Тем не менее, на практике, как мы указывали ранее, более четверти всех поводов составляют заявления о преступлении, поступающие от осужденных.

Следующим поводом является явка с повинной (ст.142 УПК РФ). Исходя из данных следственно-судебной практики, явка с повинной в качестве повода к возбуждению уголовного дела о новых преступлениях, совершенных именно в местах лишения свободы, применяется крайне редко, что продиктовано спецификой самого учреждения и категорией лиц, содержащейся в нем.

Следует отметить, что не редко такие заявления являются самооговором, вызванным желанием осужденного быть этапированным, поэтому на практике в случае оформления явки с повинной в местах лишения свободы осужденных стали предупреждать об уголовной ответственности за заведомо ложный донос по ст.306 УПК РФ, с целью предупреждения возможного отказа от сделанной явки с повинной. Представляется, что это является грубейшим нарушением ст. 51 Конституции РФ, так как никто не обязан свидетельствовать против себя самого. Такая позиция подтверждается решениями Верховного Суда РФ (который признает право подозреваемого, обвиняемого на ложь).

Четвертым и последним поводом к возбуждению уголовного дела является постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании. Законодатель, указав, постановление прокурора как повод к возбуждению уголовного дела тем ни менее не предусмотрел порядок его

поступления в правоохранительные органы, как должен быть осуществлен прием и регистрация имеющихся в нем сведений. Думается, что прокурор может выявить признаки преступления, в ходе осуществления надзора за деятельностью сотрудников исправительного учреждения по рассмотрению и проверке поступающих сообщений с целью выяснения наличия уголовно-правовых и уголовно-процессуальных предпосылок для возбуждения уголовного дела. Данный повод к возбуждению уголовного дела, очевидно, не столь распространен как, скажем, рапорт об обнаружении признаков преступления. Тем ни менее, видится, что постановление прокурора как и другие поводы, предусмотренные в ст.140 УПК РФ заслуживают не меньшего внимания и регламентации со стороны законодателя. По нашему мнению, в уголовно-процессуальном законе следует предусмотреть отдельную статью, в которой бы наравне с заявлением, явкой с повинной и рапортом раскрывалась бы сущность данного повода.

Подводя итог, следует сказать, что, несмотря на расширение законодателем перечня поводов к возбуждению уголовного дела, их правовая регламентация в уголовно-процессуальном законодательстве требует уточнений и внесения соответствующих дополнений в УПК РФ.

Список использованной литературы:

1. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144 – ФЗ (ред. от 28.12.2010) «Об оперативно-розыскной деятельности». [http://: contact@consultant.ru](http://contact.consultant.ru).
2. Авторами проводилось анкетирование сотрудников УИС Московского региона.
3. Авторами было изучено 43 уголовных дел, рассмотренных судами Ленинского, Фрунзенского и Октябрьского района г. Владимира.

Осодоева Н.В.

*помощник судьи Октябрьского районного суда г. Улан-Удэ
аспирантка Байкальского государственного университета
экономики и права (г. Иркутск)*

ПРОИЗВОДСТВО ДОПРОСА СПЕЦИАЛИСТА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Федеральным законом от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» были изменены и дополнены положения ч. 2 ст. 74 и ст. 80 УПК РФ [1]. Эти изменения означали введение в ранг доказательств показаний и заключений специалиста.

В теории уголовного процесса ученые уделяют внимание проблеме допустимости допроса специалиста без составления и дачи им заключения. Мнения процессуалистов можно поделить на две позиции.

По мнению юристов, специалист может дать показания только при наличии заключения в целях его уточнения [8, с.165], [10, с. 34 – 35].

Достаточно обоснованы доводы теоретиков, которые полагают, что не исключается допрос специалиста без предварительного составления им

заклучения [3, с. 23] [4, с. 11–12] [19, с. 29 – 30] [6, с. 76] [18, с. 41] [12, с. 83] [9, с. 38] [16, с. 349].

Как следует из Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» [2], «для оказания помощи в оценке заключения эксперта и допросе эксперта по ходатайству стороны или по инициативе суда может привлекаться специалист. Разъяснения специалист дает в форме устных показаний или письменного заключения. При этом следует иметь в виду, что специалист не проводит исследование вещественных доказательств и не формулирует выводы, а лишь высказывает суждение по вопросам, поставленным перед ним сторонами».

Положения ст.ст. 58, 168 УПК РФ указывают на возможность участия специалиста в следственных действиях, а ст. 71 УПК РФ предусматривает основания для отвода специалиста. Вместе с тем, допрос специалиста и заключение специалиста – это самостоятельные процессуальные действия. Как следует из ч. 1 ст. 58 УПК РФ, «специалист может быть привлечен к участию в процессуальных действиях для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию». Согласно ч. 4 ст. 80 УПК РФ, показаниями специалиста являются сведения, сообщенные им на допросе об обстоятельствах, требующих специальных познаний, а также разъяснение своего мнения. На практике бывают случаи, что специалисту не нужно проводить какие-либо исследования, чтобы ответить на вопросы следователя и суда – в ряде случаев он в состоянии после ознакомления с представленными ему веществами, документами, предметами или после осмотра объектов высказать суждение и мнение о них. Иногда специалист может быть допрошен по поводу его участия в следственном действии, чтобы разъяснить свое мнение относительно оказанной им помощи следователю в обнаружении вещественных доказательств и фиксации следов преступления, способов использования им с этой целью научно-технических средств.

Состязательный процесс предполагает, что в доказывании не может быть малозначительных фигур. Вместе с тем следует признать, что именно специалист был и остается едва ли не самой бесправной фигурой процесса.

В УПК РФ специалист был назван участником уголовного судопроизводства, что точно определило его процессуальный статус. Вероятно, этим законодатель стремился некоторым образом уравнивать возможности сторон по представлению доказательств, однако порядок его допроса как на судебном следствии, так и в ходе предварительного расследования не регламентирован.

В связи с этим ученые предлагают допрашивать специалиста по тем же правилам, которые установлены для свидетеля [7, с. 129] [11, с. 37].

По мнению А. П. Кругликова, допрос специалиста должен производиться по правилам допроса эксперта [17, с. 547].

Как указывает И. Овсянников, «если суд намерен получить от лица, принимавшего ранее участие в следственном действии в качестве специалиста,

сведения об обстоятельствах производства этого следственного действия, то такое лицо может быть допрошено в качестве свидетеля», однако «в случае, если суд намерен получить от лица, ранее давшего заключение специалиста, сведения для разъяснения мнения, выраженного им в заключении, то в этом случае лицо может быть допрошено в качестве специалиста» [10, с. 35].

На практике допрос специалиста в суде производится по правилам, установленным как для свидетеля, так и для эксперта.

Так, по уголовному делу № 1-527 / 2011 г. [14], рассмотренному Октябрьским районным судом г. Улан-Удэ в отношении А., был допрошен для высказывания суждения по поставленным вопросам в судебном заседании по ходатайству защитника специалист К. по правилам, предусмотренным ст. 278 УПК РФ, регламентирующей производство допроса свидетеля в суде.

Вместе с тем, по уголовному делу № 1- 718 / 2010 г. в отношении Б. в ходе предварительного расследования давала заключение специалист С., которая в судебном заседании уточняла и разъясняла указанное заключение [15]. Указанный пример свидетельствует о том, что специалист С. была допрошена в суде по правилам, установленным ст. 282 УПК РФ, отражающей производство допроса эксперта в суде.

Думается, наиболее обоснованным является мнение ученых, полагающих, что его нельзя допрашивать в качестве свидетеля [5, с. 47 – 49] [13, с. 20]. Соглашаясь с мнением других ученых, также считаю, что специалиста не следует допрашивать и в качестве эксперта.

В действующем УПК РФ закреплены различные статусы свидетеля, специалиста и эксперта. Положения статей УПК РФ закрепляют виды доказательств, нормы закона предусматривают, что в качестве доказательств могут быть исследованы показания свидетеля, показания эксперта и показания специалиста. Действующее законодательство закрепляет права и обязанности этих участников судопроизводства. Кроме того, в показаниях свидетеля ценны особенности им восприятия информации, наблюдения, то в показаниях специалиста, эксперта на первый план выходят их знания и умозаключение, при этом специалист в отличие от эксперта без исследования вещественных доказательств и формулирования выводов, высказывает суждение по поставленным перед ним вопросам.

Следует заметить, что в ч. 4 ст. 271 УПК РФ закреплена такая норма: «суд не вправе отказать в удовлетворении ходатайства о допросе в судебном заседании лица в качестве свидетеля или специалиста, явившегося в суд по инициативе сторон». Согласно ст. 270 УПК РФ, «Председательствующий разъясняет специалисту его права и ответственность, предусмотренные ст. 58 настоящего Кодекса, о чем специалист дает подписку, которая приобщается к протоколу судебного заседания». Указанные положения закона предусматривают возможность допроса в судебном заседании специалиста, однако нормами УПК РФ не регламентировано производство допроса специалиста.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, представляется, что УПК РФ в части допроса специалиста в суде следует дополнить ст. 282. 1 и изложить ее в следующей редакции:

«1. По ходатайству сторон или по собственной инициативе суд вправе вызвать для допроса специалиста, давшего заключение в ходе предварительного расследования, для его разъяснения или уточнения.

2. По ходатайству сторон или по собственной инициативе суд вправе вызвать для допроса специалиста в целях дачи консультаций, разъяснений по вопросам, входящим в его компетенцию.

3. До начала допроса специалиста председательствующий устанавливает его личность, выясняет его отношение к подсудимому, потерпевшему, разъясняет ему права, обязанности и ответственность, предусмотренные ст. 58 УПК РФ, о чем специалист дает подписку, которая приобщается к протоколу судебного заседания.

4. Специалисту могут быть заданы вопросы сторонами. При этом первой вопросы задает сторона, по ходатайству которой специалист был вызван в судебное заседание. Суд задает вопросы в последнюю очередь.

5. При необходимости суд вправе предоставить специалисту время, необходимое для подготовки ответов на вопросы суда и сторон».

Список использованной литературы:

1. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 4 июля 2003 года № 92 – ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 27 (часть 1). – Ст. 2706.

2. О судебной экспертизе по уголовным делам: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2011. – № 2. – С. 2– 6.

3. Быков В. Заключение специалиста / В. Быков // Законность. – 2004. – № 9. – С. 21 – 25.

4. Гришина Е. П. Совершенствование нормативно - правового регулирования вопросов участия специалиста в уголовном судопроизводстве России / Е. П. Гришина // Российский следователь. – 2005. – № 10. – С. 11– 13.

5. Давлетов А. Специалист в уголовном процессе: новые возможности и проблемы / А. Давлетов // Российская юстиция. – 2003. – № 9. – С. 47 – 49.

6. Ефремов И. А. Из практики привлечения адвокатом специалистов для разъяснения вопросов, требующих использования специальных знаний / И. А. Ефремов // Адвокат. – 2008. – № 3. – С. 75 – 79.

7. Иванов А. В. Адвокат-защитник в судебном следствии : дис. ... канд. юр. наук / А. В. Иванов – М., 2002. – 232 с.

8. Комментарий к УПК РФ / под общ. и науч. ред. Сухарева А. Я. – 2 – е изд., перераб. – М., 2004. – 1104 с.

9. Лазарева Л. В. Допрос специалиста в уголовном судопроизводстве: необходимо законодательное регулирование / Л. В. Лазарева // Российская юстиция. – 2009. – № 3. – С. 37 – 40.

10. Овсянников И. Заключение и показания специалиста / И. Овсянников // Законность. – 2005. – № 7. – С. 32 – 35.

11. Орлов Ю. Специалист – это сведущее лицо, не заинтересованное в исходе дела / Ю. Орлов // Российская юстиция. – 2003. – № 4. – С. 36 – 37.
12. Степанов В. Показания специалиста в уголовном судопроизводстве / В. Степанов, Л. Шапиро // Уголовное право. – 2005. – № 4. – С. 81 – 84.
13. Тетюев С. В. Использование педагогических и психологических знаний в производстве по уголовным делам с участием несовершеннолетних / С. В. Тетюев; под ред. докт. юрид. наук, проф. А. В. Кудрявцевой. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 336 с.
14. Уголовное дело № 1 – 527 / 2011 г. в отношении А. // Архив Октябрьского районного суда г. Улан-Удэ.
15. Уголовное дело № 1 – 718 / 2010 г. в отношении Б. // Архив Октябрьского районного суда г. Улан-Удэ.
16. Уголовный процесс: учебник / под ред. В. П. Божьева. – 3 – е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во Юрайт; ИД Юрайт, 2011. – 541 с. – (Основы наук).
17. Уголовный процесс Российской Федерации: учеб. / отв. ред. проф. А. П. Кругликов. – М.: Проспект, 2010. – 736 с.
18. Фомин М. А. Заключение специалиста как доказательство стороны защиты / Фомин М. А. // Уголовный процесс. – 2008. – № 7. – С. 35 – 41.
19. Шейфер С. А. Куда движется российское судопроизводство? / С. А. Шейфер // Государство и право. – 2007. – № 1. – С. 28 – 38.

Попова Н.А.

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых и процессуальных основ безопасности государства Института права, Тамбовского государственного университета им Г.Р. Державина.

Подковыров Е.А.

студент 5 курса кафедры уголовно-правовых и процессуальных основ безопасности государства Института права, Тамбовского государственного университета им Г.Р. Державина.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ ОТ ПРЕВЫШЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ

В современных условиях проведения различного рода реформ в России в значительной мере зависит способность государства отрегулировать работу должностных лиц и сферу государственного аппарата, обеспечить качественное управление, повысить уровень правосознания государственных и муниципальных служащих. Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления во все времена были актуальны. На сегодняшний день у правоохранительных органов возникают масса вопросов относительно правильной квалификации таких преступлений как злоупотребление должностными полномочиями и превышение полномочий.

Как справедливо заметила С.В. Смелова, данный вопрос является весьма актуальным. Рассмотрение проблем регламентации ответственности за

преступления, совершаемые с незаконным использованием лицом своего должностного положения, к наиболее опасным из которых, наряду со злоупотреблением должностными полномочиями и взяточничеством, относится превышение должностных полномочий. Общественная опасность такого деяния значительно возрастает в случаях, если оно совершено с целью получения имущественной выгоды, либо сопряжено с посягательством на жизнь или здоровье человека [1, с. 1].

Такие составы преступлений как злоупотребление и превышение должностных полномочий есть не во всех странах.

По мнению Плеховой О.А. в законодательстве стран Запада регламентация злоупотребления служебным положением и превышения должностных полномочий неодинакова. В одних странах виден полный отказ от общего определения состава злоупотребления должностными полномочиями, но имеется ряд норм, содержащих отдельные виды злоупотребления должностными полномочиями. Причем число таких норм (видов злоупотреблений) колеблется от нескольких единиц до нескольких десятков. В других странах наоборот, существует стремление дать единое общее определение, под которое подпадали бы любые случаи злоупотреблений со стороны должностных лиц. Что же касается превышения должностных полномочий, то в ряде государств этого понятия вообще не существует [1, с. 156]. Вопрос достаточно актуален, примечательно, что законодательство не всех стран Запада разграничивают такие преступления как злоупотребление и превышение должностных полномочий. Но если посмотреть на генезис уголовного законодательства России можно обнаружить, что такое разграничение было всегда, и оба состава преступления присутствовали в нашем законодательстве.

Наиболее актуальными преступлениями, которые совершают должностные лица, являются «Злоупотребление должностными полномочиями» и «Превышение должностных полномочий». Данные преступления находятся в тесной взаимосвязи и порой у работников правоохранительных органов возникают затруднения относительно их правильной квалификации и разграничений между собой.

«Злоупотребление должностными полномочиями» и «Превышение должностных полномочий» установлены в разделе 10 (преступления против государственной власти) в главе 30 (преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления) Уголовного кодекса РФ. Непосредственно сам составы преступления «Злоупотребление должностными полномочиями» закреплен в ст. 285, а «Превышение должностных полномочий» в ст. 286 УК РФ [3].

Вполне очевидно, что борьба с преступлениями, совершаемыми должностными лицами путем превышения полномочий, должна быть системной и последовательной. Но любые меры, предпринимаемые государством и направленные на борьбу с должностными преступлениями, будут носить декларативный характер без действенного механизма реализации. Немаловажное значение в этом механизме имеет правильная квалификация

совершенных преступлений. Как известно, квалификация является центральным этапом правоприменительной деятельности по уголовным делам. Правильная и своевременная квалификация сокращает сроки расследования уголовных дел, является одним из условий эффективной работы следственных органов, обеспечивает неотвратимость и справедливость назначаемого судами наказания [4, с. 3]. С позицией данного автора трудно не согласиться, поскольку на практике при квалификации подобных преступлений возникают масса сложностей. В первую очередь, возникают проблемы при уголовно-правовой оценке данных преступлений, это обусловлено несовершенством уголовного законодательства (пробелы, множество бланкетных норм, казуистичность, наличие оценочных категорий). Сегодня в правоприменительной практике нет специальных правил квалификации должностных преступлений. Как нам кажется, несовершенство уголовного закона, и масса проблем при квалификации таких преступлений вызвана наиболее глобальной проблемой – в уголовном законе отсутствует вопрос о юридической природе превышения должностных полномочий, что естественным образом ведет к проблемам законодательной регламентации (в частности соотношение с другими составами должностных преступлений), и сложности их применения.

В приведенной ниже таблице мы проанализировали такие составы преступлений как ст. 285 злоупотребление должностными полномочиями, и ст. 286 превышение должностных полномочий нашли между ними сходства и различия.

Критерии исследования	Злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285). УК РФ	Превышение должностных полномочий (ст. 286) УК РФ
Диспозиция	Использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, если это деяние совершено из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства.	Совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства.
Объект преступления	<u>Родовой объект:</u> Общественные отношения в сфере защиты и охраны нормального функционирования органов государственной власти.	<u>Родовой объект:</u> Общественные отношения в сфере защиты и охраны нормального функционирования органов государственной власти.

	<u>Видовой объект:</u> Общественные отношения в сфере защиты и охраны интересов государственной власти, службы в органах МСУ и других государственных структур. <u>Непосредственный объект:</u> Сами полномочия должностного лица.	<u>Видовой объект:</u> Общественные отношения в сфере защиты и охраны интересов государственной власти, службы в органах МСУ и других государственных структур. <u>Непосредственный объект:</u> Сами полномочия должностного лица.
Объективная сторона преступления	<i>Лицо может, как путем действия использовать свои полномочия, так и бездействия, необходимо наличие причинной связи между ними и последствиями.</i>	Совершение лицом действий на службе, которые 1- явно выходят за пределы его полномочий; 2- наличие последствий; 3- наличие причинной связи между действиями и последствиями.
Субъект преступления	Специальный – должностное лицо (примечание к главе 30).	Специальный – должностное лицо (примечание к главе 30).
Субъективная сторона преступления	<u>Выражена в виде:</u> умысла, который может быть как прямой косвенный. <u>Мотив:</u> корыстный, иная личная заинтересованность. <u>Цель:</u> удовлетворение своих личных интересов, потребностей.	<u>Выражена в виде:</u> умысла, который может быть как прямой косвенный. <u>Мотив:</u> корысть, карьеризм, зависть, либо в целях создания видимости благополучия и т.п. <u>Цель:</u> удовлетворение личных интересов, потребностей.
Конструкция объективной стороны	Состав преступления сконструирован по типу материального (важны последствия).	Состав преступления сконструирован по типу материального (важны последствия).

Как видим анализируемые составы преступления, имеют сходства и отличия. Если посмотреть на диспозицию ст.ст. 285 и 286 УК РФ, то сразу можно заметить различия. В ст. 285 УК РФ установлено, что злоупотребление должностными полномочиями это «использование должностным лицом своих служебных полномочий», а в ст. 286 УК РФ под превышением должностных полномочий подразумевается как «совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий». Прослеживается отличие данных составов в главном критерии – это границ полномочий. В ст. 285 УК РФ лицо злоупотребляет представленными ему полномочиями, он в определенном смысле действует в «рамках представленных ему прав и обязанностей», но использует их для своих целей. В ст. 286 УК РФ лицо уже не злоупотребляет своими полномочиями, а явно их превышает, иными словами выходя за «рамки дозволенного». Возможно, что эти полномочия, в отношении которых совершается превышение, принадлежат другим должностным лицам.

В Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 16 октября 2009 г. №19: «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностных полномочий и превышении должностных полномочий» в пункте 19 указано, что в отличие от предусмотренной статьей 285 УК РФ ответственности за совершение действий (бездействия) в пределах своей компетенции вопреки интересам службы ответственность за превышение должностных полномочий (статья 286 УК РФ) наступает в случае совершения должностным лицом активных действий, явно выходящих за пределы его полномочий, которые повлекли существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, если при этом должностное лицо осознавало, что действует за пределами возложенных на него полномочий [5].

Далее рассмотрим объект преступного посягательства. Оба состава преступления закреплены в разделе 10, главе 30 УК РФ. В объекте посягательства ст.ст. 285, 286 УК РФ идентичны. Родовым объектом у анализируемых составов будут общественные отношения в сфере защиты и охраны нормального функционирования органов государственной власти. Видовым объектом выступают общественные отношения в сфере защиты и охраны интересов государственной власти, службы в органах МСУ и других государственных структур. Непосредственный объект уже сами полномочия должностного лица.

Объективная сторона рассматриваемых составов имеет ряд особенностей.

В ст. 285 УК РФ злоупотребление должностными полномочиями может быть совершено в виде действия или бездействия, и безусловно необходимо наличие причинной связи между ними и последствиями. Что касается ст. 286 УК РФ, то превышение должностных полномочий может совершаться только путем действий и причинной связи между действиями и последствиями.

Что касается субъекта, то тут видим полное соответствие. Это не удивительно, поскольку оба рассматриваемых состава преступления находятся в одной главе, и в примечании к главе 30 указано, что субъект в данной главе специальный – должностное лицо.

Субъективная сторона не имеет особых различий в ст.ст. 285, 286 УК РФ. Субъективная сторона выражается в виде умысла, который может быть как прямой, так и косвенный. В ст. 285 УК РФ в диспозиции прямо указано на наличие мотива: «если это деяние совершено из корыстной или иной личной заинтересованности». В ст. 286 УК РФ нет упоминаний о мотиве. Цель данных преступлений так же совпадает, это удовлетворение личных интересов, потребностей, нанести вред отдельному лицу и т.д.

Если посмотреть на конструкцию объективной стороны, то так же можно увидеть сходства, оба состава преступления сконструированы по типу материального (важны последствия). В обеих диспозициях прямо указано на наличие «существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства».

Резюмируя изложенное, отметим, что ст.ст. 285, 286 УК РФ обладают целыми рядами критериев сходства и отличия между собой. По нашему

мнению, оба приведенных состава являются самостоятельными и при квалификации данных преступлений необходимо учитывать все тонкости каждого состава.

Список использованной литературы

1. Смелова С.В. Уголовная ответственность за превышение должностных полномочий: дис. ...канд. юрид. наук. Вологда, 2009. 234 С.
2. Плехова О.А. Уголовная ответственность за злоупотребление и превышение должностных полномочий: дис. ...канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2006. 203 С.
3. *Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 28.12.2013.) //Собр. законодательства Рос. Федерации.1996. № 25. Ст. 2954.*
4. Греков К.А. Квалификация преступлений, совершаемых путем превышения должностных полномочий: дис. ...канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 206 С.
5. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 16 октября 2009 г. №19: «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностных полномочий и превышении должностных полномочий» (в ред. от 16.10. 2009 года). // «РГ». Федеральный выпуск №5031 от 30 октября 2009 г.

Сирик М.С.

*кандидат юридических наук, доцент,
зав.кафедрой уголовного права, процесса и криминалистики
филиала ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет» в
г. Тихорецке (Россия)*

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОЗДАЮЩИЕ ОПАСНОСТЬ ДЛЯ ВОИНСКОГО ПРАВОПОРЯДКА

Защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации. Гражданин Российской Федерации несет военную службу в соответствии с федеральным законом [1]. В соответствии с Федеральным законом от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» [2] гражданин мужского пола в возрасте от 18 до 27 лет, состоящий или обязанный состоять на воинском учете, не имеющий права на освобождение или отсрочку от призыва на военную службу, подлежит призыву на военную службу. В соответствии с Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации [3] военнослужащий обязан строго соблюдать Конституцию РФ и законы РФ, быть дисциплинированным, хранить государственную тайну, соблюдать общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ.

Серьезную опасность для воинского правопорядка представляют самовольное оставление части или места службы (ст. 337 УК РФ), дезертирство (ст. 338 УК РФ), уклонение от исполнения обязанностей военной службы путём симуляции болезни или иными способами (ст. 339 УК РФ). Общественная опасность уклонений от военной службы заключается в их отрицательном влиянии на других морально неустойчивых, недисциплинированных

военнослужащих. Кроме того, они нередко создают почву для совершения других воинских и общеуголовных преступлений (хищение, хулиганство, преступления против личности, нарушение уставных правил несения специальных служб и т.п.) или сопровождаются ими [5].

Особенностью главы 33 УК РФ является ограничение числа составов преступлений, предусмотренных в ней, по сравнению с ранее действовавшим УК. В ней оставлены лишь составы, предусматривающие преступления против установленного порядка прохождения военной службы (т.е. против требований воинской дисциплины и функциональных обязанностей военнослужащих). Рассматриваемая глава предусматривает специального субъекта преступлений – военнослужащего. Это лицо, проходящее военную службу по призыву или контракту в Вооруженных Силах (армии и флоте), а также в войсках и войсковых формированиях других ведомств помимо Министерства обороны Российской Федерации – во внутренних, пограничных, железнодорожных войсках, воинских формированиях МЧС (гражданской обороны), ФСБ, ФАПСИ, СВР и т.д.

Видовым объектом преступлений против военной службы являются общественные отношения, составляющие содержание или обеспечивающие установленный порядок несения военной службы, своевременное и точное выполнение ее задач. Содержание установленного порядка несения военной службы определяется военным законодательством, издаваемыми в соответствии с ним подзаконными нормативными актами, приказами командиров и начальников. По непосредственным объектам преступлений против военной службы согласно УК РФ можно выделить преступления:

- 1) посягающие на исполнение долга и обязанности военной службы (ст. 337 - 339);
- 2) посягающие на общие требования воинской дисциплины (ст. 332 - 336);
- 3) посягающие на специальные обязанности военной службы (ст. 340 - 344);
- 4) связанные с утратой, повреждением или уничтожением военного имущества либо с нарушением правил обращения с источниками повышенной опасности (ст. 346 - 352).

В соответствии с международно-правовыми договорами (Женевская конвенция от 12 августа 1949 г. «Об обращении с военнопленными» [6]) субъектами некоторых преступлений против военной службы могут быть военнопленные. Во-вторых, рассматриваемая глава регулирует ответственность только за преступления против военной службы, совершенные не во время войны и не в иной боевой обстановке. Для этих случаев предусмотрено издание специального закона, хотя такой закон до сих пор не принят и в этих случаях, например, связанных с действиями миротворческих сил, придется применять нормы гл. 33 или 34 УК РФ [7].

Объективная сторона преступлений против военной службы в большинстве случаев носит материальный характер и требует установления указанных в диспозиции последствий. Формальными по конструкции являются

преступления против исполнения долга и обязанности военной службы (ст. 337 - 339 УК РФ).

Субъективная сторона большинства преступлений характеризуется умышленной формой вины. В материальных составах возможен прямой или косвенный умысел, в формальных составах – только прямой умысел. Ряд составов предусматривает неосторожную форму вины, например ст. 347 - 352 УК РФ.

Следует отметить, что развитие уголовного законодательства об ответственности за различные виды уклонения от военной службы тесно связано с развитием и совершенствованием Вооруженных Сил Российской Федерации [8, с. 106]. К моменту введения в действие УК РФ 1996 г. уголовная ответственность военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов за уклонение от военной службы наступала по ст. ст. 245-249 УК РСФСР 1960 г., которые воспроизводили соответствующие нормы Закона СССР 1958 г. «Об уголовной ответственности за воинские преступления», с учетом изменений и дополнений, внесенных Указом от 15 декабря 1983 г. К рассматриваемой группе воинских преступлений УК РСФСР 1960 г. были отнесены: самовольная отлучка (ст. 245), самовольное оставление части или места службы (ст. 246), дезертирство (ст. 247), самовольное оставление части в боевой обстановке (ст. 248) и уклонение от военной службы путем членовредительства или иным способом (ст. 249).

В УК РФ 1996 г. нормы об уклонениях от военной службы существенно отличаются от соответствующих норм прежнего уголовного законодательства. Глава 33 УК РФ не содержит два самостоятельных состава преступлений – самовольная отлучка и самовольное оставление части, различающихся только продолжительностью незаконного пребывания виновного вне части. Эти два состава преступлений объединены в одном составе под названием: «самовольное оставление части или места службы» (ст. 337 УК РФ). Увеличена продолжительность уголовно наказуемого самовольного оставления части или места службы. Состав дезертирства дополнен новыми квалифицирующими признаками. Предусмотрена возможность освобождения от уголовной ответственности за самовольное оставление части и дезертирство. Исключена уголовная ответственность за отказ от несения обязанностей военной службы.

В настоящее время в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах уклонения от военной службы являются наиболее распространенными среди преступлений против военной службы (примерно одна треть от всех преступлений, совершаемых военнослужащими, около половины от воинских преступлений). Поэтому борьба с уклонениями от военной службы является одной из важных задач военного командования и органов военной юстиции по укреплению воинского правопорядка и обеспечению военной безопасности государства.

Список использованной литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (тест с изменениями и дополнениями на 25 апреля 2013 г.) // Издательство: Норматика. Серия: Кодексы. Законы. Нормы. М., 2014.
2. Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ ред. от 08.12.2011) «О воинской обязанности и военной службе» // Собрание законодательства РФ, 30.03.1998, № 13, ст. 1475; справочно-поисковая система «КонсультантПлюс», 2014.
3. Устав внутренней службы ВС РФ // Утв. Указом Президента РФ от 10 ноября 2007 г. № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил РФ.
4. РИА Новости в пресс-службе Главной Военной прокуратуры / www.voennopravo.ru.
5. Ахметшин Х.М. Преступления против порядка воинских уставных взаимоотношений. Военно-уголовное право: Учебник (выпуск 93) / под ред. Х.М. Ахметшина, О.К. Зателепина // За права военнослужащих, 2008.
6. «Женевская конвенция об обращении с военнопленными» [рус., англ.] (Вместе с «Типовым соглашением по вопросу о непосредственной репатриации и госпитализации в нейтральной стране раненых и больных военнопленных», «Положением о смешанных медицинских комиссиях», «Правилами, касающимися коллективных посылок помощи военнопленным» и «Типовыми правилами, касающимися денежных переводов...») (Заключена в г. Женеве 12.08.1949) // Действующее международное право. Т. 2.- М.: Московский независимый институт международного права, 1997. С. 634 - 681.
7. Уголовное право России. Особенная часть: Учебник, 2-е издание, исправленное и дополненное / Под редакцией доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации В.П. Ревина. М., 2011.
8. Васильев А.М., Васильева Н.А. Генезис отечественного законодательства об уголовной ответственности за преступления военнослужащими // Международный научно-исследовательский журнал = Research journal of international studies. Екатеринбург, 2013. № 7-3 (14). С. 106.

Фадеев П. В.

к.ю.н., доцент

докторант Московского университета МВД России,

ЗАКОННЫЕ ИНТЕРЕСЫ КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Правовая помощь - это важнейший правовой институт, обеспечивающий защиту прав и законных интересов личности, общества и государства. Под ней понимается основанная на законе деятельность уполномоченных субъектов по содействию физическим и юридическим лицам в целях защиты, охраны и реализации их прав и законных интересов.

В русском языке слово «интерес» означает внимание, возбуждаемое чем-нибудь значительным, привлекательным; нужды, потребности; выгода [6, с. 204]. Категорию «законный» С.И. Ожегов интерпретирует как согласный с законом, основывающийся на законе [6, с. 169]. По мнению С.С. Алексеева, интерес управомоченного не только очерчивает круг объектов правоотношения, но и согласует его с субъективным правом [1, с. 395]. В сфере уголовного судопроизводства под законным интересом понимают стремления и желания участников уголовного процесса достичь социально-значимых и полезных для них результатов, которые дозволены в той или иной правовой форме либо вовсе не нашедшие отражения в законе, но не противоречащие нормам уголовно-процессуального права и общепризнанным принципам [4, с. 85].

Иными словами, законный интерес при оказании правовой помощи участникам уголовного судопроизводства понимается не только как их стремления и желания к определенной цели, не имеющие буквального выражения в законе, хотя и не противоречащие и чаще всего вытекающие из него, но и как гарантированная государством разрешенность обращаться за содействием (помощью, услугой, поддержкой) к уполномоченным субъектам в целях защиты, охраны и реализации их прав и свобод.

Значение законных интересов при оказании правовой помощи участникам уголовного процесса заключается в том, что они, во-первых, определяют побудительные причины взаимоотношений государства и личности, выступают как «движущая сила производства по уголовному делу» [8, с. 15]. Во-вторых, служат первоосновой «при разработке и совершенствовании процессуального статуса участников уголовного судопроизводства. Обеспечение законных интересов личности должно выражаться в установлении соответствующих этим интересам прав, обязанностей и ответственности участников уголовно-процессуальных отношений» [2, с. 56 - 57]. В-третьих, позволяют определить эффективность предоставленных прав и обязанностей уполномоченных субъектов. Например, возмещение вреда по уголовному делу, является правом и законным интересом потерпевшего. Для его обеспечения потерпевший заявляет гражданский иск, дает показания, предоставляет доказательства. Государство, в соответствии со ст. 52 Конституции РФ, обязано обеспечить ему компенсацию причиненного вреда. «Однако, - как отмечается в литературе, - ни гарантий возмещения причиненного материального и морального ущерба, ни правовой помощи потерпевшему на льготных условиях до сих пор не обеспечено» [5].

Следовательно, при оказании правовой помощи законный интерес способствует тому, что государство в лице законодателя должно не только признавать потребность в содействии участникам уголовного судопроизводства со стороны уполномоченных субъектов, но и определять применяемые правовые средства и способы для его реализации, права и обязанности их участников, пределы (границы) дозволенного и обязанного поведения. Если устремления субъектов правовой помощи выходят за рамки установленных государством правил поведения, то такой интерес определяется как незаконный и деятельность, направленная на его обеспечение, становится противоправной.

Стремясь воспрепятствовать такого рода деятельности, государство устанавливает запреты, подкрепляя их мерами ответственности для нарушителя [2, с. 53].

Представляется, что законные интересы могут быть одним из критериев, определяющих оптимальное соотношение публичного и частного начал при оказании правовой помощи участникам уголовного судопроизводства. Это связано с тем, что в современный период права и законные интересы личности в соответствии с международно-правовыми стандартами, Конституцией Российской Федерации, уголовно-процессуальным законодательством возведены в разряд высшей социальной ценности и способствуют бесспорному усилению частного интереса. Как справедливо отмечает И.Ф. Демидов, «не права человека следует подгонять под нужды судопроизводства, а наоборот, весь уголовный процесс должен максимально соотносываться с правами человека» [3, с. 95].

Вместе с тем уголовное судопроизводство не может быть основано только на частном начале, поскольку преступление всегда затрагивает публичные, общественные интересы. Однако законные интересы в уголовном судопроизводстве могут быть использованы в качестве своеобразной точки отсчета для определения реальной защищенности прав не только отдельной личности, но и общества и государства в целом. При этом участники уголовного судопроизводства, обращаясь за содействием в органы уголовного судопроизводства, к иным уполномоченным субъектам в целях защиты их прав и законных интересов, должны быть уверены, что общегосударственные интересы включают в себя, в первую очередь, заботу о каждом человеке, охрану его жизни, здоровья, достоинства [7, с. 238].

Таким образом, в качестве общего объекта уголовно-процессуальных отношений при оказании правовой помощи участникам уголовного судопроизводства, наряду с субъективными правами, выступают законные интересы, которые, во-первых, существуют вне процессуальных прав и обязанностей его субъектов; во-вторых, представляют интерес для его участников, «целью, ради которой лица вступают в правоотношения» [9, с. 314]; в-третьих, находятся под защитой государства и мирового сообщества в целом; в-четвертых, выступают критерием для определения оптимального соотношения публичного и частного начал.

Список использованной литературы:

1. Алексеев С.С. Общая теория права: учеб. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009. – 576 с.
2. Гарантии прав участников уголовного судопроизводства: проблемы и возможные пути их решения: монография / под общ. и науч. ред. проф. В.А. Семенцова. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 192 с.
3. Демидов И.Ф. Проблема прав человека в Российском уголовном процессе. Концептуальные положения / Демидов И.Ф. - М.: Изд-во НИИ пробл. укрепления законности и правопорядка, 1995. - 96 с.

4. Корнуков В.М. Конституционные основы положения личности в уголовном судопроизводстве / Корнуков В.М.; Под ред.: Познанский В.А. - Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. - 179 с.

5. Мусаев М.А. Об условиях и порядке возмещения вреда жертвам преступлений за счет государства // Современное право. 2012. № 1. С. 103 – 107 / СПС Консультант Плюс (дата обращения 22.01.2014 г.).

6. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов/ Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. – 20-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1988. - 750 с.

7. Сильчева Н.П. Трансформация отстаивания личных интересов в защиту интересов общегосударственных // Юридические записки / под ред. Ю.Н. Старилова. Вып. 12. Воронеж, 2000. С. 217-238.

8. Тарнавский О.А. Обеспечение прав и частных интересов участников уголовного судопроизводства: монография. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 192 с.

9. Хропанюк В.Н. Теория государства и права: Учебное пособие для высших учебных заведений / Под ред. профессора В.Г. Стрекозова. – 2-е изд., доп. и исправл. – М., 2001. - 389 с.

Чернышева О.А.

*студентка Юридического института Северного (Арктического)
федерального университета имени М.В. Ломоносова*

ПРОБЛЕМЫ ОКАЗАНИЯ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Необходимость обеспечения равного для всех лиц доступа к получению квалифицированной юридической помощи не вызывает сомнения. В рамках данного исследования хотим остановиться на проблемах оказания бесплатной юридической помощи в уголовном судопроизводстве.

Пункт 2 ст.3 ФЗ «О бесплатной юридической помощи в РФ» устанавливает, что отношения, связанные с оказанием бесплатной юридической помощи в уголовном судопроизводстве, регулируются уголовно-процессуальным законодательством.[7] Безусловно, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее по тексту – УПК РФ) является составной частью нормативно-правовой базы в системе бесплатного оказания квалифицированной юридической помощи, поскольку его положения, в частности, обеспечивают право на защиту подозреваемому и обвиняемому. Речь идет о статье 16 УПК РФ, где закреплено, что «подозреваемому и обвиняемому обеспечивается право на защиту, которое они могут осуществлять лично либо с помощью защитника и (или) законного представителя», а «в случаях, предусмотренных УПК РФ и иными федеральными законами, они могут пользоваться помощью защитника бесплатно».[5]

Данная статья УПК РФ согласуется с международными актами. В частности в соответствии с подп. "с" п. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. [1], ратифицированной Россией Федеральным законом от 30.03.98 N 54-ФЗ [4], каждый обвиняемый в

совершении уголовного преступления имеет право защищать себя лично или посредством выбранного им самим защитника или, при недостатке средств для оплаты услуг защитника, пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия.

Согласно пп. "d" п. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. [2], ратифицированного Указом Президиума Верховного Совета СССР [3] каждый при рассмотрении предъявляемого ему уголовного обвинения вправе как минимум на основе полного равенства быть судимым в его присутствии и защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника; при отсутствии защитника - быть уведомленным об этом праве и иметь назначенного ему защитника в любом случае, когда интересы правосудия того требуют, безвозмездно для него в любом таком случае, когда у него недостаточно средств для оплаты этого защитника.

Как уже было упомянуто выше, защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказание им юридической помощи при производстве по уголовному делу осуществляет защитник. УПК РФ закрепил положение о том, что в качестве защитников допускаются только адвокаты, то есть лица, получившие в установленном ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» порядке статус адвоката и право осуществлять адвокатскую деятельность.[6] В исключительных случаях по определению или постановлению суда в качестве защитника могут быть допущены наряду с адвокатом один из близких родственников обвиняемого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый. При производстве у мирового судьи указанное лицо допускается и вместо адвоката.

Дискуссионными являются положения ч. 5 ст. 50 УПК РФ, согласно которым в случае, если адвокат участвует в производстве предварительного расследования или судебном разбирательстве по назначению дознавателя, следователя, прокурора или суда, расходы на оплату его труда компенсируются за счет средств федерального бюджета, а также ч. 4 ст. 132 УПК РФ о возмещении расходов на оплату услуг адвоката за счет средств федерального бюджета при отказе подозреваемого или обвиняемого от защитника, если отказ не был удовлетворен и адвокат участвовал в уголовном деле по назначению. Таким образом, уголовно-процессуальный закон связывает предоставление бесплатной юридической помощи по уголовному делу (оплату за счет федерального бюджета), включая случаи обязательного участия защитника, с обязанностью подозреваемого (обвиняемого) отказаться от защитника в том случае, когда его участие обязательно. Получается в уголовном процессе каждый подозреваемый, обвиняемый, независимо от его имущественного положения, может воспользоваться помощью адвоката бесплатно в случаях, предусмотренных законом. Наверное, такую логику законодателя можно понять, если иметь ввиду, что при осуществлении государством уголовного преследования затрагиваются наиболее значимые права человека и гражданина. Однако не является ли предоставление за счет государства бесплатной юридической помощи всем без исключения действительно обоснованным

бременем для государства? Ведь масштабы такой помощи в нашей стране просто огромны. Почему государство должно нести расходы на оказание юридической помощи людям материально состоятельным? Полагаем, что совершенно очевидно, что назрела необходимость в пересмотре законодательства о бесплатной юридической помощи в уголовном судопроизводстве. Вероятно, можно обратиться к опыту других стран, устанавливающих имущественный ценз для граждан, которые могут воспользоваться бесплатной юридической помощью. Полагаем, что является правильной концепция, заложенная в Федеральном законе «О бесплатной юридической помощи в РФ», определяющая категории граждан, которые могут ею пользоваться. Возможно, что с учетом значимости затрагиваемых уголовным преследованием прав и свобод граждан правильно было бы назначать адвоката за счет государства только для работы в первые дни производства по уголовному делу. Например, до предъявления обвинения, чтобы изучить в этот период вопрос имущественной состоятельности подозреваемого, а затем предоставлять бесплатную юридическую помощь по назначению только определенной, социально незащищенной категории граждан. Состоятельные граждане должны сами оплачивать работу адвоката, освободив, таким образом, государство от лишнего финансового бремени. Возможно, что в результате этого размер оплаты работы адвоката-защитника за счет государства можно будет увеличить.[8]

Еще одним проблемным аспектом данного вопроса является оказание бесплатной юридической помощи потерпевшим. Потерпевший от преступления не всегда в состоянии грамотно отстаивать свои процессуальные права, поэтому нуждается в помощи представителя на всех стадиях уголовного процесса. Зачастую они не имеют финансовых возможностей нанять такого представителя. Однако ни ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре», ни УПК РФ не содержат норм-оснований для назначения представителя потерпевшему за счет государственного бюджета. Создается ситуация, когда подозреваемых, обвиняемых, которые потенциально могли совершить преступление, в том числе и особо тяжкое, государство защищает, предоставляя им право на бесплатную квалифицированную юридическую помощь, оказываемую им в лице адвоката, а потерпевшим необходимо за свой счет нанимать представителя, который не всегда обладает статусом адвоката. Поскольку ст.6 УПК РФ устанавливает в качестве назначения уголовного судопроизводства не только защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, но и защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, считаем необходимым (в целях соблюдения принципа равенства, состязательности сторон) предоставление определенным категориям потерпевших права на бесплатную юридическую помощь по уголовным делам.

Юридической помощью в уголовном процессе может пользоваться и свидетель. От этой помощи может зависеть правильное установление обстоятельств по уголовному делу, что отвечает принципу его объективного рассмотрения. Было бы целесообразно рассмотреть вопрос о предоставлении

бесплатной юридической помощи социально незащищенным гражданам, участвующим в уголовном судопроизводстве и в качестве свидетелей.

Таким образом, считаем обоснованно необходимым внесение изменений в статьи УПК РФ, регламентирующие оказание бесплатной юридической помощи подозреваемым и обвиняемым, а также нормативно закрепить возможность оказания бесплатной квалифицированной юридической помощи потерпевшим и свидетелям по уголовному делу.

Список использованной литературы

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Заключена в г. Риме 04.11.1950 г. // Бюллетень международных договоров. - 1998. - N 7. - С. 20 - 35.

2. О гражданских и политических правах. Международный Пакт от 16.12.1966 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. - N 12. - 1994 г.

3. О ратификации Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах и Международного пакта о гражданских и политических правах. Указ Президиума ВС СССР от 18.09.1973 N 4812-VIII // Ведомости ВС СССР. - 3 октября 1973 г. - N 40. - Ст. 564.

4. О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней. Федеральный закон от 30.03.1998 N 54-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 6 апреля 1998 г. - N 14. - Ст. 1514.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 18.12.2001 N 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 24.12.2001. - N 52 (ч. I). - ст. 4921.

6. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации. Федеральный закон от 31.05.2002 N 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 10.06.2002. - N 23. - ст. 2102.

7. О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации. Федеральный закон от 21.11.2011 N 324-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 28.11.2011. - N 48. - ст. 6725.

8. Руднева Ю.В., Агеева Г.Е. Бесплатная юридическая помощь в системе процессуального права Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. - 2013. - № 2. - С. 44-51.

Шмыков Д.В.

старший преподаватель кафедры правовых дисциплин и методики преподавания права Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, к.ю.н.

ПОРНОГРАФИЯ: ПОНЯТИЕ, ФОРМА, РАЗГРАНИЧЕНИЕ.

А.В. Наумов в комментарии к УК РФ дает следующее определение порнографическим материалам: «Материал или предмет является порнографическим, если он, взятый как целое, направлен на возбуждение похоти (грубо чувственного полового влечения) и если в явной, очевидно циничной, непристойной форме изображает половое влечение человека, и при

этом не имеет существенной литературной, художественной или научной ценности» [Наумов А.В. 1996: 338].

Как видно из этого определения, главной его составляющей является *циничная* и *непристойная* форма. Но данные определения являются субъективными. Непристойность зависит напрямую от воспитания и культуры определенных лиц. То есть одна категория людей может отнести, исходя из своих познаний, картину либо скульптуру изображающие обнаженное тело к ряду непристойных, а другая группа посчитает это шедевром мирового искусства [Изосимов С.В. 2007: 133].

О. Савельева говорит, что «непристойность - это поведение, «вгоняющее в краску» средненормального члена общества, то есть человека, придерживающегося господствующих в этом обществе культурных и социальных норм. С другой стороны, широта понятия непристойность достаточно индивидуальна. Сексуально ориентированная непристойность и есть порнография. Но в юридической практике подобная трактовка этого феномена не работает» [Савельева О. 2000: 25].

Р.С. Джинджолия трактует порнографию как «описание или изображение половых органов, полового акта, половых аномалий и изощрений в непристойном виде, осуществленное вопреки нравственным принципам эротического искусства, с нарушением требований научной сексологии и педагогики, способные вызвать извращенное сексуальное чувство» [Джинджолия Р.С. 2001: 18].

О.А. Аксенов придерживается мнения о том, что «на представления об этом понятии влияют национальные и религиозные взгляды и традиции, отражающие православные, мусульманские, буддистские, иудаистские и иные вероучения. В результате невозможно создать общенародное, всероссийское понятие о том, что именно является циничным и непристойным в половой жизни» [Аксенов О.А. 1997: 227].

Высказанная позиция представляется спорной. Разумеется, хотя на представления о пристойном и непристойном, влияют культурные, национальные и религиозные особенности разных народов и групп населения, тем не менее, международное сообщество может найти и фактически находит общий язык в понимании и юридическом определении рассматриваемого явления [Кудрявцев В.Н. 1999: 173].

О.Ш. Петросян определяет порнографию как «непристойное, грубо натуралистическое, циничное изображение сексуальной жизни, публично фиксирующее внимание потребителя информации на половых органах персонажей с целью возбуждения грубочувствительного полового влечения и удовлетворения половой страсти» [Петросян О.Ш. 2005: 9].

М.В. Гусарова понимает под порнографией «детальную демонстрацию половых органов либо полового акта, умышленно созданную с целью производства сильного полового возбуждения, не обладающую при этом культурной, научной и исторической ценностью, и являющуюся по своей сути оскорбительной для общественной нравственности» [Гусарова М.В. 2010: 28].

Исходя из рассмотренных точек зрения, можно сказать, что понятие порнографии является оценочным. Только искусствоведческая экспертиза с обязательным привлечением специалистов в области медицины, педагогики, сексологии, художественного искусства, кино, - теле - и видеоиндустрии, других, имеющих соответствующее образование и опыт работы, может отнести тот или иной предмет к статусу порнографических материалов. Однако зачастую к исследованиям привлекаются специалисты, область профессиональных знаний которых находится за пределами искусствоведческого анализа видеопродукции: гинекологи, врачи-педиатры, фотографы, преподаватели школ и т.п. [Родионов А. 2000: 15]. Выводы таких экспертов не могут быть положены в основу заключения, так как они являются не результатом использования специальных познаний в соответствующей области, а лишь субъективной оценкой, основанной на личных предположениях.

Но даже лица, имеющие специальные познания в данной области и входящие в состав комиссии, неоднозначно трактуют понятие порнографии и эротики, так как критерии их разграничения неоднозначны.

В настоящее время существует множество точек зрения относительно не только содержания, но и формы порнографии. Так, О.А. Булгакова предлагает разделить ее, на легальную (ограниченную) и нелегальную (запрещенную). При этом, по мнению указанного автора, уголовная ответственность, должна наступать во всех случаях распространения запрещенной порнографии, а незаконное распространение легальной порнографии, следует квалифицировать как административное правонарушение или как преступление, предусмотренное ст. 171 УК РФ, - «незаконное предпринимательство» [Булгакова О.А. 2003: 141-144]. Мы не можем согласиться с данной позицией, так как, порнография в любой форме несет в себе вред общественной нравственности, в связи с чем считаем более разумным ее полный запрет.

В целом, на наш взгляд, можно выделить два противоположных подхода к порнографии.

Сторонники первого считают, что при просмотре порнографических материалов у людей возникает потребность в реализации увиденного, с воплощением своей агрессии, с целью сексуальной разрядки.

Сторонники второго подхода предполагают, что просмотр порнографических материалов способен дать сексуальную разрядку, что приводит, наоборот, к угасанию возможной агрессии [Келли Гэри Ф. 2000: 633].

Из исследований американского ученого В. Фишера следует, что у 89% из обследованных им мужчин при просмотрах порнографии увиденное не вызвало какой-либо агрессии [Fisher W.A. 1995: 23-38]. А, например, в Дании в 1969 г. порнография была полностью легализована, что послужило снижению числа половых преступлений.

Поскольку данные исследования проводились не в России, мы не можем сказать, что порнографию в нашей стране необходимо легализовать, чтобы получить результат тождественный, описанному выше.

Подытоживая результаты рассмотрения объекта и предмета незаконного оборота порнографических материалов или предметов, следует указать, что для более эффективной борьбы с исследуемым негативным феноменом необходимо сформулировать и закрепить в примечании к ст. 242 УК РФ понятие порнографии, а также разработать и указать в постановлении Пленума Верховного суда РФ критерии, позволяющие разграничить порнографию и эротику, чтобы использовать их при проведении экспертизы по каждому конкретному уголовному делу.

На наш взгляд, *под порнографией следует понимать противоречащее принципам общественной нравственности, вульгарно-натуралистическое, циничное изображение половых органов, специальное детализированное изображение гениталий, сцен полового акта, сексуальных извращений, оскорбляющих честь и достоинство человека.*

Исходя из данного определения, можно выделить следующие признаки порнографии:

- она фиксирует внимание потребителя на гениталиях, манипуляциях с гениталиями, половом акте и технике его проведения;
- изображение полового акта является в порнографии самоцелью, следование которой убирает из сексуальной жизни другие компоненты сексуального поведения;
- в порнографии отсутствует выражение личностного смысла сексуального поведения;
- она, в отличие от эротики, ориентирована только лишь на стимуляцию сексуального возбуждения;
- порнография изображает дегуманизированные социально или морально осуждаемые формы половых контактов (гомосексуализм, групповой секс, половые контакты с животными и т.д.);
- в ней присутствует демонстрация сексуальных сцен вне художественной задачи с детализированными грубо натуралистичными, циничными, непристойными деталями;
- в порнографических материалах имеет место использование крупного плана, прямых ракурсов съемки при показе сцен полового акта;

Список использованной литературы

Комментарий к УК РФ / под ред. Наумова А.В. М., 1996. С.338.

Изосимов С.В. Незаконный оборот порнографических материалов: пробелы уголовного законодательства / С.В. Изосимов, Д.В. Шмыков // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2007. - № 4 – С. 133.

Савельева О. Грязное порно или крылатый эрос? // Бизнес адвокат. 2000. № 9. С. 25.

Джинджолия Р.С. Уголовная ответственность за незаконное распространение порнографических материалов или предметов. Сочи, 2001. С. 18.

Аксенов О.А. Ответственность за преступления против общественной безопасности, здоровья населения и общественной нравственности по новому уголовному законодательству России. Ростов н/Д, 1997. С. 227.

Международное уголовное право: учеб. пособие / Под ред. В.Н. Кудрявцева. М., 1999. С. 173.

Петросян О.Ш. Уголовная ответственность за изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 9.

Гусарова М.В. Незаконный оборот порнографических материалов или предметов: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2010. С. 28.

Родионов А. Борьба с незаконным распространением порнографических материалов // Профессионал. 2000. № 2. С. 15.

Булгакова О.А. Уголовная ответственность за распространение порнографических материалов или предметов: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2003. С. 141-144.

Келли Гэри Ф. Основы современной сексологии. СПб., 2000. С. 633.

Fisher W.A. Violent pornography, antiwoman thoughts and antiwoman acts // Journal of Sex Research. 1994. № 1. P. 23-38.